

МИХАИЛ ЗАРУБИН

ПРОГУЛКИ С АНДРЕЕМ ТОЛУБЕЕВЫМ

ЗАПИСКИ
ТЕАТРАЛЬНОГО
ДИЛЕТАНТА

Михаил Константинович Зарубин

Прогулки с Андреем Толубеевым. Записки театрального дилетанта

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68817240
SelfPub; 2023*

Аннотация

В книге «Прогулки с Андреем Толубеевым» рассказывается не только о выдающемся актере петербургского театра БДТ, хотя именно он является ее главным героем. Автор, известный петербургский писатель Михаил Константинович Зарубин, в своей новой работе поднимает сложные и болезненные вопросы городского строительства: многое в окружающем городском пространстве его не устраивает. Так думал и Андрей Толубеев. Автора и его героя волновали одни и те же проблемы, они обсуждали их горячо и заинтересованно, выступая в самых разных аудиториях.

Содержание

Испытание временем	5
Глава первая	7
Глава вторая	55
Глава третья	84
Глава четвертая	126
Глава пятая	151
Глава шестая	175
Глава седьмая	219
Эпилог	249

Михаил Зарубин Прогулки с Андреем Толубеевым. Записки театрального дилетанта

*Посвящаю старшему внуку Николаю с надеждой
на будущее*

Испытание временем

Среди друзей Большого Драматического театра Михаил Константинович Зарубин занимает особое положение. Объясняется оно редким сочетанием его профессиональных и человеческих качеств. Он настоящий строитель, прирожденный созидатель, человек, для которого возводить совершенные строения – суть смысл жизни. И одновременно он с молодых лет оказался восторженным театралом и сохранил преданную любовь к театру на все времена. А в зрелом возрасте, как следует из его книги, оказался покорен искусством товстоноговского БДТ и остался верен нашей труппе.

пе, нашему искусству и по сей день.

Естественно, БДТ сегодня значительно изменился. Не все наши друзья выдержали испытания временем. Для кого-то драматургия Шиллера и Льва Толстого кажется сегодня тяжеловесной, и они перешли в более легкий жанр. Но Зарубин, как он сам пишет о себе, человек «консервативный»; и это, мне кажется, сегодня является синонимом настоящего вкуса. Именно его художественная идеология сделала Михаила Константиновича другом Лаврова и Толубеева. Он оказался с ними, а, стало быть, и со всем творчеством БДТ, одной группы крови, и потому является нашим истинным другом.

Дружба эта проверена временем. На страницах своей книги автор очень скромно рассказывает о том, что он сделал для БДТ. При этом в каждой строке читается, что Зарубин – человек неравнодушный, что очень многое сегодня в окружающем его городском пространстве кажется ему ошибочным и неверным. Здесь он выступает и как строгий критик, и как простой житель Санкт-Петербурга. Книга «Прогулки с Андреем Толубеевым» вновь и вновь призывает беречь окружающих нас близких, быть внимательным к тому, что составляет неповторимое пространство с названием Санкт-Петербург.

В. Каплан,

заслуженный работник культуры

Глава первая

Ода театру

Театр. О нем можно говорить бесконечно. Театр несет в себе высокое предназначение. Лишь одно посещение театра не должно на этом заканчиваться. Он дает повод для размышления о только что прожитом. Да, именно прожитом, так как главную роль в театре занимает зритель. Он вместе с актерами проживает сразу несколько ролей. Зритель может

одновременно пробовать себя в роли главного героя и статиста, сидя в зале. Ведь во время спектакля он улавливает не только интонации и эмоции актеров, но даже их мимику. Невозможно оставаться равнодушным к постановке во время спектакля, да и после выхода из театра без глубоких впечатлений. Кино не может нам дать того, что дает театр. Казалось бы, та же самая игра актеров, даже есть больше возможностей приблизить итог к совершенству путем долгой и кропотливой работы над каждым кадром, но чего-то не хватает. А не хватает импровизации актеров, их «живых» эмоций. Не хватает участия зрителя, того главного героя, для которого это все создается. Так же и книга не всегда способна дать нужных идей. К примеру, для человека, не до конца понявшего суть книги или запутавшегося в ее сюжетных линиях, а может, неправильно интерпретировавшего цели произведения, о которых хотел сказать автор, театр поможет все объяснить.

Театр не изобретает велосипед, театр всего лишь воплощает на сцене маленькие кусочки из нашей жизни. Причем на сцене нам становятся видны детали, которые в повседневной жизни мы не замечаем. Да, люди играют на протяжении всей жизни, и иногда это происходит автоматически. Часто не замечают, где заканчивается грань между настоящим и наигранным. И в дальнейшем воспринимают это как нормальное поведение, что так и должно быть. Некоторым игра в жизни помогает (чтобы разобраться и понять самого себя, чтобы сделать шаг вперед), а некоторым ломает всю жизнь, хотя сами они долгое время этого не замечают или не хотят замечать.

Замечательны слова Уильяма Шекспира: «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль».

На сцене мы с самого начала нашей жизни, с тех пор, как стали говорить. Подобрать слова, сказать их с такой интонацией, чтобы поверила мама, а сестры были наказаны.

Да, театр – это жизнь, он вобрал в себя всю многогранность темпераментов и характеров людей. Ведь каждому из нас приходится играть различные роли, то мы безнадежно

влюблены, то решительны; вот она, игра, игра чувств, эмоций. Но не всегда все так просто, как кажется на первый взгляд, ведь не каждому человеку дан дар от Бога – играть. Хотя жизнь – это такая вещь, где дар, не дар – нужно играть свою роль, но не так просто, на авось, как получится, а играть ее с достоинством и честью.

Наша жизнь – это вовсе не репетиция, где ты можешь переиграть заново ту или иную сцену из спектакля. В реальной жизни иногда очень хочется исправить свои ошибки, переиграть отдельные эпизоды жизни заново. Я уверен, что любого из нас, хотя бы раз в жизни, мучил вопрос: «А что было бы, если бы я сделал вот так, а не иначе?» Как говорил великий Иоганн Вольфганг фон Гёте: «Отличительное свойство человека – желать непременно все начать сначала». Увы... Вернуться назад нельзя, также, как нельзя узнать, что будет дальше. Поэтому и существуют будущее, прошлое и настоящее.

Говорят, что наша судьба предначертана нам свыше, что, рождаясь, мы сразу попадаем на сцену жизни с установленными декорациями. Я осознаю это, но все-таки искренне верю, что в моем «театре жизни» я – режиссер, актер и зритель. Важная задача – найти свою роль. Даже если что-то будет не получаться, даже если будет казаться, что весь мир отвернулся от меня – Я БУДУ ЖИТЬ! Я хочу, чтобы мой жизненный спектакль вызвал радость и печаль. Хочу, чтобы он не был скучным. Хочу разукрашивать свой спектакль в

такие краски, которые сам выбираю. И если это будет нужно, «я в сотый раз начну сначала, пока не меркнет свет, пока горит свеча».

Немного страшно оттого, что в конце всегда дают занавес и тушат свет. Но перед тем, как наступит окончательная тишина, хотелось бы услышать аплодисменты.

В городе на Неве много театров. Но для меня есть самый любимый – Большой драматический театр имени Георгия Александровича Товстоногова. В нем я бываю часто, всегда перед этим волнуюсь, переживаю, боюсь опоздать, но удивительно, при этом прихожу одним из первых. Я смотрю на здание театра: электрические фонари освещают это замечательное место, все спокойно, красиво, так приятно на душе. Вхожу и каждый раз, как впервые осматриваю все вокруг. Зал, полумрак, радостное волнение, ожидание. Люди вполголоса ведут разговор, увидев знакомых, в приветствии поднимают руку. Когда я нахожусь в зрительном зале театра, я испытываю удивительное чувство. Чувство родства с этим местом. Мне все здесь дорого: плафон близ сцены, пагода над порталом, угловые паруса, украшенные росписью с архитектурными и растительными мотивами. Портал сцены, увенчанный лепным карнизом, который поддерживают кариатиды. Любуюсь директорскими ложами, оформленными в виде экседра в обрамлении пышного барочного портика с коринфскими колоннами, разорванными фронтоном и картушем. Ярусы лож и балконов с позолоченными лепными

украшениями, с бархатной обивкой барьеров и кресел. Чуть запрокинув голову, вижу плафон над зрительным залом. Голубое небо, белые облака и восемь пар амуров, неизменных спутников любви и искусства. Творения Людвиг Фонтана и Александра Карловича Гаммерштедта. Все пропитано их духом. Какое счастье, что рядом и мой скромный труд в хороводе прекрасного. Небольшой студийный корпус. Он сразу за стеной театра, там, где артисты идут на сцену.

Вокруг красота. Я впитываю ее. И даже, когда гаснет свет, она окружает меня. На сцене начинается своя, такая удивительная, настоящая жизнь. Все происходит перед моими глазами. Я чувствую свое дыхание и дыхание героев. Волнует только происходящее на сцене – сопереживаю, страдаю и радуюсь. Внезапно... Конец! Аплодисменты... Все единым порывом стоя хлопают, и хочется хлопать как можно дольше. В глазах благодарность. Каждый думает о чем-то особом. Выхожу на Фонтанку. На улице уже темно. И мысли какие-то другие. Нет суеты, проблем. Хочется, как можно дольше сохранить в душе это ощущение... Побывал в особом прекрасном мире.

Смотрю на темную воду, совершенно спокойную. Она лижет и ласкает гранитную набережную, успокаивая и заставляя сделать переход в теперешнюю жизнь.

Как зарождается странное, порой мучительное, порой легкое, сладостно-восторженное состояние, именуемое «любовью к театру»? Вероятно, у всех это происходит по-разно-

му, в зависимости от возраста, воспитания, уровня культуры, места жительства, и т. д. Но есть и общее – однажды возникнув, это состояние не покидает человека уже никогда. Очень точно это описал Михаил Афанасьевич Булгаков в своем «Театральном романе»:

«...Вьюга разбудила меня однажды. Вьюжный был март и бушевал, хотя и шел уже к концу. И опять, как тогда, я проснулся в слезах. Какая слабость, ах, какая слабость! И опять те же люди, и опять дальний город, и бок рояля, и выстрелы, и еще какой-то поверженный на снегу.

Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. Ясно было, что с ними так не разойтись. Но что же делать с ними?

Первое время я просто беседовал с ними, и все-таки книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, а в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра, и не раз я жалел, что кошки уже нет на свете и некому показать, как на странице в маленькой комнатке шевелятся люди. Я уверен, что зверь вытянул бы лапу и стал бы скрести страницу. Воображаю, какое любопытство горело бы в кошачьем глазу, как лапа царапала бы буквы!

С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля. Правда, если бы кому-нибудь я сказал бы об этом, надо полагать, мне посоветовали бы обратиться к врачу. Сказали бы, что играют внизу под полом, и даже сказали бы, возможно, что именно играют. Но я не обратил бы внимания на эти слова. Нет, нет! Играют на рояле у меня на столе, здесь происходит тихий перезвон клавишей. Но этого мало. Когда затихает дом и внизу ровно ни на чем не играют, я слышу, как сквозь выюгу прорывается и

тоскливая и злобная гармоника, а к гармонике присоединяются и сердитые и печальные голоса и ноют, ноют. О нет, это не под полом! Зачем же гаснет комнатка, зачем на страницах наступает зимняя ночь над Днепром, зачем выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папахах. И вижу я острые пашки, и слышу я душу терзающий свист.

Вон бежит, задыхаясь, человечек. Сквозь табачный дым я слежу за ним, я напрягаю зрение и вижу: сверкнуло сзади человечка, выстрел, он, охнув, падает навзничь, как будто острым ножом его спереди ударили в сердце. Он неподвижно лежит, и от головы растекается черная лужица. А в высоте луна, а вдали цепочкой грустные, красноватые огоньки в селении.

Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда?

И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветчивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют «Фауста». Вдруг «Фауст» смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу – напевает. Пишу – напевает.

Да это, оказывается, прелестная игра! Не надо ходить на

вечеринки, ни в театр ходить не нужно.

Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу.

В апреле месяце, когда исчез снег со двора, первая картинка была разработана. Герои мои и двигались, и ходили, и говорили...»

В этом отрывке Михаил Афанасьевич описал свое собственное рождение – рождение Булгакова-драматурга. Оно было странным, причудливым, маловероятным, и в то же время необыкновенно точным психологически.

Так рождаются не только драматурги, но и зрители, толь-

ко вместо маленькой освещенной коробочки-камеры, в которой движутся и говорят крошечные человечки – сцена театра. Она еще закрыта, но когда в зале погаснет свет и тяжелые малиновые волны занавеса поедут по сторонам, открывая декорации, сердце начинающего театрала забьется учащенно-радостно в ожидании чего-то необыкновенного, иного, с чем он еще никогда не сталкивался. Настоящий профессиональный театр я увидел очень давно. Пятнадцатилетним мальчишкой я приехал из сибирской деревни в огромный город Иркутск. Нечего и говорить, что при первом знакомстве Иркутск показался мне поистине сказочным, недаром у него есть второе имя – «жемчужина Восточной Сибири».

В старой части Иркутска – неповторимые архитектурные ансамбли Драматического театра и Театра музыкальной комедии, нарядное здание в мавританском стиле – краеведческий музей, домик декабриста Трубецкого, и, конечно, Ангара, непохожая ни на одну реку мира.

Первым спектаклем, который я посмотрел в иркутском драматическом театре, стал гоголевский «Ревизор». Я не смогу в точности описать, что со мной происходило во время представления, однако мои соседи – пожилая семейная пара – неодобрительно поглядывали в мою сторону. Видимо, я слишком бурно выражал свои эмоции – смеялся громче, чем положено, аплодировал дольше всех, пока не закрылся занавес... В общежитие студенческого городка я возвращался поздно, когда уже стояла прохладная осенняя ночь. Мое то-

гдашнее состояние можно определить как восторженно-идиотическое. Необъяснимый подъем владел мною: я корчил рожи, воображая себя главным героем, жестикулировал, говорил какие-то нелепости... Хорошо, что улицы в тот поздний час были уже пустыми, и некому было наблюдать мое в высшей степени странное поведение.

Театр входил в мою жизнь, я почувствовал это. И уже позже, когда я работал, посещение театра всегда для меня было праздником. А бывая в командировке в других городах, всегда посещал местные драмтеатры, потому что был твердо убежден: театр – лицо города, показатель его духовного уровня. Кроме того, в любом, даже самом маленьком провинциальном театре всегда найдется то, что достойно удивления и уважения.

Иркутский драматический театр появился в 1850 году, когда генерал-губернатор Николай Муравьев-Амурский, большой театрал, уговорил труппу странствующих актеров остаться в городе и поработать несколько сезонов. Первые спектакли актеры давали в Благородном собрании, а через год завершилось строительство здания театра, которое торжественно открылось постановкой пьесы Н. Полевого «Русский человек добро помнит».

Разумеется, первое здание было деревянным и просуществовало недолго – сгорело. Такая же участь постигла и другие несколько театральных зданий, пока в феврале 1893 года в Петербургском Обществе Архитекторов был объявлен

конкурс проектов нового драматического театра в Иркутске. Из тридцати четырех представленных работ лучшим был признан проект профессора архитектуры В. Шретера.

Современники считали иркутский театр лучшей постройкой этого типа в России, настоящей архитектурной жемчужиной. Здание поражало не только убранством зала, но и совершеннейшей акустикой. В 1995 году театру был присвоен статус памятника исторического и культурного наследия федерального значения.

В Иркутск приезжали на гастроли крупнейшие мастера русского театра: Варламов, Долматов, Орленев, Бравич. Не раз побывал в городе передвижной театр Гайдебурова, здесь играла труппа Малого театра, подолгу гастролеровали актеры театра Корша.

Нет, нет, я не был театральным «фанатом», не караулил

артистов у служебного входа, не клянул автографов, но каждое посещение театра для меня, а позднее для моей семьи, было праздником.

В город на Неве я попал уже взрослым, сложившимся человеком. Театральной жизни города я тогда не знал совсем, некоторые ленинградские труппы видел в Сибири на гастролях и судил о них по одному-двум спектаклям. Но этого было достаточно, чтобы сразу и навсегда влюбиться в Большой Драматический Театр, возглавляемый Георгием Александровичем Товстоноговым. Теперь театр носит имя прославленного режиссера...

Я точно знаю, что Большой Драматический Театр похож на отдельное государство с очень маленькой территорией, но с колоссальным влиянием. Население страны невелико.

Прирастает население медленно – каждого стороннего проверяют раз, потом еще раз, а потом берут... на испытание! Ни о каком естественном приросте не может быть и речи: у меня, дескать, и сын подрос, а я, дескать, замуж вышла, а у меня подруга жизни завелась, так давайте и их в нашу общую страну. Да?.. Ни в коем случае! Речи об этом быть не может. Наоборот, родственные отношения делают проверки и испытания еще более строгими. А вот убыль населения идет только естественным путем. Границы государства – стены театра.

Знамя театра – это Георгий Александрович Товстоногов. Имя его увековечено. Одно из лучших театральных зданий

Петербурга – бывший Суворинский театр, бывший театр Горького – носит его имя.

Сегодня БДТ – именно в силу славной своей истории, находится в затруднительном положении, на перекрестке мнений и суждений о себе. Театрам-легендам сложнее других выживать в современной культурной ситуации. Почему? Начну издалека.

Собственно настоящая история БДТ начинается после Октябрьской революции. Открылся новый театр 15 февраля 1919 года спектаклем «Дон Карлос» Ф. Шиллера в помеще-

нии Большого зала консерватории. Первый театр советского драматического искусства замышлялся как театр героического репертуара, масштабных образов, «великих слез и великого смеха». Рожденный героической эпохой, он должен был передать ее особое величие. Главным идейным вдохновителем нового театра был М. Горький. В первые годы ставились преимущественно классические пьесы, в которых акцентировались тираноборческие, свободолюбивые мотивы. В труппу пришли крупные актеры Н. Монахов, В. Максимов, на несколько лет перешел из Петроградского Государственного театра драмы Ю. Юрьев, главный романтический премьер Александринской сцены. Главным режиссером стал А. Лаврентьев, который осуществил постановки: «Дон Карлос», «Отелло» и «Король Лир». Спектакли ставили также Н. Петров «Двенадцатая ночь» У. Шекспира, «Рюи Блаз» В. Гюго, Б. Сушкевич «Разбойники» Шиллера, А. Бенуа «Слуга двух господ» К. Гольдони и «Лекарь поневоле» Мольера, Р. Болеславский «Рваный плащ» С. Бенелли. Художники А. Бенуа, М. Добужинский, В. Щуко и композиторы Б. Асафьев, Ю. Шапорин в тесном контакте с режиссерами стремились придерживаться традиций сценического романтизма.

Большое значение для судьбы театра имело привлечение на должность председателя Директории БДТ поэта А. А. Блока. Меня заинтересовала должность поэта и, когда после поисков я выяснил, что Александр Александрович был по существу Художественным руководителем БДТ, для ме-

ня это было удивительно. Со школьной скамьи Блок в моем сознании – пролетарский поэт. Его «Двенадцать», «Скифы» мы заучивали наизусть. В юности завораживали стихи о Прекрасной даме. Об остальных его увлечениях и работе я знал очень мало. Все перекрывала его поэзия, его поэтический дар. Во время празднования 90-летия БДТ на малой сцене театра я впервые увидел «Розу и крест» Александра Блока в постановке художественного руководителя государственного Пушкинского центра Владимира Рецептера, когда-то служившего в Большом Драматическом театре. Я был потрясен, заморожен, увлечен этой историей любви и одиночества. Увидел глубокий драматизм за сказочным сюжетом, где сон и явь растворяются друг в друге, где наслаждение, радость жизни переплелись со страданием, выпавшим на долю человека. Здесь было все: гнет и справедливость, добро и зло, богатство и бедность. Блок открылся для меня новыми гранями. Выдающийся поэт, оказывается, был и выдающимся драматургом.

Но наряду с героико-романтическими постановками Шиллера, Шекспира, а также экспериментальными работами, театр ориентировался на кассовые спектакли, часто ставил и «облегченные» исторические мелодрамы, такие как «Заговор императрицы», пользовавшиеся шумным успехом. Я знаю театр БДТ и хожу на его спектакли уже тридцать лет. Для меня он всегда прекрасен. Спектакли, как настоящая жизнь, но говорят, что такое было не всегда.

Творческий кризис БДТ, обозначившийся еще в середине 1930-х, в послевоенные годы, усугубился. Театр, который носил имя Максима Горького, переживал тяжелый период. С 1949 по 1956 год в театре сменилось четыре главных режиссера. В сезоне 1953–1954 года в БДТ вообще не было главного режиссера, театр управлялся режиссерской коллегией. В условиях, когда едва ли не каждый год у руля БДТ вставал новый человек, ни о каком плане развития театра, сложившейся репертуарной линии речь не шла. Режиссерская чехарда негативно сказалась на управляемости театра, актерская труппа просто «съедала» неугодных режиссеров. При том, что в БДТ в тот момент было немало талантливых актеров, штат был непомерно раздут. Все это привело к тому, что БДТ в середине 1950-х был в числе аутсайдеров ленинградской театральной жизни. У театра не было «своего» зрителя, спектакли шли при полупустых залах, новые постановки негативно воспринимались театральной критикой, и финансовое положение было весьма плачевно.

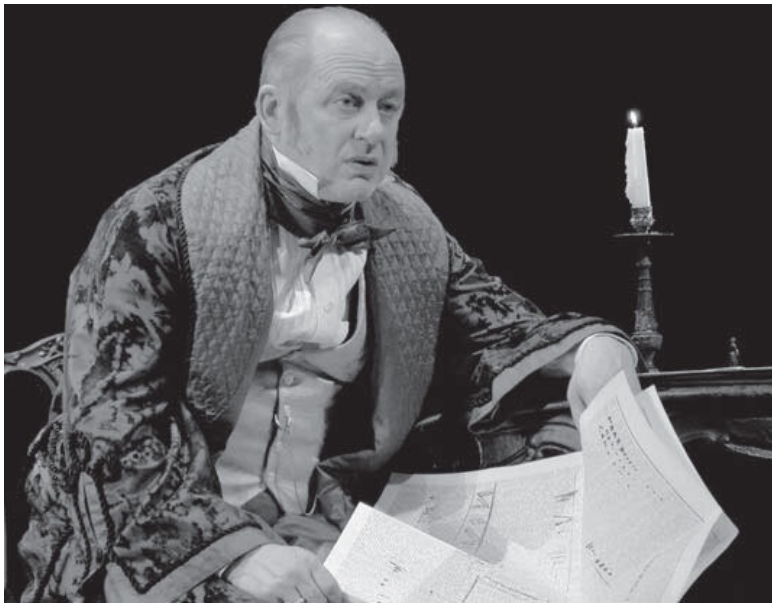
Нет, я не мальчик, дети верят в чудеса. Я уже взрослый человек, и знаю твердо, чудеса бывают. Чудо произошло – кто-то на небесах повелел назначить в БДТ нового художественного руководителя с фамилией Товстоногов.

Товстоногов, который за шесть лет на посту главного режиссера Ленинградского театра имени Ленинского Комсомола заставил говорить взыскательную ленинградскую театрально-общественность о себе, как о чрезвычайно талант-

ливом и успешном режиссере, не сразу принял предложение возглавить БДТ. Однако для спасения «первого пролетарского театра», по настоянию курирующих театры властных и партийных органов Ленинграда, 13 февраля 1956 года Товстоногов все же становится главным режиссером БДТ. Это было начало. Оно бывает в каждом деле. Даже в превращении театра в легенду.

Было очевидно, что для возвращения БДТ былой славы требуются быстрые, решительные и жесткие меры. Товстоногову были предоставлены широкие полномочия. Для проведения административной реорганизации БДТ, директором театра был назначен Георгий Михайлович Коркин. «Он был жесток, он был беспощаден. Он мог все реорганизовать, уволить всех, кого надо», – говорили о нем. Совсем недавно, разговаривая с работником театра Вениамином Наумовичем Капланом, я убедился, что роль Георгия Коркина слишком преувеличена. В те времена уволить кого-либо вообще было трудно: партком, профком, худсовет плюс Советская власть. Разбухшую труппу уменьшали с помощью Министерства культуры, а индивидуально решал худсовет. Директор был исполнителем, но память человеческая оставила за ним, как главным действующим лицом, участие в тех событиях. Из Ленинградского Ленкома Товстоногов пригласил в БДТ заведующую литературной частью театра Дину Морисовну Шварц. На своей первой встрече с труппой, коснувшись темы «съедания» труппой художественных руководи-

телей театра, Товстоногов заявил: «Должен сразу предупредить: я несъедобен». В истории театра началась новая эпоха. В течение 33 лет, до самой смерти, Товстоногов возглавлял БДТ, подобно зодчему терпеливо и настойчиво возводил здание своего театра, учитывая возможности труппы в целом и каждого актера в частности, внешние обстоятельства и собственные режиссерские интересы и пристрастия. У него была своя театральная идея и огромная сила созидания. Он создал театр, который на протяжении трех десятилетий неизменно оставался одним из лидеров отечественного театрального процесса. Внутри театра Товстоногов являлся непререкаемым творческим авторитетом. В театре ничто не происходило без его соизволения. Это был хозяин. Все, что делалось в коллективе, было осуществлением его знаменитой формулы: «Театр – это добровольная диктатура». Он был диктатором, лидером, воле которого подчинялись безоговорочно. Но основывалось это подчинение не на должностном уставном величии, а на силе и непререкаемости творческого авторитета. Он был энциклопедически образованным человеком и о театре знал буквально все.

Несомненно, это была «просвещенная монархия»: актер Сергей Юрский даже придумал ей свое название – «Товстоноговия». Говорят, в театр, который до этого вел весьма посредственное существование, публика в буквальном смысле побежала. Вспоминают, что за билетами на премьеру люди занимали очередь глубокой ночью. Эпоху Товстоногова в Большом современники окрестили «золотой», а сам театр того периода стали называть «эстетический оазис для ленинградской интеллигенции». Многие говорили, что Товстоногов не руководил театром, – он им жил. Он утверждал, что

театр – это искусство правды, а его основная цель – достучаться до совести зрителя. Его боялись и очень любили, под его началом в БДТ была собрана одна из лучших драматических трупп страны, для которой он был абсолютным монархом и диктатором. Однако все, – в глаза и за глаза, – ласково называли его «Гогой». Его приход совпал с «оттепелью» – оживлением общественной жизни страны после XX съезда КПСС. В короткий срок Товстоногов вывел театр из кризиса, превратил разлаженную труппу в сплоченный коллектив, способный успешно решать самые сложные творческие задачи. Решающим в театральной политике главного режиссера было обновление труппы и выбор репертуара. Чтобы вернуть доверие зрителя, Товстоногов начинает с непритязательных, но живых и узнаваемых пьес «Шестой этаж» А. Жери, «Когда цветет акация» Н. Винникова. В эти постановки активно вовлекается талантливая молодежь, вскоре ставшая основой обновленного коллектива. Этой молодежью были: К. Лавров, Л. Макарова, Т. Доронина, З. Шарко. Они принесли на сцену живое дыхание правды, они были прекрасны. Раскрепощенные духовной атмосферой своего времени, молодые актеры вместе с режиссером утверждали нового героя – внешне совсем не героического, но близкого каждому в зале, светящегося внутренней красотой и талантом человечности. Постановки произведений современной драматургии – «Пять вечеров», в центре которых необыкновенно тонкий дуэт Е. Копеляна и З. Шарко, «Моя старшая сестра» А. Володина

с блистательными Т. Дорониной и Е. Лебедевым, и «Иркутская история» А. Арбузова – шли параллельно с тщательной работой над русской классикой, в которой режиссер слышал прежде всего нерв сегодняшнего дня его актуальность. Спектакли «Идиот» по Достоевскому, «Варвары» Горького, «Горе от ума» Грибоедова, «Три сестры» Чехова, «Мещане» Горького стали крупными событиями духовной жизни общества и определили лидирующее положение БДТ в отечественном сценическом искусстве. Особый интерес вызвала сложившаяся в БДТ форма «спектакля-романа», которому свойственны обстоятельность и тонкость психологического анализа поведения персонажей, укрупненность образов, пристальное внимание к внутренней жизни всех действующих лиц.

«Варвары» Горького оказался первым спектаклем, превратившим еще недавно разнородную труппу БДТ в мощный и богатый звучаниями ансамбль, где режиссером были подготовлены и обеспечены большие актерские победы П. Луспекаева-Черкуна, В. Стржельчика-Цыганова, В. Полицеймако-Редозубова, З. Шарко-Кати, Т. Дорониной-Надежды, Е. Лебедева-Монахова.

Событием в театральной жизни страны стала постановка «Идиота» с И. Смоктуновским в главной роли. Спектакль, в котором особенно ясно проявился новаторский стиль режиссера: неуловимый в своей многоликости с одной стороны, и внешней неброскости с другой. Режиссер творит через

актера, вместе с актером, и раскрывает их индивидуальности часто неожиданно для них самих.

Никакой замысел не существует для Товстоногова вне артиста. Критик К. Рудницкий писал: «...режиссер в актерах оживает, искусство каждого из артистов приоткрывает одну из многих граней искусства самого режиссера...». Поэтому главная работа в театре – работа с автором и артистом. Главный итог работы – создание ансамбля высочайшей культуры, который может решать сложнейшие творческие задачи, добиваться стилистической целостности в любом спектакле.

Контакт со зрительным залом в спектаклях БДТ всегда обострен. Но были спектакли, где это условие становилось первостепенным. Так был поставлен спектакль «Горе от ума» с трагическим и одновременно эксцентричным Чацким – С. Юрским, который искал соратников в зале, обращаясь к зрителям, с живой юношеской непосредственностью, надеясь на понимание.

В каждом спектакле Товстоногова – свой способ общения со зрителем, будь то «История лошади» с Е. Лебедевым в роли Холстомера будь то Чехов, Горький или Гоголь, где режиссер ставит самые жестокие вопросы перед своими героями, а значит и перед зрителями. При этом новизна прочтения возникает у режиссера из глубины прочитанного текста, тех его пластов, что еще не были увидены и изучены. Секреты своей режиссуры Товстоногов раскрыл в своей замечательной книге «Беседы с коллегами». Собственно, он ни-

когда не делал из своей работы никаких секретов, но в данном случае Георгий Александрович предоставил читателям возможность побывать на его многочисленных репетициях и прикоснуться к великому театральному таинству – созданию спектакля «Ревизор».

«9 февраля 1972 года.

Басилашвили показывает костюм Фантома – черный плащ, цилиндр, очки, бакенбарды, прикрепленные к цилиндру, «типичный» ревизор – и из жизни, и из сказки.

ТОВСТОНОГОВ

(Данилову). Вы следуете за логикой, а нас интересует поток, это, как рулада на фортепиано, алогизм. Должно быть как заготовленный номер. Сама по себе история нам известна. Рассказывайте все только Добчинскому – мол, видишь, как я все подробно и точно рассказываю, ради бога, не мешай! Во время рассказа мы должны слышать звуки задыхающегося человека. Однообразные и ритмичные.

(Штилю). Ваше падение отменяем, это прерогатива Хлопова. Иначе получается, что у нас все падают в обморок. Оба они садятся на стулья, но усидеть не могут, устремлены друг на друга. Первые слова почти беззвучны, потом почти шепот. Как можно тише, при полном внутреннем напряжении. Оба физически очень слабы, только тогда будет артистично. Сейчас получается надрыв, а они, как мотыльки.

(Лаврову). Слушайте их, на них не глядя, все пытаетесь разобраться в этом бессмысленном бреде. А потом вырвался вопрос: «Кто, какой чиновник?».

(Данилову и Штилю). Фразу: «Чиновник-та, о котором изволили получить нотацию, – ревизор», – скажите вместе. Тут у городничего длительный процесс – оценка. Мучительно хочет постичь их рассказ, слышал что-то страшное, но непонятное, страшное отбросил, но последние аргументы доконали: «Он! и денег не платит, и не едет». Да еще в тарелки заглянул

(Данилову). Где-то у вас пробивается живое, во второй половине сцены, но в целом еще формально.

(Штилю). Каждый взгляд Городничего на Добчинского заставляет его умолкнуть. После рассказа Бобчинский и Добчинский снова объединяются. Это как два боксера после окончания боя.

(Всем). Все, осознав, что произошло, медленно выходят вперед и крестятся – почти скульптурная группа.

Полицейских не двое, а трое. Городничий со всеми тремя говорит, как с одним человеком. Они все на одно лицо, все одинаковы, один подменяет другого, но Городничий этого не замечает.

ТОВСТОНОГОВ

«Пусть каждый возьмет в руки по улице...» – нужно сказать серьезно, раздумчиво. Все задумались – как можно взять в руки по улице? Только в этих оговорках Городничего выражается страх, внешне

очень спокойно, даже преувеличенно спокойно. И вместо шляпы надевает футляр не как трюк, а как некое смещение ума. Долго стоит в этом футляре, думая, что это шляпа, никто не смеет этого заметить. Поняв, наконец, свою ошибку, всерьез пугается своего состояния. Тема «сдвинутых мозгов» попадает в общее решение – фантазмагория. Это сложная сцена для Городничего. Все смешалось: коробка вместо шляпы, Держиморда, гарниз, церковь... Надо овладеть сценой ритмически. Внутренняя лихорадочность – помутнение разума.

МАКАРОВА

Сначала было смешно, а потом стало страшно. Действительно, помутнение разума. Начиная с «метлы» стало страшно.

ТОВСТОНОГОВ

Здесь это хорошо. Подготавливает галлюцинации Городничего в гостинице. Этим оправдывается видение ревизора-фантома.

Сцена в гостинице

ТОВСТОНОГОВ

Отношения Хлестакова и Осипа – постоянная взаимная борьба. Зависимость Хлестакова от Осипа огромна, он им руководит.

ЮРСКИЙ

Сцену нужно начинать ударно. Замедленный темп неправомерен.

ТОВСТОНОГОВ

Напротив. Здесь есть право на внешний покой. Украл у хозяина последний табак и наслаждается трубкой.

ЮРСКИЙ

Я чувствую, что с самого начала надо взрывать.

ТОВСТОНОГОВ.

Начните с паузы. Долго сидит, курит, обследует саквояж, в котором держал папиросы, но там пусто, а потом будете иметь право на монолог сразу «взорваться»...

Эта удивительная книга – настоящий учебник, ее необходимо читать не только начинающим режиссерам и актерам, но и критикам, драматургам, всем, кто профессионально связан с театром. Правда, здесь есть одно «но» – кто попытается воспользоваться уникальным опытом Товстоногова практически, того ждет разочарование – он не передается механически. Казалось бы, знаменитый режиссер полностью открыт: вот его творческая лаборатория, вот ключ – бери, пользуйся! Но нет, нет! – нужно быть Товстоноговым с его мощным интеллектом и самобытностью, чтобы создать

такой театр и такую труппу.

В семидесятые годы Товстоногов продолжал свои театральные поиски, связанные с большой литературой. Он берется за роман-эпопею «Тихий Дон» – произведение сложное, о котором яростно спорили и по сей день продолжают спорить критики и литературоведы. Он поручил роль главного героя Олегу Борисову, и не пожалел об этом. Григорий Мелехов в исполнении Борисова занял все пространство сцены, оттеснив на задний план всех – таких же талантливых и самобытных актеров, как и сам. И хотя режиссер всегда стремился к полифоничности, в «Тихом Доне» этот принцип был нарушен. Слишком ярок и убедителен оказался Борисов, как, впрочем, и в шолоховском романе...

По-новому прочитана и осмыслена революционная тематика спектаклей: «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, поставленные неоднократно и в разное время, а также «Перечитывая заново» М. Шатрова, где пристально, без ложного пафоса рассматривается простой человек, оказавшийся перед лицом Истории.

Характерное замедленное развитие «спектаклей-романов» Товстоногова «Варвары» и «Мещане»; «Поднятая це-

лина» по М. А. Шолохову исподволь подводило актеров и зрителей к бурным, «взрывным», кульминационным моментам.

Но не была чужда БДТ и веселая, озорная комедия. Праздничная, легкокрылая «Ханума» А. Цагарели, поставленная с особым лиризмом, изяществом и блестящими актерскими работами Л. Макаровой, В. Стрельчика, Н. Трофимова уже почти сорок лет не сходит со сцены театра. Опыт особого «вахтанговского» прочтения с его открытой игрой в театре был успешно освоен режиссером в «Волках и овцах» А. Островского. Острым трагикомическим гротеском прозвучала опера-фарс А. Колкера «Смерть Тарелкина» по А. В. Сухово-Кобылину, раскрывших большие возможности актеров БДТ в области открытой театральности (актерские работы Е. Лебедева, В. Ковель, С. Крючковой). Комедийное мастерство артистов оттачивалось как на материале современной пьесы, так и в инсценировке «Пиквикского клуба» по Ч. Диккенсу.

В труппе, кроме уже упомянутых артистов, плодотворно работали Э. Попова, М. Призван-Соколова, О. Волкова, Л. Малеванная, Ю. Демич, А. Толубеев, С. Крючкова. В 1983 г. труппа БДТ пополнилась еще одним уникальным мастером сцены – А. Фрейндлих, сыгравшей и продолжающей играть самые разноплановые роли – от трех женщин, противоположных по складу в комедии «Этот пылкий влюбленный» до трагедийных образов леди Макбет и Насти.

Все это я узнал потом, когда мне посчастливилось попасть за кулисы театра, где готовится праздник. Именно праздник.

По своей натуре я консерватор. Спектакли мне нравятся классические. Очень трудно воспринимаю пьесы современных авторов, большой противник антрепризного театра. Когда-то на эту тему мы разговорились с Кириллом Юрьевичем Лавровым. Был удивлен близостью наших позиций. Вот его слова: «Перед русским театром стоит очень серьезная задача сохранить репертуарный стиль. Недавно посмотрел по телевизору «Адъютант его превосходительства». Конечно, там играют мои любимые друзья – Стрельчик, Юра Соломин. Но кроме того, обратил внимание, как тщательно сделана эта картина! Много лет назад сделана, но как это хорошо! Как это контрастирует с торопливостью и легкомысленностью большинства наших сериалов! Эта опасность подстерегает и театр. Если мы потеряем серьезный психологический театр, с определенными традициями, с определенными направлениями, мы потеряем театральную Россию. Если обратимся к развлекательности и зарабатыванию денег, мы превратимся в рядовую театральную среду, каких полно в мире. Коллеги из других стран, всегда завидовали нашей театральной школе. Я бывал за границей много раз и знаю, как они стремятся разгадать тайну русского театрального искусства».

А тайны русского театрального искусства – это спектакли БДТ. При этом, в современном БДТ продолжают идти мно-

гие спектакли Г. Товстоногова, которые не просто сохранены, а живут полнокровной жизнью. Какое это великое счастье! Смотря их, я всегда ощущаю, как режиссер любит актера и уважает автора. Все это передается зрителю, и достигается неповторимый эффект.

И еще, что я вынес из «закулисья». С чем согласился, а где остался при своем мнении.

Кто-то твердит: БДТ – театр старомодный. Так сегодня, к сожалению, принято вот таким странным образом «приговаривать» старые театры. Но мода – все-таки не то слово, которым разумно оперировать в культурном обиходе и оценивать все в театральном искусстве. мода ветрена и капризна, мода предполагает желание быть как все. Сегодняшний БДТ – славный театр, переживающий не лучший период в своей истории. Но чтобы подняться в гору, надо спуститься вниз. Мне посчастливилось почти пятнадцать лет жить одной жизнью с ним. И день за днем я видел эту нелегкую работу. Видел это через актеров, а также через художественного руководителя Кирилла Юрьевича Лаврова.

Да, театр жесток, в нем нет равенства. В труппе есть патриции и плебс – люди для исполнения простых функций. И не всегда справедливо это деление. Есть драмы жизни, есть и трагедии. Но труппа БДТ, как единство, как могучий организм, способна решать любую задачу. Есть конкуренция, есть и то, что называют закулисными интригами, но все равно, когда произносится БДТ... Я твердо верю, что пройдут

годы, все мы и новые зрители, которые сегодня еще в пеленках, будут произносить с нежностью и любовью эти три буквы... БДТ. Да, понимаю, что трудно в каждой работе выступить актеру, что называется, на верхнем пределе. Но об этом пусть судят критики. Для меня все, что делается в Большом Драматическом театре – прекрасно.

Я пишу без оглядки на кого-то, не скрою, в театральном деле – дилетант. Но в моих словах дань любви. Любви к театру.

Театр – удивительный мир. Люди во все времена строили храмы для молитв самыми красивыми. Здания храмов по своей красоте соревновались только с храмами искусств. В каких бы городах я ни был: в родной России или за границей, театр – центр притяжения сердец. И всегда здания театров поражали меня грандиозной архитектурой.

Отношение церкви и театра всегда были сложными. Были ссоры между ними, были гонения на театральное искусство, но возрождение театрального искусства началось именно в лоне христианской церкви – с литургической драмы, религиозного представления, входившего в состав пасхальной или рождественской службы. Литургические драмы отличались строго формализованным, ритуально-символическим характером актерского исполнения. Однако с течением времени усиливалось мирское звучание литургической драмы – в нее проникали народные интонации, бытовые черты, комические мотивы. Изгнанная из церкви на паперть,

литургическая драма трансформировалась в полулитургическую, далее – в мистерию и иные виды религиозного театра – миракль и моралите. В них господствовал аллегорический, иллюстративный, нравоучительный и бездейственный стиль актерского исполнения. Собственно, главный акцент делался не на актере, а на разнообразных сценических эффектах; вознесение на небеса, низвержение в ад, долженствующих создавать у зрителей благоговейное впечатление чуда. Однако усиление общественной роли театра привело к некоторым послаблениям и в отношении к странствующим, площадным актерам. Балаганные, фарсовые, импровизационные приемы актерского исполнения вышли на новый виток бурного развития в искусстве средневековых гистрионов, вагантов, шпильманов, менестрелей и др.

К этому же времени относится зарождение и становление итальянской комедии масок, оказавшей огромное влияние на развитие не только театра, но и всей культуры в целом – от литературной комедии до общей эстетики Серебряного века. В актерском искусстве комедии дель арте был доведен до совершенства импровизационный принцип исполнения, основанный на жестких сюжетных схемах, а также на принципе ансамбля, неразрывной связи и точного взаимодействия с партнером. Именно принципы актерского ансамбля сохраняют свою актуальность и для современного театра и актерской техники.

Общение с театральными работниками не проходит бесследно. Прав Кирилл Юрьевич Лавров: «Профессия накладывает отпечаток на окружающее». Я многое узнал, благодарю за это всех, с кем свела меня жизнь.

Мне дорог театр. Дорог за то, что дал возможность увидеть вблизи, что такое творчество и что такое талант. Он дал поверить, что существуют моменты высокого человеческого единения. В театре, где многое – выдумка, именно эти моменты есть драгоценная и главная реальность.

Театр дал мне друзей... Они известные актеры, собирают полные залы, но разве это самое главное в театре? Я знаю, что из театра они вынесли нечто большее, чем просто умение быть «хорошим человеком». Ну как сегодня представить БДТ без Геннадия Петровича Богачева? Он настоящий мужик, с которым не страшно идти куда бы то ни было: веселый и щедрый, добрейшей души человек. Юмор его искрометный, игра удивительна.

Игра Валерия Дягтеря увлекает, она помогает зрителю заглянуть в себя и постараться понять другого. На сцене его не спутаешь ни с кем другим: особый голос, с обыкновенными чертами лица. Для меня он романтик, притягивающий зрительское внимание, заставляя нас думать.

Изиля Захаровича Заблудовского знают все. Он пришел в театр, когда ему не было семнадцати и служит здесь шестьдесят пять лет. Он не играл главных ролей, их на всех не хватает. Он навеки с БДТ, его живая история.

Сергея Лосева, увидев один только раз, перепутать с кем-то невозможно. Веселый, с большим чувством юмора, оно

может отказать ему лишь в одном случае, если кто-то будет покушаться на его роль лучшего шахматиста Большого драматического театра. На юбилеях треста он желанный гость. Он много и с удовольствием на наших вечерах исполняет сатиры на человеческие нравы, и это доставляет истинное удовольствие.

Совсем недавно Валерию Михайловичу Ивченко исполнилось семьдесят. Я всегда испытываю к нему чувство ученика. При разговоре с ним я подтягиваюсь, внимательно слушаю, зная свой характер, сколько есть мочи стараюсь не перебивать. Его голос, хрипловатый и чуть дрожащий, заставляет собеседника сразу обратить на себя внимание и замолчать. За каждой его ролью стоит интеллект, мастерство, умение анализировать и выразительно доносить суть персонажа до сознания зрителей. Это характеристика Георгия Александровича Товстоногова, а она дорого стоит.

Такие же добрые слова приготовлены для Василия Реутова, Нины Усатовой, Людмилы Макаровой, Марии Лавровой, Леонида Неведомского, Михаила Морозова, Елены Поповой, Георгия Штиля...

Какая радость видеть их, какое счастье жить вместе с ними.

Жизнь театра похожа на течение большой реки. Эта река то подчиняется рельефу местности и в соответствии с ним течет ровно и тихо, а то вдруг удивляет внезапным разливом вод и их строптиво-бурным характером.

В каком-то смысле театр тоже явление природы, то, чем мы дышим и питаемся. Только создается он не сам по себе, а усилием человека-творца. Человек-творец создает на подмостках некое подобие зеркала, чтобы внимательнее рассмотреть самого себя и окружающий нас огромный спокойный мир. Только тому, кто его любит, театр по-настоящему открывает себя.

Я люблю театр. Мне посчастливилось видеть зал, когда он остается после спектакля пустой и тихий. Как актер, он снял яркие одежды и приходит в себя от только что пережитого волнения.

Тусклый свет освещает сцену, и кулисы угадываются в полутьме. Тишина...

Я видел утро в театре. Утром он оживает. Суета, люди, не находящие себе места, бесконечные повторы фраз и движений, бессвязные слова, крик режиссера... Хаос! Непосвященному человеку не понять, что это и есть та самая магия театра, что так рождается чудо. Чудо режиссера, актера, гримера, костюмера – всех, кто хоть как-то замешан в этом празднике рождения спектакля.

Я люблю в театре его будничный, ежедневный, нервный труд. Сколько сил физических и, главное, душевных затрачено для того, чтобы в сердцах зрителей что-то тронулось с места. «Зачем?» – спросите вы. А как иначе? Независимо от возраста в каждом из нас живет та, непонятная никому, детская вера в чудеса. И чтобы не погрязнуть в обыденности,

не разучиться мечтать, мы идем в театр. Мы – это зрители, которые хотят увидеть там что-то, помимо того, что видят каждый день. Благодаря этому мы можем вести разговор со своим «Я», которое не обманет, не предаст, а раскроет перед нами двери в новый мир, полный чудес и волшебства. Какой взрослый не мечтает, пускай и на два часа, вновь стать ребенком?

Задаю вопрос знакомому актеру: «Волнуешься?» – «Что ты, конечно, нет». Естественно, он лукавит, так как актер и на сотом спектакле волнуется, ведь ожидание и волнение – два первых и главных чувства. Я, например, всегда с нетерпением жду каждого похода в театр – что смогу открыть нового? Волнение? Обязательно! Это как бы встречные воздушные волны – одна идет со сцены в зал, другая из зала устремляется к сцене. В этом потоке смешивается чья-то надежда и чья-то радость... Общим становится чье-то горе...

Я люблю театр за эту его способность – исподволь работать над человеческим сознанием, над моим сознанием. Не давать ему погружаться в лень, тормозить и беспокоить слишком спокойных.

Сейчас время, когда нас окружает большое количество любителей голубого экрана и виртуального пространства, когда мы сдержаннее в выражении наших чувств, но это ни в коем случае не означает, что театр умирает. Нет! Сколько бы не пророчили гибель театру, он всегда будет жить, жить для своих зрителей, которые, как бы это банально не звуча-

ло, приходят в театр не только отдохнуть, но и чтобы постичь себя. Не зря еще А. Герцен говорил что «театр – высшая инстанция для решения жизненных вопросов».

Игра – свойство театра. Где правда, где вымысел, где сцена, где жизнь, где любовь, а где ненависть – кто знает? Не знает даже он сам – человек играющий. Мы все проигрываем свои жизненные сюжеты, делая это в меру отпущенного нам сверху артистизма. Актеры же – люди особенные, им дано прожить сотни сюжетов, построив свои отношения с партнерами на сцене и в жизни. Сколько физических и душевных сил актер и режиссер затрачивают на то, чтобы взволновать зрителя, заставить его думать, сопереживать. Я иду в театр увидеть сказку, ее так не хватает в обычной жизни.

Есть один день в году, когда во всем театре праздничная атмосфера. Нет, нет, это не день театра. Просто в первые дни первого месяца осени собирается вся труппа. Порой это совпадает с началом театрального сезона, порой – нет. Мне это напоминает первое сентября в школе. Лето, такое длинное и такое короткое, пролетело. Многие не виделись друг с другом не только летние месяцы, но и весь прошлый сезон, это все-таки театр. Кто-то работал в антрепризе, снимался в кино, или... увы, болел. Много смеха, разговоров. Я вновь среди своих. Кругом много знакомых лиц, есть молодые, стоят отдельно, чуть напряжены: как встретят их, что ждет? Жизнь стремительна, поколение звезд стареет. Так всегда было и будет. У молодых свои идеи. Пройдет десяток лет, и появят-

ся новые звезды. Но какая будет у кого судьба, кто сможет достигнуть уровня артиста театра Товстоногова, который сумел собрать уникальную, блистательную труппу, – покажет время.

Я среди родных людей. БДТ – театральный дом, и все живущие в нем – члены одной семьи, в которой вот уже многие годы молодые с ходу подхватывают и делают все, как старшие. Есть традиция в театре, которая мне очень нравится: никто не репетирует в обуви, в которой пришел с улицы. Давно заведенный порядок. Сколько я не пытался узнать, кто первый его установил – не смог. Таких традиций много в театре. Мы говорили о них, уединившись с Темуром Нодаровичем Чхеидзе – художественным руководителем. Он известный режиссер еще со времен Советского Союза, народный артист России и Грузии, лауреат Ленинской премии. Получил ее за актерскую работу в фильме «Твой сын, земля». Живет на два дома. Летом уезжает домой в Тбилиси, где у него семья, дети и внуки. В Питере работа. В БДТ он уже почти двадцать лет. В 1990 году он поставил «Коварство и любовь» Ф. Шиллера – спектакль, задуманный еще Товстоноговым и ставший первой премьерой БДТ после ухода Мастера.

Мы в кабинете, где я много раз бывал, когда был жив Лавров. В обстановке ничего не изменилось: уютно, светло, скромно, по-домашнему тепло. Я всегда поражался этой скромности: ни приемных, ни роскошных кресел и дива-

нов. Когда-то я хотел изменить это, начав строить административный корпус театра, где была запланирована огромная приемная, кабинет с окнами на Фонтанку. Но все площади были пожертвованы в пользу театральной студии. Мы говорили, конечно, о театре.

– Нас очень поддерживают зрители, которые не теряют к нам интерес и по-прежнему ходят в БДТ, – говорил мне Тему́р Нодарович. – Мы активизировали нашу гастрольную деятельность по России, а также еще до нового года побываем

в Риге и Таллинне. Мы ставим главный акцент на классику, но ищем и современные пьесы – без них не обойтись. Сегодня мы больше внимания обращаем на Малую камерную сцену. Дело в том, что, возможно, уже в следующем сезоне в театре начнется реконструкция, которая, как обещают, продлится полтора года, а я думаю, что дольше. И замены Большой сцены БДТ, к сожалению, в Санкт-Петербурге нет. Поэтому придется сконцентрироваться на камерных постановках. Мне очень жаль времени, которое будет потеряно в связи с ремонтом. Сегодня, когда я смотрю в зал, он на две трети заполнен молодыми лицами, им интересны наши спектакли. Я убежден, что каждый наш спектакль, он про всех нас. Каждый из нас любил, любит, будет любить. Каждый что-то терял очень дорогое в жизни. Жизнь всех нас постоянно и по разным поводам ставит перед тем или иным выбором. Классика потому и классика, что занимается вечными проблемами. Ведь проблемы «Дон Карлоса» – должен ли человек служить государству или развивать и отстаивать собственную свободную личность – это ведь наши с Вами проблемы.

Мы вспомнили, как в этом же кабинете разговаривали с Лавровым, как был мудр Кирилл Юрьевич, честен и порядочен.

В окно ударил порыв ветра, распахнув створку рамы. На улице выпал первый снег, и снежинки залетели к нам. Мы оба с удивлением смотрели на это чудо.

Белый пух, ударяясь о невидимую стену, исчезал, остав-

ляя после себя капельки воды. Вот так и наша жизнь. 90 лет театру. Для истории 90 лет – это немного, а для людей это вся жизнь... Сколько поколений уже прошло за 90 лет, сколько вкусов сменилось. А успех или неуспех театра существует до тех пор, пока остаются живые свидетели его спектаклей.

Мы с Темуrom Нодаровичем вспоминали великих звезд театра, с которыми совсем недавно спорили, смеялись, восхищались и удивлялись их игре. Евгений Лебедев, Владислав Стржельчик, Кирилл Лавров, Андрей Толубеев – они ушли. Только в памяти людей сохраняются улыбки Евгения Алексеевича и дружеские слова на одной из встреч в театре после премьеры. Когда я прочел стихи, он вдруг вскинул голову:

– Ничего, ничего, слушай, Михаил, с работы выгонят, пока я в художественном совете, приходи, возьмем на работу.

И, прижав меня к себе, расцеловал.

С Владиславом Игнатьевичем мы почти месяц работали вместе – будучи делегатами последнего съезда коммунистов Советского Союза. Я до сих пор храню его автограф в делегатской книжке.

С Кириллом Юрьевичем нас связывала двенадцатилетняя дружба, о ней я рассказывал в книжке «Времени тонкая нить. Кирилл Лавров».

А с Андреем Толубеевым мы были приятелями.

Глава вторая

Толубеев, сын Толубеева

Андрея Толубеева окружали люди, в основном, театральные. А я строитель. Но наша профессия такова, что всем до

нас есть дело. И нам – до всех. Благодаря этой особенности мы с Андреем и познакомились. К тому же скоро выяснилось, что взгляды на близкие нам проблемы, в общем, одни, хотя и с разного боку.

Мы строили для БДТ студийный корпус, жилой дом, ремонтировали внутренние помещения театра. Конечно, я общался, в основном, с Кириллом Лавровым, как главным распорядителем стройки, но постепенно в этом кругу уже был весь театр, включая вспомогательные службы. На какое-то время мы стали, можно сказать, одним предприятием, на котором все друг друга знают. Поэтому, когда мы с Андреем оказались на заседании то ли Общественного совета города, то ли актива, без лишних слов пожали руки, сразу перешли на «ты», как давние знакомые.

Я его, как все в театре, звал Андрей, Андрюша, он меня Константиныч.

Разница в возрасте у нас год с небольшим – он постарше. Церемонных обращений, подметил я, он не любит, я тоже. Это помогло общению.

Я давно знал, что актер он высочайшего класса. На сцене Андрей был человеком, способным сыграть любой образ. Зал при его появлении замирал в ожидании чуда. И он не обманывал ожиданий – завораживал игрой. Я уверен, да только ли я – он способен брать в плен любой зал. В нем словно умножилась, обогатившись мастерством, мощная природная актерская энергетика, переданная ему отцом,

непревзойденным мастером сцены и киноэкрана, народным артистом СССР, Юрием Владимировичем Толубеева.

Мне посчастливилось видеть Толубеева-старшего в «Сказках старого Арбата» А. Арбузова, в «Оптимистической трагедии» В. Вишневского, в роли Санчо Панса в «Дон Кихоте». Мог ли я тогда предположить, что через три десятка лет увижу на сцене его сына, и тоже в «Оптимистической трагедии», и тоже поставленной Товстоноговым, только в другой роли – Алексея. Андрей сыграл ее точно, глубоко и пронзительно.

Театральный критик Михаил Швыдкой писал в журнале «Театр»: «Когда театральный мастер заново обращается к произведению, уже поставленному им самим однажды и снискавшему успех, это невольно порождает толки и вопросы разного уровня и достоинства. От простейшего: «Делать, что ли, больше нечего?», до значительно более сложного: «Сможет ли он вновь сказать нечто важное – не просто отличное от предшествующего, но органически связанное с глубинными течениями нынешнего исторического времени?»»

В новой постановке «Оптимистической» напряженный диалог каждого с историей, трагическая попытка найти «свою правду» в мире, где правда единственна, становится, как кажется, важнее непосредственных фабульных споров и столкновений. Оттого-то столь значимой становится в спектакле судьба Алексея, каким сыграл его А. Толубеев, – его гамлетизм отзывается в поступках однополчан, в типе их отношений с миром. Определяя свое место на корабле, а затем в полку, он пытается решать сущностные вопросы бытия, стремится истинно распорядиться своей свободой, найти ее осмысленное осуществление. В этом Алексею ощутимы

уроки работы театра над прозой М. Шолохова – матрос первой статьи должен был решать для себя те же вопросы, что и Григорий Мелехов, искать пути самоосуществления, совершать выбор в пользу революционного разлома страны с такой же трагической страстностью, как и шолоховский герой О. Борисова. В каждой фразе Алексея-Толубеева будет пробиваться неприменное вопрошение мира, истовое стремление постичь правду во всей ее многосложности и жестокой наготе. «Правды ищущ», – признается он Рябому, и поиск этой мировой правды, ради которой не страшно и жизнь отдать, станет для артиста существом роли.

В жизни среднего роста, на подмостках А. Толубеев кажется высоким и гибким. Пластика этого Алексея заливчато отточена, каждым своим движением он словно пародирует царский морской устав, но так, что понимаешь: радости, освобождения эта игра ему не приносит. Он в постоянном напряжении, весь настороже, напряжение и настороженность тяготят его, готовы разрешиться либо в подвиге, либо в бессмысленном и кровавом бунте против всего на свете – в равной степени...»

Когда мы уже были хорошо знакомы, я спросил его об отце. Он долго молчал. Я уже пожалел, что спросил, однако, внимательно посмотрев на меня, чуть запинаясь, он сказал:

– Знаешь, я не люблю этот вопрос, порой его задают из любопытства, но тебе отвечу. Отец для меня – Вершина. Хотя у него была другая семья, они развелись с мамой, когда

мне было четыре года, я всегда был рядом с ним. Сколько себя помню – мы вместе. Никогда никого не предавший, не изменивший своим убеждениям, он практически каждый вечер выходил на сцену и, что бы ни играл, никогда не заигрывался, не прогибался под предполагаемые обстоятельства. Сейчас я могу сказать, что он играл как-то слишком просто, не театрально, слишком по-человечески. Самое главное, он не был актером одной краски, одного амплуа. Ему удавались и отрицательные герои, и положительные, и злодеи, и простаки.

Уникальный случай: за отрицательную роль Вожака в «Оптимистической трагедии» он был удостоен высочайшей награды в стране – Ленинской премии! При этом не состоял в партии. Таких случаев в советском театре я не припомню. Только талант мог заставить руководство страны сделать это.

Всю жизнь он в Ленинграде, кроме маленького временного отрезка, когда трое друзей: Толубеев, Симонов, Меркурьев, позднее ленинградская плеяда звезд театра и кино, один за другим покинули город на Неве. И уехали в Самару! Они жаждали эксперимента, поиска, того, чего, им так не хватало на ленинградской сцене. Застрельщиком этой идеи был Николай Симонов, родившийся на самарской земле и здесь же впервые вышедший на сцену. Как я завидую им! Их энергии и желанию все попробовать, все испытать. Даже тогда уехать в Самару было непростым делом. Правда, выбраться из Самары в Москву или Ленинград было еще труд-

нее.

В отличие от Симонова и Меркурьева отец не совмещал актерскую профессию с режиссурой. Всего лишь три года работали на сцене Самарского краевого драматического театра закадычные друзья. Но какие годы! Начало тридцатых. Они сразу взялись за новую, современную драматургию Прута, Погодина, не забывали и о классике – Островский, Горький, Чехов. На сцене Самарского театра Юрий Толубеев сыграл четыре роли. И если две из них были эпизодическими: машинист в «Князе Мстиславе Удалом», садовник Глеб в «Правда – хорошо, а счастье – лучше», то заглавная роль в спектакле «Егор Булычов и другие» стала настоящим триумфом, событием в творческой жизни театра. И для него самого она была не проходной. Она явилась утверждением его подходов к игре, веры в себя. Для молодого актера это был триумф, большое событие, отголоски которого докатились и до города на Неве. Отец всегда считал, что именно эта роль сделала его настоящим артистом, именно тогда он выработал свой творческий подчёрк, свои подходы к игре, обрел веру в свои силы.

Сейчас, находясь уже в достаточно зрелом возрасте, я многое понял, на многое гляжу совсем другими глазами. И, оглядываясь назад и видя своего молодого отца, хочу признать: человек так устроен, что если он не позволяет делать себе, что хочется, то он теряет энергичность и четкость своих действий, и, конечно, уверенность в себе. При этом неуве-

ренность опирается, прежде всего, на страх – страх высунуться, сделать или сказать то, за что осудят, осмеют, презреют, что навлечет гнев или отвержение других людей, или создаст репутацию, которая будет неприятна.

А уверенность опирается на смелость быть собой, на знание целей и способах их достижения, своих сильных и слабых сторон, изменить неэффективные способы действия на эффективные, и, конечно – способность приложить к делу свои достоинства, с тем, чтобы они приносили свои дивиденды. Уверенность существует тогда, когда вы точно знаете, на что вам опереться. Насколько честно и точно вы видите реальную ситуацию, в которой находитесь и способны распознать, что именно вправду делает ваш партнер. Насколько полно и не двусмысленно вы умеете дать другому понять то, что вам нужно, с тем, чтобы это получить? Умеете ли вы быть гибким в отношениях, поддерживая то, что вам подходит, и отвергая то, что не подходит, при этом не разрушая отношений и не оказываясь в подчиненной позиции? Насколько вы способны планировать свои жизненные задачи и последовательно их реализовывать? Насколько гибким вы можете быть в решении задач, отвергая неудачные решения и находя новые, более подходящие? Насколько вы стабильны в своих решениях и действиях? Насколько вы конкретны в действиях и договоренностях? Какова ваша картина мира, знаете ли вы закономерности отношений и решения жизненных задач? Умеете ли вы конфронтировать, не унижая другого и не раз-

рывающей отношений? Насколько вы сами чувствуете свою собственную ответственность за события вашей жизни и конкретные действия? Приходится признать, что многим важным вещам нас не учат ни в школе, ни в институте, ни на работе. Как, например, построить счастливые отношения в семье, как быть привлекательным в глазах других и как обрести уверенность в себе – всему этому приходится учиться путем проб и ошибок. Хорошо, если рядом есть умудренный жизнью человек, который может поделиться своим жизненным опытом. А что делать в ситуации, когда такого человека нет, или его опыт оказывается бесполезным? Кто помог? Кто был рядом с молодыми актерами? Кто наставлял их на жизненный путь? Не знаю, может, эти замечательные способности и исключительные природные данные зовутся талантом? Талант – это труд, изнуряющий, нередко мучительный труд. Не тот труд, когда знаешь, чего достиг сегодня и что осталось на завтра; не тот, когда трудятся руки и мозги, и чем лучше они трудятся, тем на душе спокойнее. А тот, когда беспокоится, бодрствует и трудится именно душа. То есть и все то в ней, в чем мы и не могли отдать себе отчета. Быть талантливым – надо еще решиться, не испугаться собственного непознанного, собственной стихии, которая вполне может оказаться и не по силам...

– Андрей, ты что, сомневаешься в талантливости отца и

его друзей?

– О чем ты. В этом я не сомневаюсь, но, к большому сожалению, на сегодня весь самарский период жизни моего отца – это лишь несколько архивных фотографий. Понимаю, что театр – это не кино, спектакль – это миг, всплеск, феерия. Ушли из жизни великие актеры, режиссеры, остались только легенды. Ни записи киноплёнки, ни критических статей. Да и сегодня при наличии всевозможной техники трудно найти способ, чтобы память не стирала работу выдающихся актеров.

Уверен, Самара был их путь становления в актерскую профессию. Они были удивительно работоспособны. То, что было дано им природой только аванс, задаток, который нужно было развивать. Разумеется, развивается талант так, как развивается личность: не в результате приятных или вколоченных кем-то правил, и не как плод тупого тренажа, а в ходе личного заинтересованного опыта, в который включаются и усилия постичь общие правила, которые неплохие советчики, полезные и тогда, когда совету не следуешь.

Талантливость – это целеустремленность. Но такая может быть, когда человек умеет безжалостно гнать себя к поставленной цели, а такая, когда цель сама им распоряжается, без служения не дает жить. Сейчас я понимаю многое, увидев, прочувствовав, где глубина, где посредственность.

Я также убежден, что талантливое – это глубоко личностное. Как таковому, ему нечего делать с категориями вроде

«ново» или «старо», «необычно» или «банально»; для него есть только «мое» и «не мое», «волнует» и «не волнует». «Талантливое» означает такое, за подлинность существования чего в душе художника можно ручаться. Талантливое – это подлинное. Талантливое – вечно ново, в каждом своем акте, то есть в талантливом «новое» не отличается от «вечного», и не новизна – задача искренности, – а новая глубина. Нелепость, смехотворная суетность погони за новизной сама по себе таланту не является помощью. По всему этому, кстати, лишь очень редкие люди способны истинную оригинальность хотя бы заметить.

Талант никогда ничего в мире не копирует, но ничего и не «придумывает»: он постигает мир, постигает любовно. Как говорил Дюрер ученикам: «... остерегайтесь мысли создать что-либо более совершенное, чем произведение, созданное Богом». Прозрения таланту приходят от глубоко заинтересованного личного отношения; если речь идет о природе – от особого рода любви к тому, что видишь; а любить и прозреть от любви – значит прозреть относительно подлинных достоинств, значит – увидеть и оценить реальную красоту, а не приукрашивать...

Ярок ли талант? Талант пишется красками, в которых ведь серого нет; талант – не ярок, а цветен. Но неталантливый может лишь расцветивать – будто подкрашивать черно-белое фото: и цвета кричат, и серое отовсюду лезет.

Талант – это прозревающая душа и, соответственно, об-

ретаемая свобода в том, что делаешь; мастерство – это развязанные руки. То есть, можно сказать, это почти одно и то же, одно в другое переходит плавно. Нет таланта без какого-то своего мастерства. Не может быть настоящего мастерства, если вовсе нет таланта. Да и как поверишь таланту без мастерства? Ведь, если художник не в силах нарисовать похоже лицо или фигуру, как может быть, чтобы он вообще когда-нибудь изобразил именно то, что желает его, возможно, и талантливая душа?

Быть талантливым в чем-то – значит чувствовать его глубину, чувствовать трудность дела, и вообще чувствовать, что глубина и трудность существуют. Потому, взявшись и не за свое прямое дело, талант вряд ли остановится на поверхности. Талант – брешь, через которую пробился в человека гений, эта, так сказать, абсолютная одушевленность. Если уж есть в человеке способность полной душевной самоотдачи в том, что задевает его за живое, то она и проявится, более или менее, во всем, что за живое его заденет. А задевает талантливого, как человека «особо одушевленного», – слишком многое.

Талант – это интерес. Покуда определенная тема не сфокусировала и не зажгла этот интерес, он – «талант-интерес» – живет в человеке, как восприимчивость. Конечно, восприимчивость тоже изобретательна, и все же она не уместается в какие-то строгие рамки; конечно, счастливо найденное ампула оттесняет другие возможные на второй и третий пла-

ны, но в принципе, восприимчивость никуда из души не уходит, талант может быть разбужен и к чему-то другому. Господь наделил отца всеми качествами талантливого человека. И он развил их, приумножил. Сколько я помню – отец актер Академического театра драмы имени Пушкина. Верой и правдой он служил этой сцене с 1942 года. Конечно, столько лет работать в одном театре – подвиг. Но и уйти – подвиг не меньший. Он ушел решительно и быстро, словно прыгнул с моста в «Смерти коммивояжера». Его перестала устраивать партийно-советская образцово-показательная драматургия 60–70 годов. Играть в таких спектаклях он не желал и даже сочинял злые и местами неприличные частушки – доставалось и главному режиссеру, и директору театра, и актерам. «Артисту мало одной только сцены» – любил повторять отец, и это была правда. Он стал больше сниматься в кино, много ездил по стране, заботился о своих коллегах-актерах, которые выбрали его председателем Ленинградского отделения Всероссийского Театрального Общества.

Отец не хотел, чтобы я пошел по его стопам, и сейчас я хорошо понимаю его. Он не видел во мне актерского таланта, хорошо зная, как горек хлеб артиста, какие на этом пути встречаются трудности и разочарования: зависть коллег, предательство, сплетни и клевета, самодурство режиссеров, безденежье, творческие неудачи... Да я и сам не собирался связывать свою жизнь с театром. В детстве и отрочестве я мечтал стать космонавтом, как и многие мальчишки в на-

шей стране. И это желание не было умозрительным, оно было очень серьезным и конкретным. Я поступил в клуб юных космонавтов, который базировался в Военно-медицинской Академии, и провел там два года. Участвовал в разных медицинских и психологических экспериментах, изучал историю космонавтики, занимался спортом. Я закончил школу в 1963 году, и вопроса «кем быть» передо мной, естественно, не стояло. Я стану космонавтом!

Дорогу в космос мне преградила медкомиссия. С таким слабым зрением, как у меня, в космонавты не записывали. Меня признали негодным к полетам и предложили поступить в Военно-медицинскую Академию на факультет подготовки авиационных и космических врачей. Конечно, это было не то, о чем я мечтал, но все же очень близко. Отец был рад, что я поступил в военное училище, и когда я пришел в университетский театр, не одобрил моего поступка. Честно говоря, он поверил в мои способности только спустя годы, услышав по радио спектакль «Суворов». Но – от судьбы не уйдешь. Я старательно овладевал наукой и одновременно играл в студенческом театре ЛГУ. За шесть лет я сыграл роли в спектаклях «Страх и отчаяние в третьей империи» Б. Брехта, «Осенняя скука» Н. Некрасова, «Жорж Данден» Ж. Б. Мольера, «Женитьба» Н. Гоголя, «Конь в сенате» Л. Андреева, «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» А. Островского.

После Военно-Медицинской Академии я покинул Ленин-

град – меня отправили на службу в одну из воинских частей, правда, через некоторое время я вернулся на кафедру космической медицины и закончил курсы психофизиологии. И все же я пожертвовал карьерой врача ради актерского дела – любимого, мучительного и непредсказуемого. Вероятно, сказались и гены, и обстоятельства, и призвание. В 1973 году мне удалось демобилизоваться из армии, и я тут же поступил в театральный институт на факультет драматического искусства (курс И. Горбачева). Еще студентом я начал сниматься в кино – сыграл главную роль в фильме Ильи Турина «Еще можно успеть...». Картина получилась слабенькая, но мне всегда нравилось ее название, оно как-то перекликалось с моей собственной судьбой... Георгий Александрович Товстоногов пригласил меня в театр, когда мне уже исполнилось тридцать лет, и с тех пор я уже не представляю своей жизни без Большого Драматического Театра.

Андрей Толубеев рассказывал мне свою театральную историю спокойно, без надрыва, с юмором. Да, он был звездой, но никаких звездных привычек, царственных жестов, скандальных капризов у него не было и в помине – я это сразу увидел и понял. Он был человеком спокойным, рассудительным и смешливым – фирменный стиль типичного питерского интеллигента. Именно такими актерами-интеллектуалами и была населена товстоноговская «империя»...

Меня потрясла его роль в спектакле по пьесе Э. Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки». Это было в далеком 1986 году. Вот в красноватых отблесках огня сидит импе-

ратор Нерон – величественный, спокойный, словно он не в Риме начала новой эры, где царят междоусобицы, кровавая борьба за власть, а в спокойной древней Элладе с ее гармонией и умиротворенностью. Но вскоре зритель понимает, что это спокойствие – иллюзия, игра, актерство. Империя Нерона – один сплошной театр, жизнь в ней – обман, люди, ее населяющие – палачи и их жертвы... Эта роль стала не только определенной вехой в творческой жизни Андрея, она стала театральной легендой. Нерону-Толубееву удалось быть одновременно обаятельным и безмерно отталкивающим, мужественным и жалким, умным и мелкотщеславным, холодным убийцей и искренним страдальцем, все видящим и чувствующим. Ему удалось сыграть сложный, неоднозначный образ, комедию фигляра на троне и трагедию незаурядного человека, которому с детства внушали, что любовь – продажна, а ложь – основополагающий закон бытия.

Он играл Бальзамина – совершенно по-новому, непривычный для зрителя образ жалкого человечка, но все-таки – человека! – который заслуживает понимания и хотя бы жалости... Бальзаминов каждый день прихорашивается перед зеркалом, пощипывает брови, гримасничает, дурачится, но в его глазах явно проглядывает отчаяние. Он раздраженно кричит: «Сколько раз я просил, покажите, как правильно в любви объясниться!». Он тоскует по жизни, которой не знает, потому что ее нет ни в соседней усадьбе, ни во всей округе, ни во всей уездной России...

Спектакль «Маскарад» в постановке Темура Чхеидзе Андрей считал подарком судьбы. Лермонтовский Арбенин – одна из самых трудных ролей в репертуаре русского драматического театра, она требует очень много сил и душевных переживаний. Толубеев играл его сильно, темпераментно, но без пафоса и декламации. Он словно бы и не стихи читал, а прозу, произносил фразы так, как будто это свободная речь, однако поэзия от этого совсем не страдала. Он необычно и изящно сыграл финальное сумасшествие своего героя – ходил со свечой вокруг гроба Нины, тяжело и нелепо переставляя ноги. Это была уже не гордая и сильная личность, а только жалкая оболочка – вот она, расплата за сильные человеческие страсти!

А каким был его Вурм в «Коварстве и Любви»? Он сыграл его так, что на второй план отошел и главный герой пьесы, юный Фердинанд – он казался зрителям просто мальчишкой, который видел только свои идеалы. В трактовке Толубеева Вурм перестал считаться односложным персонажем, он приобрел глубину и убедительность живого человека. Это под силу только подлинным мастерам сцены – я ничуть не преувеличиваю. Я не говорил Андрею при жизни таких слов, опасаясь, что меня могут неправильно понять – а теперь жалею.

После «Салемских колдуний» театральные критики называли его ведущим актером Санкт-Петербурга, и это, безусловно, заслуга режиссера – Темура Чхеидзе. Одна из последних работ Толубеева – роль Сержа в спектакле «Арт» по пьесе Ясины Резы. Это трогательная и добрая история о том, как трое друзей договорились не предавать друг друга, какие бы испытания не послала им судьба, о том, что нужно быть терпимее друг к другу, милосерднее. В этом спектакле Толубеев играл со своими коллегами Валерием Дегтярем и Геннадием Богачевым – со временем их профессиональные отношения переросли в дружеские, несмотря на то, что ха-

рактеры у них совсем разные. Толубеев – спокойный и уравновешенный, Богачев – более эмоциональный и решительный, а Дегтярь – скорее философ. Возможно, именно поэтому они и сошлись. В этом спектакле три актера азартно спорят о сущности искусства и его формах, и вместе с ними спорят и сопереживают зрители...

Андрей сыграл около семидесяти ролей в кино и на телевидении. Не все они однозначны, были и откровенные неудачи. Не брезговал актер играть и в сериалах, и старался делать это так, чтобы быть примером для своих более молодых коллег – без всяких скидок. Среди них – полковник Воцанов в «Бандитском Петербурге» и шеф спецслужбы Иван Иванович в «Агенте национальной безопасности». И если «Агент национальной безопасности» – сериал весьма поверхностный, развлекательный, несколько ироничный, с обаятельными героями, то «Бандитский Петербург» – художественно-публицистический фильм с ярко выраженной гражданской позицией.

Нагрузка на Андрея была огромной. В последнее десятилетие своей жизни он тянул на себе весь репертуар БДТ – играл десятки спектаклей в месяц. Играл так, как и положено мастеру – образцово, без сбоев и помарок. Сила его таланта была такова, что он подчинял себе любой зал, делая это легко и незаметно. Выросший за кулисами Александринки, Толубеев естественно впитал способность к артистическому и изысканно-умному рисунку своих ролей. За его героями сле-

дить было увлекательно и волнующе, он очаровывал зрителя интеллектом и страстью, подлинностью своего существования на сцене, глубиной проникновения в роль. От его игры у меня в буквальном смысле слова захватывало дух...

В театре об Андрее говорили с теплотой, что редко бывает в таком доме – его любили. Для нас, зрителей, он кумир.

Театр всегда занимал особое место в сердцах россиян. Он предмет гордости, отдушина, утешитель. Именно игра русских, а затем советских актеров, а сейчас российских, отличается особой душевностью, проникновенностью и достоверностью.

Артист – это просветитель, трибун, бунтарь. Эти слова запали мне в душу, я выучил их наизусть, уж не верю, что где-то их вычитал. Уже верю, что это мои слова. Мое отношение к театру, к актерам.

Я помню слова К. Лаврова, что театр – это, прежде всего, актеры. Именно на них приходит зритель, они доносят до зрителей мысли драматурга, для этого именно в них вложен огромный труд мастеров многочисленных театральных профессий.

Именно актеры становятся властителями дум общества.

Актер – это одновременно и самое начало, исток театрального искусства, и его вершина, завершающий итог. Давным-давно его индивидуальное искусство могли поддерживать разве что костюм или маска. Все остальные средства художественной выразительности и театральные про-

фессии (драматургия, декорационное искусство, свет, режиссура) зародились и сформировались позже. И их становление обусловило историческое развитие актерского мастерства, стремление как можно полнее раскрыть индивидуальность актера, поддержать и дополнить воздействие на зрителя. Однако и сегодня, при огромных возможностях театра и разнообразии средств художественной выразительности, во время спектакля актер по-прежнему один выходит на непосредственный контакт со зрительным залом, вобрав в себя во время репетиционного периода подготовки спектакля весь опыт и возможности смежных театральных профессий. И как бы ни велик был вклад режиссера, художника, композитора, балетмейстера, дирижера и других театральных служб в создание спектакля, конечный его успех зависит в первую очередь от актера, являющегося накопителем и проводником идей постановочной группы. Высокий уровень актерского мастерства способен многократно умножить и укрупнить творческий замысел спектакля; низкий, непрофессиональный уровень – уничтожить самое блистательное постановочное решение.

Собственно, в этом и состоит двойственность профессии актера, обуславливающая немалые психологические трудности. С одной стороны, эта профессия крайне зависима от множества факторов (от возможностей, заложенных драматургом в ролевой материал, и режиссерского умения работать с актером до слаженной работы театральных, технических цехов во время спектакля и настроения зрительного зала); с другой стороны – именно в актере заключена квинтэссенция всего театрального искусства. Недаром на протяжении всей мировой истории театра слава ни одного самого популярного драматурга, режиссера, балетмейстера не может сравниться со степенью популярности актерских «звезд»: именно они становятся истинными властителями дум зрителей, воплощая и символизируя Театр.

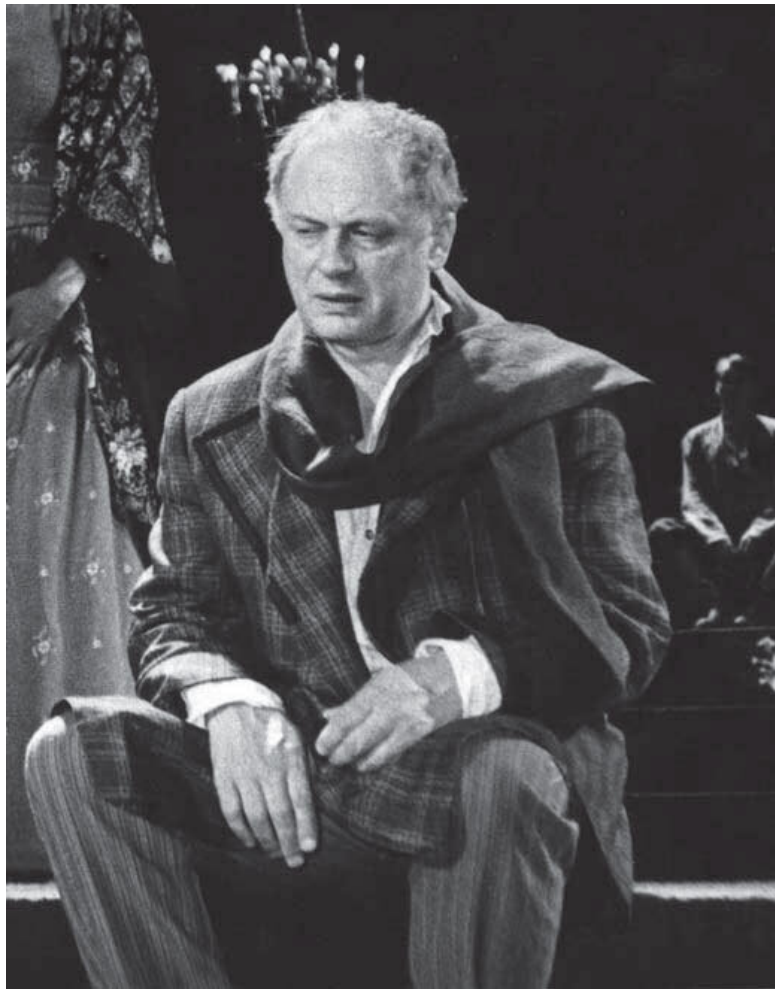
Рабочие инструменты актера – это его тело; пластика, моторика, голосовые данные, музыкальный слух, чувство ритма, эмоциональность, наблюдательность, память, воображение, эрудиция, скорость реакции. Соответственно, каждое из этих качеств нуждается в развитии и постоянном тренинге – только это позволяет актеру находиться в рабочей форме. Как балетному актеру каждый день приходится начинать с цикла упражнений у станка, оперному – с вокализа и распевов, так драматическому актеру насущно необходимы ежедневные занятия сценической речью и движением.

Важнейшим соавтором актерской работы становится и

сам зрительный зал, внося ежедневные коррективы в отрепетированную роль. Процесс актерского творчества всегда совершается совместно со зрителем, в момент спектакля. И каждый спектакль остается уникальным, неповторимым.

Для чего я это рассказываю – совсем не для того, чтобы показать свои знания, полученные от общения с театральными работниками, от книг о театре, – хотя они помогли мне. Говорю потому, чтобы было ясно, что актерская работа не сахар. Это адский труд. Иногда говорят, что только физический труд является работой. Однако я видел актеров в поту, обессиленных, не в состоянии поднять руку, сделать шаг. С чем это сравнить: с работой каменщика, бетонщика?

Андрей Толубеев был больше чем артистом – он был человеком, умеющим любить на сцене и наполнять тысячный зал надеждой, связанной с этим чувством.

Характером Андрей пошел в отца, видимо, поэтому с годами возрастала тяга к общественной работе. Он был председателем Санкт-Петербургского Союза театральных деятелей и много сделал на этом посту. Эта общественная должность не была для Андрея формальностью – он защищал своих коллег на всех уровнях и в любых кабинетах, зная, как иногда тяжело и непросто живетесь пожилым одиноким артистам. У Андрея не было врагов, вернее, его врагами были равнодушные и пренебрежение к человеческой личности.

Он защищал культурные ценности своего родного города – цикл передач на канале «Культура» под названием «Время и место» с огромным вниманием смотрела вся страна. А роли в кино! А работа в Общественном Совете города, актерский курс в театральном институте... Нужно было найти время, чтобы писать книги. Свою первую пьесу он назвал «Александрия». На конкурсе, посвященном 300-летию Петербурга, она заняла почетное третье место. Его следующая повесть – «Похороны царя» была опубликована в журнале «Нева»: это художественно-документальное повествование о похоронах царской семьи, и о своей собственной судьбе, и о судьбе своего поколения. Он писал: «...Это событие, задуманное в стране как всеобщее покаяние, стало для меня личным – оно стало поводом к осмыслению, откуда я родом сам и «что мне Гекуба?» Это приходит само по себе, когда вдруг возникает потребность найти свои корни. Может быть, просто рубеж веков влияет на людей. Это как вспышки на

солнце – слишком много впечатлений, и человеку необходимо излить душу, получив своего рода очищение...»

Глава третья

В защиту города и человека

Я много раз встречался и беседовал с Андреем Толубее-

вым – в самое разное время и при самых разных обстоятельствах. Все эти встречи для меня – как маленькие кирпичики, из которых выстроен дорогой мне образ. И все же об одной из них хочется рассказать особо – она характеризует Андрея как человека в высшей степени сострадательного и справедливого, раскрывает его общественный темперамент.

Повестка дня того памятного заседания Общественного Совета города состояла из одного пункта: «Обсуждение охранных зон в историческом центре города». Андрей опоздал к началу заседания – докладчик уже развешивал какие-то разноцветные схемы с красными, зелеными и синими пятнами, не очень понятные графики с цифрами и кривыми. Можно было догадаться, где Нева, стрелка, Васильевский... Но одно обстоятельство было ясно всем – заседание обещает быть крайне скучным. Я увидел Андрея у двери, махнул рукой, приглашая к себе.

– Я прямо с репетиции – полупшепотом сказал Андрей, – чуть-чуть опоздал...

– Да зачем ты торопился? – спросил я. – Мог и вообще не приходиться, на мой взгляд – дежурное мероприятие...

– Для тебя, может, и дежурное, – неожиданно резко ответил он, и я даже вздрогнул от этой резкости, так это было нехарактерно для Андрея. Заметив это, он поспешил исправиться: – Извини, Константиныч, я не хотел тебя обидеть...

Докладчик не спеша, обстоятельно и монотонно рассказывал, что историческую часть города планируется постепенно сделать деловым центром. Здесь будут располагаться офисы богатых фирм и крупных корпораций – своих и зарубежных, инвестирующих капиталы в развитие города, в реставрацию дворцов и памятников. Новый строительный регламент, сообщил докладчик, в основном ограничивает вы-

сотность новых зданий, которая может увеличиваться по мере удаления строительства от центра города. Более детальная регламентация, по его выражению, «не отвечает интересам инвесторов», которых необходимо стимулировать свободой творчества, если мы хотим как можно скорее привести город в порядок.

– Сделать это можно только за счет инвестора, у города на эти цели средств нет, – подчеркнул докладчик.

Я сразу понял, о чем идет речь: новый регламент охраняемых зон – это дополнительная приманка для тех деловых ребят, которые всегда готовы любой архитектурный шедевр перепрофилировать в «доходной дом», преобразовав его в примитивный новодел, заодно покорежив соседние здания. Чем это грозит городу, я уже тогда мог представить достаточно отчетливо, по опыту нашей театральной стройки. Мы тщательно исследовали грунт, на который предполагали поставить здание учебной студии, и выяснили, что даже для такой маленькой «избушки» нужен сложный фундамент. Лишь на глубине шестнадцати метров залегает твердая порода – суглинки, на которые можно опереться. Осложняют ситуацию и близкие грунтовые воды, и река Фонтанка, уровень которой постоянно «пляшет». Поэтому проект можно осуществить только с учетом многих и многих параметров и дополнительных исследований.

Понимая, что другого выхода нет, мы именно так и сделали: здание театральной студии у нас как бы «парит» в возду-

хе: мы отказались от первого этажа и ленточного фундамента. Вместо этого поставили опоры и уходящие глубоко в землю шестнадцатиметровые буронабивные сваи. Кроме того, мы старались применить щадящую технологию по отношению к существующим зданиям БДТ, чтобы не пошли трещинами стены театра, которых и так было достаточно: набережная, забитая транспортом, делала свое черное дело. Почти сто лет не было капитального ремонта театра, и главное – не было усиления фундамента. Наверное, точно так же повели бы себя любые профессиональные и ответственные строители. Увы, далеко не все из наших коллег готовы взваливать на себя подобную ответственность. Те самые «деловые ребята», чьи изыскания сводятся в основном к тому, чтобы как можно больше «срубить бабок», не станут забивать себе головы особенностями петербургских грунтов. И наказание за это наступает мгновенно – разрушаются соседние здания – памятники великих зодчих. К сожалению, конкретных примеров более чем достаточно...

Очертания Петербурга девятнадцатого века удивительным образом совпадают с областью распространения слабых илистых грунтов – донных осадков древнего Балтийского моря, которые многометровой толщей залегают под слоем поверхностных песков. Эти слабые грунты накладывают отпечаток на все строительство в городе и делают специальность геотехника особенно важной. В самом деле – легко ли строить на грунтах, способных при незначительном воз-

действии переходить из вполне приличного твердого состояния в сметанообразное, напоминающее вязкую жидкость? Относительное благополучие старой застройки объяснялось ограничением нагрузки, передаваемой от здания на грунты: высота зданий не должна была превышать карниза Зимнего Дворца. Тем не менее, печальной закономерностью для центра города являлись деформации старой малоэтажной застройки в зоне примыкания к ней зданий с повышенной этажностью. Современное строительство в центре с его тенденцией к дальнейшему повышению этажности и к использованию подземного пространства является еще большим фактором риска по отношению к исторической застройке.

Строительство и реконструкция в среде исторической застройки на слабых грунтах относится к самой высокой категории сложности. Без участия специалиста-геотехника вместе с архитектором и конструктором на всех стадиях строительного процесса (предпроектной проработки, проектирования и строительства) нечего и думать об успешной стройке Петербурга.

Примеры тому – в самом центре великого города. В доме номер пятьдесят три по Невскому проспекту появились трещины. Причина – строящиеся рядышком корпуса гостиницы «Коринтия Невский Палас» на месте домов пятьдесят пять и пятьдесят девять. Все эти дома оказались в аварийном состоянии в начале девяностых из-за строительства подземного гаража в отеле. Постепенно здания пришли в такое состо-

яние, что уже не подлежали восстановлению. Их признали аварийными и расселили. Больше десяти лет они пустовали, их фасады были закрыты гигантскими рекламными плакатами. Затем дома снесли, потому что появилась угроза разрушения фасадов. Несколько лет назад земельные участки под ними продали владельцу отеля – компании, которая приступила к строительству многофункционального комплекса на месте двух разобранных зданий. Схема понятна. Таким образом можно уничтожить весь Невский.

При строительстве гостиницы «Амбассадор» на проспекте Римского-Корсакова пришлось расселить и стоявший ря-

дом дом номер пять, а дом под номером три перевести на режим постоянного наблюдения. В Капелле появились трещины при строительстве апартамент-отеля в смежном корпусе. Театр музыкальной комедии дал трещины при строительстве галереи бутиков «Гранд Палас».

А вот еще одна достопримечательность. Она расположена неподалеку от домика Петра. Здесь на Малой Дворянской улице построено элитное жилое здание, способное быть украшением современного города. Но вот соседнее столетнее здание расколото пополам зияющей трещиной и уже покинуто жильцами.

Рядом с фундаментами позаброшенной строительной площадки стоит недавно расселенный дом по Восьмой Советской улице, израненный многочисленными трещинами.

Но стихия ли виновата в таких разрушениях? Нет. Это сделали люди.

И если в новом регламенте не учесть, не предусмотреть какие-то обязательные нормы тщательных расчетов грунтовой обстановки, наметившийся процесс разрушения исторического центра старого Петербурга пойдет с ускорением и в конце концов станет необратимым.

Правительство Санкт-Петербурга весьма «чутко» прислушивалось к пожеланиям специалистов и недовольству широких народных масс. 6 июля 2004 года оно дало «добро» на уплотнительную застройку в историческом центре Санкт-Петербурга. Последовавший за этим строительный бум труд-

но описать. Немедленно возводится гостиница в непосредственной близости от Михайловского замка, что противоречит замыслу возводившего его архитектора Бренна. Аналогичный объект появляется на задах Александринского театра. Пушки знаменитого крейсера «Аврора» теперь смотрят на шикарные пентхаусы. На стрелке Васильевского острова запланирован элитный жилой комплекс...

И это далеко не предел. В списке, утвержденном питерской администрацией, триста двадцать подобных проектов.

Во что превратится после всего этого Северная Венеция – большой вопрос. Петербуржцы, знающие и любящие свой город, справедливо опасаются, что инвесторы, у которых будут развязаны руки, заполнят исторический центр города серыми унылыми зданиями, которые сейчас пугают людей в спальных районах.

Однажды Андрей спросил меня, показывая на трещины, которые пробежали по стенам театра:

– Объясни мне, Константиныч, что происходит с театром?

Пока мы шли в гримерную, и уже там, присев на маленький столик, Андрей внимательно слушал мои объяснения.

Примерно половина зданий исторического центра Петербурга имеет под фундаментами деревянные элементы: лежни, сваи. Пока древесина находится ниже уровня подземных вод, она не гниет. Если же уровень понижается, древесина попадает в зону «аэрации», проще говоря – высыхает. Тут-то и начинается гниение. Здание неравномерно оседает с амплитудой до пяти сантиметров. При накоплении культурно-

го слоя вокруг здания почвенная влага вступает в непосредственный контакт с кирпичной кладкой стен, которая, как фитиль, жадно всасывает влагу. Стены покрываются плесенью и «высолами», разрушаются при замерзании воды...

На осадку здания влияет и близкое новое строительство. Вокруг нового тяжелого здания формируется воронка оседания. Здания с подземными гаражами – основной источник повреждений зданий исторического центра города. Впрочем, архивы еще дореволюционных судов хранят немало исков владельцев поврежденных домов к соседнему застройщику. Другими словами, соседние стройки влияли на рядом стоящие дома и раньше, но сегодня процесс стал интенсивней и повреждения тяжелее.

Как это касается здания театра? Да прямым образом. Новый комплекс «Лениздата», построенный в семидесятые годы, Лештуков мост и огромный поток машин по набережной реки Фонтанки нельзя сбрасывать со счетов, а также прокладку инженерных систем: теплотрасс, канализации, водопровода...

Андрей слушал меня, не перебивая, потом спросил:

– И что же делать? Ждать, пока театр развалится?

– Нет, ждать не нужно. Здание с трещинами – как больной человек. Его нужно лечить, а чтобы делать это правильно, нужно сначала обследовать. Определить, что именно происходит со зданием, без его комплексного обследования практически невозможно. Только после подробного изучения со-

стояния здания, включающего шурфовку фундаментов, динамического зондирования грунтов, геодезического определения относительных осадков и кренов здания, проведения теплотехнического и пространственного расчетов, определении прочности несущих конструкций, можно установить, от чего как лечить. Как ни странно, но частные заказчики более ответственно относятся к комплексной реставрации. Они выполняют все требования, которые им диктуют исследователи. Городские власти, вероятно, из-за отсутствия средств, реагируют гораздо медленнее...

– Ну хорошо, кое-что я понял. Но ты мне скажи вот что: не рухнет ли однажды вся эта наука нам на головы?

– Не рухнет, здание еще достаточно крепкое. А вот к лечению уже пора приступать...

– Ну, спасибо, утешил...

Этот разговор состоялся у нас с Андреем восемь лет назад. И лишь недавно к проблемам БДТ удалось привлечь внимание властей, заманив в театр премьер-министра и показав ему трещины в стенах. Получены высокие обещания о выделении средств на ремонт. Однако рядом идет проектирование нового квартала. От Апраксиного двора до Фонтанки все будет сноситься, в том числе и комплекс «Лениздата», и строить будут новые здания. Как это отразится на творениях Людвиг Фонтана, не знаю. Знаю только, что состояние здания и его фундаментов устанавливается обследованием – процедурой достаточно сложной, дорогой, тре-

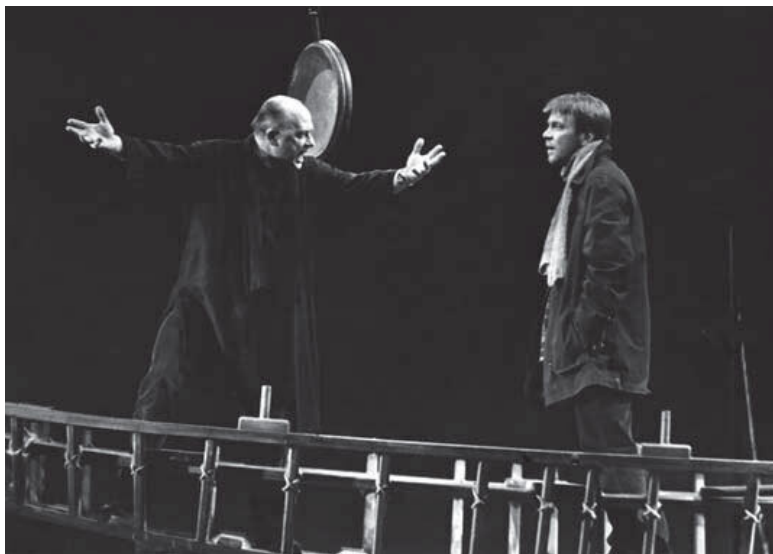
бующей высокой квалификации и ответственности исполнителей. Обследование должно не только выявить места повреждений и степень снижения прочности конструктивных элементов, но также установить причины появления деформаций, дать прогноз состояния здания при близком новом строительстве. С этой целью необходимо комплексное применение геодезических, геологических, лабораторно-испытательных методов. В некоторых случаях требуется длительный мониторинг тех или иных параметров. Меры и технология усиления фундаментов должны быть адекватны причинам появления деформаций.

До этого ли будет инвестору, ведь ему нужен немедленный результат. Хватит ли сил у власти заставить инвестора сделать все это, проконтролировать. Самое главное – чтобы беды не случилось.

Слушая докладчика, я все больше убеждался в этом. Когда присутствующим в зале было разрешено выступить, первым взял слово Андрей Толубеев.

Я никогда не видел его таким. И даже не думал, что он может быть таким эмоциональным. Всегда невозмутимый, ироничный, он заговорил своим поставленным голосом необычайно громко и возбужденно, от волнения с небольшой хрипотцой. Зал сразу же очнулся от царившего здесь полузабытья. Похоже, большинство собравшихся это мероприятие особо не волновало. На то они и «общественные слушания», чтобы в основном слушать власть, которая извещает народ о

своих победных решениях, свершениях и планах. Так принято в нашей стране с ее рабской психологией и патологической боязнью власти – любой, от самой маленькой до верховной. Дебаты, если и позволительны, происходят обычно в рамках борьбы хорошего с еще лучшим. Бывают, конечно, слушания с криком, с истерикой, но касаются они в основном частных вопросов, для власти не очень опасных.

Андрей сразу же нарушил правила. Он заговорил об опасности для судьбы центра города тех новых упрощенных регламентом его охраны, которые только что были представле-

ны на обсуждение. Андрей начал с неожиданного вопроса, обращенного к сидевшим в президиуме чиновникам:

– Офисы, гостиницы, деловой, чиновный центр – это все прекрасно. А что будет с людьми?

Его не поняли.

– Какими людьми?

– Обычными, которые живут в старых петербургских домах, что в самом центре и поодаль от него. По большей части, в коммунальных квартирах. Да-да, огромное количество горожан по-прежнему живут в «Петербурге Достоевского» – без водопровода, канализации и других коммунальных благ, гарантированных конституцией. Я нисколько не преувеличиваю, вы все, сидящие здесь, знаете это не хуже меня. Получается заколдованный круг: купить себе новое жилье эти люди не в состоянии, поэтому вынуждены жить в таких скотских условиях. Когда-то они жили надеждой на городскую очередь, но теперь она растаяла, как призрачное видение. Власть давно отказалась от обязательств по отношению к своим гражданам, предоставив событиям развиваться естественным путем – как получится. Хорошо – предоставить этим людям отдельное жилье власть не может – но провести ремонт в старых домах, сделать жизнь пожилых людей хоть сколько-нибудь сносной – разве это ей не под силу?

Мы знаем, что ценность исторического центра Петербурга как единого целого превосходит ценность его отдельных памятников, даже самых выдающихся. Ведь только поэто-

му город включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Других городов, подобных нашему, в России нет. Но вместо того, чтобы сохранить это богатство, мы с завидным постоянством уничтожаем его. Посмотрите, даже на неприкосновенном Невском проспекте разрушено несколько зданий, я уж не говорю о Литейном, Вознесенском, Лиговском и Московском проспектах, где прекрасные исторические дома буквально разобраны по кирпичику. Неужели никто не видит, как в этот удивительный по красоте мир вползают агрессивные ультрасовременные постройки? Купол гостиницы «Ренессанс Балтик» на Почтамтской улице исказил панораму Исаакиевской площади. Комплекс «Серебряные зеркала» на Петроградской сделал то же самое с Петропавловской крепостью!

Андрей волновался, было видно, что он много раз думал о том, что говорит сейчас, и это не просто слова – это его выстраданные мысли, его душевная боль.

– За последние сто лет над Петербургом словно бы дважды взрывалась нейтронная бомба – в Гражданскую войну и в блокаду. Население вымирало, здания оставались нетронутыми. Приезжали другие люди, и город вновь начинал жить. Перенос столицы в Москву в 1918 году тоже пошел на пользу городу – сберег почти всю старую застройку. В советские годы Ленинград считался провинциальным, на шедевры современного зодчества средств не хватало. Не было даже динамита для сноса старых церквей. Поэтому жилищное стро-

ительство велось на окраинах. От Обводного канала до Невского и от Александро-Невской лавры до торгового порта город остался почти таким же, каким он был в 1917 году. К сожалению, дома, как и люди, стареют...

В Петербурге насчитывается более одного миллиона квадратных метров аварийного жилья. Основной его объем расположен в исторической части города, это дома дореволюционной застройки. Эти здания хоть и кирпичные, но основные несущие конструкции – деревянные. Им по сто, сто-пятьдесят, а то и по двести лет. Подвалы в них, как правило, затоплены, лестницы в аварийном состоянии, балконы валят-

ся прямо на глазах. Я занимался этой проблемой и хорошо знаю: был «недоремонт», или его отсрочка, короче, дома не обслуживались. Но какие бы ни были причины, люди ведь должны жить по-человечески!

Отремонтировать и расселить нужно огромное количество квадратных метров, потратить много времени, сил и средств. Но делать это надо! В аварийных домах живут люди с низким уровнем жизни, часто социально неблагополучные. Что же, мы будем ждать, когда эти дома рухнут и проблема разрешится сама по себе?

Выступление Андрея я запомнил в мельчайших подробностях практически дословно, потому что много раз возвращался к нему мысленно, анализировал, сопоставлял. Меня волновала эта проблема лично, ведь я профессиональный строитель, много лет живу в этом прекрасном городе и чувствую свою ответственность за все, что здесь происходит.

Дальше Андрей говорил о том, что правила застройки, включая регламент охранных зон исторической части Петербурга, для того и создаются, чтобы согласовать в этом деле интересы всех слоев общества, чтобы эти правила устраивали каждого. Регламентацию строительного процесса необходимо максимально детализировать, как это предусмотрено международными нормами, которые исключают малейшее ущемление интересов жителей – тех самых «обычных людей», которые и составляют большинство населения мегаполисов. Такая регламентация должна распространяться и

на высоту новых зданий, и на особенности строительства в петербургских грунтах, и на сохранение рядовой застройки, и на благоустройство дворов, и на общие требования к архитектуре новых построек, на так называемый «код среды».

Андрей закончил свое выступление тем, с чего и начал. Он напомнил, что Петербург – это его люди, те, кто из поколения в поколение обживали невские берега и создали здесь неповторимую архитектуру великого города. Без этих людей город умрет.

Ему даже не пытались возражать. Докладчик что-то говорил об опыте европейских городов, но Андрей убедительно доказал, что это сравнение неуместно – по всем параметрам!

– Неужели вы не видите, что сегодня в исторической части города жителям очень непросто. Главная задача – облегчить им жизнь, но в то же время сохранить дух города, ведь это достояние всего мира...

Он сказал все, что надо – резко, бескомпромиссно, аргументированно. Добавить к его выступлению было нечего, возразить тоже. Мы выходили с Андреем из зала, и я по разговорам вокруг пытался определить, как наши представительные граждане толкуют только что прозвучавшее выступление. Но не определил, потому что разговоров на эту тему не было. Андрею улыбались, приветствовали, давая понять, что поддерживают его позицию, но вслух не высказывались.

– Похоже, здесь, как у Грызлова в Думе – не место для дискуссий, – поделился я с Андреем своими соображениями.

– А где же место? – с горечью спросил Андрей. – Опять на кухне? Увидев, что я подвожу его к машине, сказал:

– Пойдем пешком. Когда я смотрю на Невский – голова отдыхает...

Я с радостью отпустил машину.

Домой нам по дороге. Мне – на Большую Морскую, Андрею – на Исаакиевскую площадь. Зашли в Елисейский магазин, он тогда еще был открыт. Андрею понадобилось купить его любимое селедочное масло, а я попутно прослушал небольшую лекцию о знаменитом магазине. Андрей хорошо знал, о чем рассказывает – уже тогда он работал над замечательной телепрограммой «Петербург: время и место».

– Представляешь, это творение «купеческого модерна» ужасало современников. Тем более, напротив они видели «божественный классицизм» Александринки. Думаю, архитектор понимал, что он строит, но ему нужно было выполнить заказ Григория Григорьевича Елисеева – с одной стороны. С другой – все-таки сделать реверанс в сторону рассерженных ценителей изящных искусств. К «чудовищу» со временем привыкли – время все меняет. И архитектурная мода, как и любая другая, тоже меняется...

Он вел эту передачу несколько лет, и, на мой взгляд, она

была лучшей из всех просветительских программ, существующих на телеканале «Культура». Я старался не пропустить ни одной. Мне все было интересно: появление первых петербургских яхт-клубов, биография Александра Маринеско, история Смольного института – первого элитарного учебного института для женщин, сложная и трагическая судьба Ольги Берггольц, происхождения знаменитого графа Джулио Ренато Литта... Недаром в 2003 году Андрею Толубееву была присуждена Государственная премия за заслуги в области просветительской деятельности.

– Да, Елисейев был сказочно богат, но он хорошо понимал простую истину, которую наши сегодняшние бизнесмены забыли: нельзя забывать о «простых» людях. Его магазины были рассчитаны и на богатых, и на бедных, и на людей среднего достатка. Здесь продавались товары на любой вкус и кошелек, но непременно высокого качества...

– Мне кажется, Андрей, ты сам себе противоречишь. Ты протестуешь против современной убогой архитектуры, безликих зданий-аквариумов, и тут же говоришь, что мода меняется... Возможно, и к современным постройкам привыкнут, как к Елисейевскому магазину...

– Я говорю совсем не об этом... – он взял меня за руку и мы вошли с ним в крошечный четырехугольный дворик, каких множество на Невском проспекте. Он был похож на колодец, этот глухой дворик – на всех четырех стенах штукатурка была обита, железные двери – некрашенные, искоре-

женные, на окнах первого этажа – решетки, так что не совсем понятно, что это такое – жилой дом или камера предварительного заключения. Асфальт вспучен, словно его кто-то ковырял отбойными молотками.

– Может быть, хочешь зайти в подъезд? Там еще хуже, уверяю тебя. Вот все это и нужно приводить в порядок, вот о чем я говорил сегодня... Страшно смотреть, а ведь здесь живут люди. Вот о чем надо думать прежде всего. Легче всего объявить дом аварийным, сослаться на трудности, а еще легче – снести старье и построить из стекла и бетона очередной бизнес-центр, их уже расплодилось в городе, как грибов.

– Но ведь люди сами привели дом в такой вид...

– Конечно, если сто лет не ремонтировать, тогда виноваты жители.

– Но время такое, сколько дыр нужно залатать...

– А у нас с семнадцатого года одна отговорка – время. Решаем какие-то глобальные задачи, а люди – на десятом плане. Сейчас снова оправдание. Это напоминает мне анекдот про три конверта.

Я прошу Андрея рассказать.

– Господи, Константиныч, старый с бородой анекдот.

– Ну, если бы знал, не просил рассказать.

– Что ж, тогда слушай, – не стал тянуть Андрей.

– На одном крупном предприятии сменился директор.

Передавая дела новому молодому, он сказал: «Я не буду тебе рассказывать о проблемах на предприятии, это долго, да

и поверь, все ты будешь делать и решать по-своему. Однако, если возникнут нерешаемые трудности, невоготу станет – на этот случай я оставил тебе в сейфе три конверта. Открывай по порядку: первый, второй и третий. Простился и ушел. Новый приступил к работе. Прошло какое-то время, дела заходят в тупик, ничего не получается, вспомнил о конвертах, открыл первый, прочитал написанное: «Вали все на меня». Стал выполнять «указание». Завертелось, закипело все вокруг. Собrania, митинги, протесты. Но рано или поздно и это надоело. Опять посыпались на директора упреки. Хозяйство чахнет, с зарплатой проблемы. Открыл директор второй конверт: «Начинай реконструкцию предприятия», – прочитал он. И опять закипела работа, в основном, бумажная: планы, расчеты, фильмы, призывы и выступления. Какие-то цеха сломали, какие-то остановили, в основном ездили по заграницам, якобы учиться. Но все равно, ничего не получилось. Делать нечего, открыл третий конверт и увидел: «Готовь три конверта».

Мы посмотрели друг на друга, смеяться не было сил, все про нашу жизнь.

Мы покинули убогий дворик и снова вышли на Невский, сияющий огнями. Это – лицо города, однако постепенно и оно начинает меняться, и не в лучшую сторону. На углу Невского и улицы Восстания снесен уже целый квартал. Справа, на Гончарной – разрушено несколько зданий 18–19 веков. Ради нового вокзала высокоскоростной магистрали до

Москвы снесли красивейшие особняки. И при этом вокзала до сих пор нет. На пересечении Невского и Мойки «обновляется» дом Чичерина, в котором долгое время находился кинотеатр «Баррикада». Тоже памятник архитектуры. Одно из знаменитых зданий Невского проспекта. Здесь жили Грибоедов, Кюхельбекер, Кваренги, здесь помещалось Благородное Собрание. В 1917 году Горький основал в этих стенах Дом Искусств, приютивший Гумилева, Мандельштама, Ходасевича, Зощенко. Но внутри все рушится, остаются только фасады. Нет больше овального кабинета, который оставался последним элементом бывшего Зимнего дворца Елизаветы Петровны, построенного по проекту Растрелли в 1755 году. Не успели как следует разобраться, с чего это вдруг пошли опасные трещины по вечным, казалось бы, непоколебимым фасадам Адмиралтейства и Исаакия, как та же порча, только в еще более тяжелой форме, прошла по многим другим, именитым и не очень, представителям старопетербургской архитектуры.

– Откуда же они появились, эти трещины? – настойчиво спрашивал меня Андрей, и я хорошо понимал причину этой настойчивости. Я – строитель, и поневоле должен принимать на себя ответственность за все, что творится в строительной индустрии нашего города – и за хорошее, и, увы, за плохое.

– Дело в том, Андрей, что Петербург возводился разом, и дальнейший его рост строго регламентировался. В середине прошлого века город уже не мог расти вверх – не давали бо-

лотистые почвы. Поэтому даже в советские времена Ленинград не трогали, застраивались в основном окраины. А нынешние строители вторгаются в старый город бесцеремонно и нагло, отсюда и все неприятности.

– Я об этом и толковал сегодня на заседании – оставить старые районы города в покое, иначе все рухнет. А если и строить, то только в порядке исключения, и обязательно следить – как отражаются строительные работы на близлежащих зданиях. Немедленно прекращать работы, как только будет замечена опасность. Возможно, и вообще запретить строить в исторической части города, только вести ремонт...

Мы шли по Невскому и говорили о том, что задача нынешней власти – спасти каждый дом, проводя гуманную реставрацию. Только таких примеров, к сожалению, мало. Сегодня мы обсуждаем в самых разных аудиториях «петербургскую стратегию сохранения культурного наследия». Если предложенный документ по этой проблеме будет принят, площадь охраняемой законом исторической зоны сократится в пять раз. Внешний облик исторического центра Санкт-Петербурга и его пригородов изменится до неузнаваемости. Зимний дворец будет соседствовать с суперсовременными небоскребами, Михайловский замок окружат здания в стиле хайтек. Для людей, которые любят Петербург, это трагедия.

Градостроительная политика в Петербурге не выдерживает никакой критики. Из-за внутриквартальной уплотнительной застройки соседние дома попадают в зону риска, дают

трещины, проседают, падают, иногда с человеческими жертвами, освобождая алчным застройщикам новые квадратные метры. На их месте возводятся убогие безликие коробки, уродующие наш город.

То, что Санкт-Петербург город уникальный, не вызывает сомнений ни у кого. Достаточно сказать, что на сегодняшний день под охраной государства находятся около восьми тысяч питерских памятников – всевозможных зданий, садов, парков, скверов, прудов и каналов. Беда только, что со своими функциями «охранителя» государство справляется из рук вон плохо. По оценкам независимых экспертов, в сроч-

ных реставрационных работах нуждаются до семи тысяч памятников, более тысячи трехсот находятся «в активной фазе разрушения» и грозят повторить судьбу объектов, которые уже не подлежат восстановлению. Проблема, как всегда, в деньгах. По самым скромным подсчетам, на комплексную реставрацию питерских памятников старины, находящихся в госсобственности, необходимо свыше шестидесяти миллиардов рублей, которых у государства, как водится, нет. Вернее, есть, но на другие цели и дела. Уменьшать площадь охраняемой исторической зоны – не самый лучший способ. Может получиться, что под охраной останется один Зимний Дворец.

...Мы шли в сторону Адмиралтейства, и Андрей рассказывал мне о своем Ленинграде-Петербурге – городе его детства и юности.

– Ты знаешь, я все помню, даже мельчайшие детали. Вот тут, в «лягушатнике», мы ели самое вкусное в мире мороженое, с сиропом и шоколадной крошкой. А магазин «Рыба» на углу Невского и Рубинштейна, мы, разумеется, говорили «Рыбинштейна» – там был большой бассейн, а в нем плавал усатый печальный сом, которого мы исподтишка подкармливали хлебным мякишем из батона. Подоконники там были мраморные, холодные, а латунные ручки дверей сверкали, как позолоченные...

Андрей был хорошим рассказчиком. Старый Невский проспект словно оживал передо мной со своими запахами,

звуками, красками. Настоящее волшебство открывалось за дверью магазина «Старой книги» в бывшем доме Котомина. Удивительный воздух, настоянный на запахах старых кожаных переплетов, пожелтевшей бумаги, прошедших эпох...

Напротив – гастроном, с блокадной поры называемый в народе «генеральским магазином», в военное время здесь отоваривали продовольственные карточки офицерскому составу. На следующем углу – кинотеатр «Баррикада», где перед началом сеансов под аккомпанемент скрюченного над клавишами пианиста пела женщина в длинном, казавшемся пыльным, платье. А в другом конце Невского, в доме пятьдесят четыре, располагалась старейшая парикмахерская, работавшая даже в блокаду. Стараниями историка Сергея Лебедева на ее стене была установлена памятная доска. Сейчас парикмахерскую закрыли – словно закрыли память...

Нет больше и «Лавки художника», что много лет находилась в доме номер восемь. «Старую книгу» в доме Котомина склевал жирный американский петух (теперь тут заведение быстрого питания). Вместо кондитерской Вольфа и Беранже – цветочный магазин. Вместо памятного многим ленинградцам кафе «Минутка» – какой-то безостановочно жующий «Сабвей». От интерьеров «Лягушатника» не осталось и следа. Исчезло молочное кафе «Ленинград», старая добрая сосисочная, которую в народе называли «Зеркала» – ими были отделаны стены. Зато повсеместно – фастфуды, фастфуды, бутики, бутики...

Раньше, выйдя на Невский, невозможно было не встретить кого-нибудь из друзей или знакомых. Нормальное дело для живого места. Нынче тут не живешь, а пробегаешь, ша-рахаясь от неоновых сполохов.

Я успокаивал Андрея, как мог. Город не может обойтись без стройки и реконструкции – он неизбежно стареет и требует ремонта, реставрации.

– Вот ты говорил, что исторический центр Петербурга признан ЮНЕСКО объектом всемирного наследия. Многие говорят об этом, как о каком-то достижении наших властей. Это абсолютно не соответствует действительности. Ни в ЮНЕСКО, ни в Петербурге точно не знают, что именно охраняет уважаемая международная организация в Северной столице России. Документы, описывающие исторический центр Петербурга, отправили в Париж в 1989 году, но они оказались крайне запутанными, и ЮНЕСКО до сих пор не в состоянии с ними разобраться. В Петербурге не осталось даже их копий, а в реальной практике охраны памятников их никогда и не использовали. Удивительно, но пропал даже врученный ЮНЕСКО сертификат о включении города на Неве в список объектов всемирного наследия. Все это выяснилось, когда петербургский КГИОП готовил документы к очередной сессии ЮНЕСКО. В 1989 году Советский Союз представил номинацию по Ленинграду для внесения в список объектов всемирного наследия. Тогда поступили просто – взяли карту охранной зоны и отправили ее международ-

ным экспертам. К ней был приложен перечень тридцати шести комплексов на территории города и области. В результате получился объект всемирного наследия под названием «Исторический центр Ленинграда и связанные с ним группы памятников». Одна беда – объект этот получился со множеством ошибок, неточностей и условной картографией. Тогда это мало кого беспокоило. В последние же годы в ЮНЕСКО решили заняться инвентаризацией всего того, что было принято в список. Трудно сказать, почему документация, представленная Петербургом в 1990 году, удовлетворила Комитет Всемирного наследия. Возможно, дело в том, что Россия была тогда в большой моде. О том, что в реальности происходит в нашей стране, в мире знали мало, и во многом заблуждались. Бытовали романтические представления о революции в Советском Союзе, о демократических переменах. Делегация приехала в Париж, ее приняли на «ура». Нас уже не боятся, мы входим в цивилизованное сообщество. Документы приняли – и забыли. Все последующие годы, вплоть до начала двадцать первого века, о них не вспоминали. А когда вспомнили, то стали задавать весьма неприятные вопросы.

Изначально считалось, что в ЮНЕСКО была отправлена схема охранной зоны, которую применяли в Ленинграде для охраны памятников. Однако позже выяснилось, что имеющаяся во Франции карта с этой схемой не совпадает. Зона в документах ЮНЕСКО меньше, хотя и не очень значительно.

Кто вмешался и отхватил куски охраняемой зоны – непонятно. Еще один странный момент – если советские чиновники отправляют в ЮНЕСКО какую-то карту, то логично предположить, что она должна быть введена и в отечественный оборот. Но ничего подобного! У нас давно забыли и об этой документации, и о Париже, и о ЮНЕСКО. Никто из чиновников, разумеется, не пользуется ей для охраны памятников. Что уж тут говорить, если мы даже «Золотой сертификат», присваиваемый объектам всемирного наследия, найти не можем. Последний раз кто-то видел этот документ в кабинете Анатолия Собчака. Конечно, ЮНЕСКО отнесся к нам снисходительно. Если подходить к проверке нашей номинации стопроцентно жестко, то нас сразу же можно исключить из списка объектов всемирного наследия. Почему? На том простом основании, что многие заявленные при подаче документов памятники после перестройки у нас попросту отсутствуют, а точнее, их никогда и не было...

Действительно, в девяностом году умудрились не просто запутаться с картами, но и в прилагаемым к ним спискам сделать кучу ошибок. Есть памятники, о которых просто никто ничего не знает. Например, Матросская Слобода в Павловске. Откуда взялась эта слобода. Кто ее туда вписал? Что там делать матросам? Где Павловск, а где море? В отправленном нами списке нет никакой привязки по координатам и описаний объектов. Поэтому разобраться – невозможно. У нас есть форт «Серая Лошадь», а в списке ЮНЕСКО та же самая

лошадь – Зеленая. Мало кто знает деревню Поляны, которую почему-то охраняет ЮНЕСКО, хотя имеются сомнения в ее универсальном мировом значении. Она даже не стоит под охраной государства.

Европейские эксперты относятся ко всей этой несурaziце с юмором, и сами посмеиваются: «Что вы сделали с лошадью? Перекрасили?» Хотя у ЮНЕСКО достаточно жесткие правила. Во-первых, страна-заявитель должна предъявлять только те объекты, которые охраняет сама, во-вторых, все они должны пройти экспертизу на предмет их универсальной ценности. ЮНЕСКО не берет все подряд. А на территории петербургского объекта – шестьдесят процентов вообще не памятники, а просто историческая застройка. Но уникальность Петербурга в том и заключается, что он включен в список именно как градостроительное образование.

Андрей слушал меня внимательно, не перебивал.

– Спасибо за рассказ о наших безобразиях. Я знал об этом, но не в таких подробностях. Не буду спорить, кто должен охранять город, знаю только, что Петербург – словно намоленная икона... И ЮНЕСКО тут ни при чем. В первую очередь мы сами ответственны за город...

Для Санкт-Петербурга его архитектура имеет такое же значение, как для других регионов нефть, газ, лес, рыба... Она – тоже источник обогащения, только духовного. Петербург создавался по определенному плану, а не просто стихийно. Целые районы построены по одному замыслу и пред-

ставляют собой законченное целое. Архитектура Петербурга включает в себя широкие пространства, далекие перспективы, плавные линии Невы и каналов. Ясное небо над городом и четкие очертания далее так же помогают понять его красоту, как и туманы в ненастные дни, как и мелкий морозящий дождик. Непогода – такая же часть архитектурного пейзажа нашего города.

Петербург строился и как форпост, и как промышленный центр, и как столица огромной державы, поэтому застройка его многофункциональна и многолика. За триста лет «среди топи блат» возник и сформировался город, не уступающий роскошным европейским столицам. В первые же десятилетия он обогатился Петропавловским собором – великолепной городской доминантой, через сто лет вырос Исаакиевский собор, превосходивший по своим параметрам многие западноевропейские аналоги. Архитектурные ансамбли, дворцы, площади, проспекты, регулярная массовая застройка возникли как бы одновременно. Рождение новой столицы на Балтике – это уникальный градостроительный эксперимент, основанный на синтезе европейских традиций, творческом освоении новых для России приемов и стилей, планировочных решений и типов зданий. Как только не называли наш город – и «Новый Амстердам», и «Северная Венеция», и «Новый Рим», и «Версаль» и все-таки он оставался неповторимым. На территории города сформировались структурные части: Петербургская сторона – первоначальное ядро с эле-

ментами дорегулярной планировки, Васильевский остров – строгая прямоугольная система, Адмиралтейская сторона – многолучевая структура с радиально-дуговыми направлениями, а также слободы на Московской и Выборгской сторонах, соединенные с городским ядром перспективными магистралями.

Петербургская архитектурная культура сложилась быстро. Заимствуя все лучшее, она вынашивала и сохраняла особую чистоту и четкость. Стили быстро сменяли друг друга, поэтому их границы более определены, чем в других странах.

Культурное наследие часто называют капиталом невозместимой ценности. Наравне с природными богатствами это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Если правильно распорядиться этим капиталом, он превратится в важнейший ресурс мировой экономики. Утраты же культурных ценностей невосполнимы и необратимы – они отражаются на всех областях жизни нынешнего и будущего поколений, приводят к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, деградации общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни развитием современной культуры, ни созданием новых, хоть и значительных, произведений. Накапливание и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

– Андрей, но как жить современному человеку в этом,

извини за выражение, антиквариате? Припарковаться негде, стоянок не хватает, хронические пробки... Что ни говори, а в историческом центре города жить и работать крайне неудобно... И потом, антиквариат – личное дело коллекционера, а облик города, его инфраструктура касаются всех. Не случайно так жаростно спорят городские любители старины и сторонники прогресса...

– Ну, есть и более неудобные города. Например, Рим. Улочки узкие, проехать можно только на велосипеде. Почему бы его не снести и не построить на его месте современный и красивый город? Возможно это? Вполне – строительные технологии позволяют. Но итальянцы решили, что их история, их «неудобный» город гораздо дороже небоскребов и широких улиц. Хочешь жить здесь – откажись от машины, вот такой у них подход. Конечно, наш город – не самое удачное место на земле: высокая влажность, наводнения, ветры... А мы еще и способствуем его разрушению, это видно по фасадам – многочисленные утраты декора, грязь. За исключением наиболее ценных объектов, профессионально они не реставрируются, так что «блистательный Петербург» скоро останется только в литературе...

– Да, Андрей, как строитель и человек, интересующийся строительными технологиями, которые применялись нашими предками, я могу сказать, что фасады Санкт-Петербурга – это энциклопедия архитектурных форм, техник отделки и материалов. Их архитектурно-пластическое великоле-

пие создают композиции ордерной системы, эркеры, башни, шпили и купола, разнообразные кровли, скульптурный лепной и металлический декор. Выразительное петровское барокко с контрастной окраской фасадов в два цвета сменяет полифония цвета и скульптуры елизаветинского барокко. «Строгий, стройный вид» фасады приобрели в эпоху классицизма и ампира. Декоративное многообразие форм оставили ретроспективные неостили (вариации на темы Египта и Востока, готики и ренессанса, барокко и неогрека), изысканную пластику – модерн. В архитектурной отделке применялись: известняки, граниты, мраморы, литые, чеканные патинированные бронзы, черные металлы, кованный и литой чугун, шпиатр, золочение «через огонь», клеевое и гальвано-пластическое; керамики и мозаики.

В своем большинстве фасады Санкт-Петербурга штукатурной работы. Штукатурка позволяла использовать любые стилевые формы, применять разнообразную окраску, в ней же имитировалась облицовка камнем. Потому настоящая реставрация – дело хлопотное и дорогостоящее. Она достигается с помощью специальных технологий и материалов. Проводится она только в летний сезон. А ты видишь, как у нас. Зима, мороз – пленку натянули, и фасад красим. Результат этой работы – красочные покрытия на основе синтетических связующих, которые разрушают штукатурные слои и кирпичную кладку. Но при этом, если реставрация фасадов необходимое дело, то реставрация здания – мера вынужден-

ная, чрезвычайная, она уносит частицу подлинности. Я думаю, ты согласишься со мной. Ведь что такое старина? Это не только архитектурный облик, но в том числе и внутреннее устройство здания – система кладки, перекрытий и прочие технологические решения при строительстве. Поэтому я считаю, что не нужно заниматься новоделом на месте снесенного памятника. Это уже не памятник. Если мы сохраняем историю, то должны сохранить и душу здания. Зачем восстанавливать в бетоне маленький домик и говорить, что здесь жил Некрасов? Это не правильно, потому что Некрасов здесь точно не жил. Если мы не можем сохранить памятники путем реставрационных работ, то, к огромному сожалению, на его месте надо строить новое здание. Значит, пришло его время. У каждого памятника есть свой срок жизни.

Да, старина ветшает, но как ни странно, она все-таки более комфортна. Парадокс, но современные здания из стекла и бетона устаревают морально и физически раньше, чем те исторические здания, которые их окружают.

– Константиныч, я не только согласен с тобой, но и то, о чем ты говоришь – это мои мысли.

– Андрюша, мои и твои мысли, это мысли тысяч петербуржцев, преданных культурному наследию. Конечно, каждое поколение ищет свою интерпретацию прошлого и извлекает из него новые идеи. Нашему городу повезло. Отличительная черта культуры жителей – преданность культурному наследию.

И задача власти и общественности – привить молодежи уважение к многообразию культурных традиций и чувство терпимости, умение противостоять проявлениям ксенофобии и национальной исключительности. Доступ к знаниям, радость общения с культурным наследием должны поощряться, как фактор, жизненно необходимый для творческой самореализации и личности, и коллектива.

Уверен, что нужно использовать все возможности для совмещения сохранения памятников с развитием, связанных с ним культурных традиций.

Мы шли. Перед поворотом на Малую Морскую, справа от нас на стене дома синела знаменитая блокадная табличка: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Простецкая, казалось бы, трафаретная надпись, но она дороже любого шикарного новодела. Около нее всегда цветы.

– Это не значит, – уточнил Андрей, – что одно должно исключать другое. Просто всему должно быть свое место. Сколько живу в Питере, всегда над головой облака. Иногда очень низко, набухнет то каплями дождя, то зарядами снега. Изредка белые кучевые облака плывут над городом высоко-высоко. И уж совсем редкость: нет облаков, синь неба удивительная, такую не нарисуешь. А если это ранний вечер, все преобразается вокруг. Люди отовсюду выходят на улицы, они, словно магнит, притягивают к себе. В такие моменты очень мало озабоченных лиц, больше радостных, улыба-

ющихся.

На прогретом за день Невском проспекте пахнет листвой и морем. Запах моря приносит прохладный Балтийский ветер. Совсем недавно был в Москве, там другие запахи. Запах зелени, цветов, обычный городской осенний запах, который встречается только в больших городах.

Я очень люблю запах моря, он визитная карточка Питера, он только наш.

В моей памяти навсегда остался тот удивительный теплый вечер, наша прогулка по Невскому проспекту и Андрей Толубеев, шагающий рядом со мной, его мысли, его беспокойство о людях, живущих в прекрасном городе.

Глава четвертая

Петербург против небоскребов

Иногда случалось, что мы возвращались домой вместе – или после спектакля в БДТ, или после заседания Общественного Совета города. В любом случае это были интересные прогулки – эмоциональные и познавательные. У Андрея, кроме всего прочего, были наклонности настоящего просветителя, педагога. Он и был просветителем и педагогом – как иначе назвать его работу на телевидении и в театральном институте? Он увлекался историей Петербурга, многое знал, умел доносить свои знания до слушателей. Все, к чему бы он ни прикасался – писал ли книги, играл в театре, выступал в Общественном Совете – он выкладывался до предела. Наши прогулки с ним тоже были в значительной степени просветительскими. В отличие от Андрея я сибиряк, хотя давно обосновался на берегах Невы. Жил в Ленинграде, теперь живу в Петербурге, здесь выросли мои дети и внуки. И необыкновенный этот город тоже считаю своим, родным. И все-таки с помощью Андрея получил немало знаний о его истории и людях. Эти драгоценные минуты общения были для меня незабываемыми: я и сейчас слышу его удивительный, бархатный голос – в нем всегда слышались теплота и внимание к собеседнику.

Андрей часто рассказывал о своей писательской работе, жаловался на компьютер, с которым не может совладать, на нехватку времени, упрекал самого себя в неорганизованности. Я про себя искренне удивлялся. Мне казалось, что такой успешный человек, как Андрей, просто не может чего-то не

уметь – он гениален и на сцене, и в кино, и за письменным столом, и в студенческой аудитории. Про себя он говорил с грустной полуулыбкой, утверждал, что многое делает не так, и если бы ему было дано прожить две жизни, он жил бы, конечно, совсем не так...

И все же главной темой наших разговоров оставался Петербург.

Конечным пунктом наших мини-путешествий был Синий мост и река Мойка. Наши дома разделяет эта река.

Санкт-Петербург называют Северной Венецией не просто так. Город в буквальном смысле стоит на воде. Здесь проте-

кает девяносто рек, каналов и проток, общей длиной более трехсот километров. Кроме того, в Санкт-Петербурге находятся десять больших озер.

Без сомнения, главной рекой города является Нева. Но его нельзя представить себе и без Мойки с ее великолепной гранитной набережной, с чугунным решетками и мостами. Река протекает через центральную часть города, она – неотъемлемая часть водного кружева Петербурга. Мойка берет свое начало из реки Фонтанки в районе Летнего сада и примерно через пять километров впадает в Неву. В первые годы строительства Петербурга Мойка была мутной речкой, вытекающей из болота. В те годы она называлась – «Река Мья». Осушение и застройка ее топких берегов начались вместе со строительством города. Берега укрепили деревянным брусом в двадцатых годах восемнадцатого века, а в начале девятнадцатого одели в гранит. Позже установили литую чугунную ограду с неповторимым геометрическим орнаментом. Мосты, перекинутые через Мойку, имеют свои истории и легенды. Например, Поцелуев мост, построенный в середине восемнадцатого века.

Сегодня практически ни одна свадьба не проходит без посещения этого моста и долгого поцелуя на нем. Считается, что молодожены будут счастливы, если они в день свадьбы проедут или пройдут по мосту, целуясь, причем поцелуй нужно начать на одной стороне моста, а закончить – на другом берегу Мойки. Другое поверье гласит: если близкие

люди расстаются и прощание их происходит на этом мосту, то они обязательно скоро встретятся снова, то есть уехавший человек непременно вернется. По другой версии, в старые времена этот мост, находившийся на самой границе города, служил местом тайных свиданий молодежи. Многолетние попытки объяснить происхождение названия Поцелуев мост не ослабевают, появляются все новые легенды, хотя есть вполне прозаическое объяснение: своим названием мост обязан трактуру с названием «Поцелуй», находившемся на левом берегу Мойки, на углу Никольской улицы в доме купца Поцелуева...

Многие здания, расположенные на Мойке, являются архитектурными памятниками, связаны с именами великих русских писателей, художников, поэтов.

Есть удивительное место на Мойке – Синий мост. Он соединяет Исаакиевскую площадь с переулком Антоненко и Вознесенским проспектом. При этом мост является «невидимкой»: из-за своей рекордной ширины он воспринимается частью площади. Название «Синий» идет от первоначально деревянного моста, выкрашенного в синий цвет. Мост является рекордсменом: это самый широкий мост в Санкт-Петербурге, его ширина по внешнему габариту почти сто метров. Он неоднократно был реконструирован, изменялись его размеры, конструктивные особенности. Несмотря на это, его внешний вид не изменился, и дошел до нас практически в первозданном виде. К мосту, как и к Мариинскому дворцу,

применимо высказывание: два императора от него отвернулись. Это действительно так: и «Медный Всадник», и памятник Николаю Первому смотрят в противоположную сторону.

Однажды мы стояли с Андреем на мосту, смотрели, как тяжелые серые волны пенисто разбиваются о гранит набережной. В это время каждый думал о своем. Мимо нас проходили катера, прорезая себе путь сквозь отраженные в реке дома, и расступалась закованная в камень темная холодная вода...

– И откуда вдруг появилась эта странная башня? – без всякой связи с предыдущей темой спросил меня Андрей.

– Какая башня?

– На Охте, газпромовская.

– Вот ты о чем! Выброси из головы, пока это все – проекты.

– Это у нас с тобой – проекты, а у власти всегда – проекты, и реальность их очень велика.

– Я неплохо знаю эту историю, там речь идет, в конечном итоге, о строительстве. Но я убежден – если и будут строить эту пресловутую башню, ни одна российская компания не сможет выиграть тендер. Почему? Это отдельный разговор.

– Ну хорошо, так откуда же появилась эта странная идея?

– Если разобраться, то ничего странного в ней нет. Еще 8 декабря 2004 года петербургские газеты сообщили о том, что «Газпром» получил в аренду участок на пересечении Большеохтинского проспекта и Конторской улицы для проведе-

ния изыскательских работ. Площадь участка, согласно постановлению Смольного, составила шестнадцать тысяч квадратных метров. «Газпром» объявил о своем желании построить офисное здание для всех дочерних компаний, работавших тогда в Петербурге и области.

В газете «Коммерсант» утверждали, что эта сделка позволит городу за несколько лет рассчитаться с госдолгом, который к концу 2005 года составит шестнадцать миллиардов рублей, а к концу следующего 2006 года перевалит за двадцать миллиардов.

Андрей слушал очень внимательно.

– Как думаешь, построят?

– Не сомневаюсь в этом... Лично я – против строительства, но не потому, что здание очень высокое. Эйфелева башня тоже высокая, но без нее не было бы Парижа. Я против, потому что «Газпром» – компания государственная, а у государства есть куда потратить деньги, у нас еще многие деревни и поселки не газифицированы. И, наконец, главное – как только начнут строить, стоимость газа для населения моментально вырастет, как бы ни уверяли в обратном газпромовские чиновники. В городе полно дворцов, которые подлежат восстановлению – берите, восстанавливайте, работайте в них...

– Я тоже против этой пресловутой башни, Константиныч, только по другой причине. Этот скандал, разделивший город на сторонников и противников строительства, высветил очень важную проблему – наша власть плюет на мнение граждан, оно ей неинтересно. У власти достаточно ресурсов, чтобы провести любое решение, даже абсурдное: для этого есть управляемый парламент, лояльные деятели культуры, свои средства массовой информации, а главное – деньги, которыми она распоряжается. Я смотрю телевизор – и ничего не понимаю! Боярский и Мигицко уговаривают телезрителей, что башня чудовищной высоты на Охте необходима городу, как воздух. В это же время уважаемый академик Пиотровский пишет президенту и правительству письма с резкими протестами. Кому же верить?

– Мне, – шутя сказал я. Хотя бы на том простом основании, что я следил и слежу за событиями на Охте, начиная с 2006 года. Разумеется, я тоже могу заблуждаться... Хочешь, расскажу эту историю так, как я ее понимаю?

– Сделай одолжение...

– Ну, Андрей, потерпи.

Чтобы лучше понять, откуда возникла идея башни, начать придется издалека. С российской нефтяной промышленности и 1992 года, когда появились первые три вертикально интегрированных компании – «Лукойл», «Сургутнефтегаз» и «Юкос». Оставшиеся активы были распределены в 1994 году среди фирм, названия которых ничего не добавляют к рассказу. Еще две компании были образованы на год позже – «ТНК» и «Сибнефть». Последняя родилась в виде холдинга, куда согласно указу Бориса Ельцина вошли «Ноябрьскнефтегаз» и «Омский НПЗ». Затем началась эпоха «большой приватизации». Уже в мае 1997 года некая «Финансовая нефтяная компания» выкупила на залоговом аукционе за крохи пятидесяти одно процентный пакет «Сибнефти» в доверительное управление в рамках программы «Акции за долги». И у двадцативосьмилетнего Романа Абрамовича и его компаньонов возникла идея вертикального интегрирования структуры. К тому моменту они уже контролировали добычу нефти, переработку, каналы транспортировки нефтепродуктов. Абрамович вышел на Бориса Березовского. Роман Аркадьевич тогда уже успешно контро-

лировал группу компаний, базировавшихся в Швейцарии. Он был также деловым партнером зятя Ельцина Леонида Дьяченко. Абрамович предложил Березовскому создать новую компанию – «Сибнефть», разделив между собой два лучших предприятия государственной «Роснефти». Березовский подсуетился и «Сибнефть» появилась на свет в соответствии с указом президента страны. За пару лет они через кучу своих фирм скупили ОАО «Сибнефть». Если верить газете «Московский комсомолец», приблизив Абрамовича к ельцинской «семье», Борис Березовский передоверил ему все финансовые и сырьевые потоки «Сибнефти», а сам ушел в правительство, а Роман Абрамович – в совет директоров «Ноябрьскнефтегаза» (основное добывающее подразделение «Сибнефти»), также став главой московского представительства «Сибнефти». С сентября 1996 по 2000 год Роман Абрамович выбрал для себя позицию члена совета директоров «Сибнефти». К декабрю 2002 года компания наращивала объемы добычи почти на двадцать процентов в год. Из знаковых эпизодов было лишь две попытки слияния «Сибнефти» и «Юкоса». В 1998 году они объединились в один холдинг ЮКСИ, но через пять месяцев объявили о прекращении совместной жизни. И в 2003 их слияние привело к появлению структуры с запасами в двадцать миллиардов баррелей нефтегазового эквивалента – по этому показателю «Юкос Сибнефть» занял бы четвертое место в мире по уровню добычи. Но тут подоспел арест Михаила Ходорковского.

Кстати, как сообщает телеканал РБК, в процессе слияния с «Юкосом» Абрамович получил три миллиарда долларов наличными. Роман Аркадьевич так и не вернул их обратно. Но это к слову. Может и отдавать их было некому.

В конце 2004 года глава администрации президента и по совместительству председатель совета директоров «Газпрома» Дмитрий Медведев говорил о необходимости развития нефтяного бизнеса «Газпрома». Вектором такого развития, по его мнению, должна была стать покупка «Газпромом» «Роснефти», председателем совета директоров которой был Игорь Сечин. Господину Сечину, по-видимому, очень не хотелось сливаться с «Газпромом» и в ходе многоходовой комбинации «Роснефть» в декабре 2004 года стала владельцем основного добывающего актива «Юкоса» – ОАО «Юганскнефтегаз», что сильно подняло стоимость «Роснефти», практически сделав невозможной сделку по ее приобретению Газпромом.

Однако нефтяной бизнес «Газпрома» по-прежнему волновал г-на Медведева сильнее газификации страны или повышения эффективности компании. И он остановился на «Сибнефти». В свою очередь, фактический ее владелец Роман Абрамович был давно не против «правильно» продать столь рискованные в современной России активы.

28 сентября 2005 года «Газпром» подписал с инвестгруппой «Millhouse Capital» соглашение, обязывающее его приобрести семьдесят три процента акций «Сибнефти» по четыре без мелочи доллара за акцию. Кроме этого пакета «Газпром» выкупил у «Газпромбанка» три процента акций, получив таким образом квалифицированное большинство в совете директоров. Нефтяная компания обошлась «Газпрому» в тринадцать миллиардов долларов, которые, как сообщило «Эхо Москвы» со ссылкой на Агентство газовой информации, позаимствованы у консорциума западных банков.

Господа министры Кудрин и Греф сильно возражали. 3 октября заместитель Грефа Андрей Шаронов высказался против сделки, заявив, что нефтяная компания – непрофильный актив для «Газпрома». Министров «уговорили» за неделю: 10 октября босс г-на Шаронова глава МЭРТ Герман Греф сменил позицию на противоположную. 13 октября продажу одобрило правительство. 21 октября 2005 года – ровно через три недели – «Газпром» через голландскую «дочку» завершил крупнейшую в истории России сделку по приобретению акций «Сибнефти», консолидировав свыше семидесяти пяти процентов ее акций. По оценкам некоторых аналитиков, большая часть из тринадцати газпромовских миллиардов досталась лично Роману Абрамовичу.

Весной 2006 года совет директоров «Сибнефти» принял решение переименовать ее в «Газпромнефть» и перерегистрировать в Санкт-Петербурге. Процесс ребрендинга «Сибнефти» начался 13 мая. Руководство компании заявило также о строительстве крупного офисного комплекса в Петербурге с целью размещения там штаб-квартиры. Тогда-то и утвердилась цифра «300 метров» – высота центрального офиса, затем она поднялась до 400.

В июле 2006 года Валентине Ивановне Матвиенко было направлено коллективное обращение Санкт-Петербургского Союза архитекторов, подписанное его президентом Владимиром Поповым, где утверждалось, что небоскреб разрушит облик города. Архитекторов Петербурга поддержал Союз ар-

хитекторов России, который утверждал, что объявленный конкурс нарушает все международные и отечественные нормы и правила. В знак протеста Союз бойкотировал конкурс, поэтому все его участники оказались иностранцами. Проекты представили американцы, англичане, французы, немцы, итальянцы, швейцарцы. В жюри пригласили четырех знаменитых архитекторов: Нормана Фостера, Кисё Курокаву, Рафаэля Миноли и Петера Швегера. Первые трое вышли из состава жюри, направив в Смольный официальное письмо, в котором обосновали свое отрицательное отношение к конкурсному заданию и обратили внимание властей на опасность «агрессивного воздействия высотного здания на силуэт города».

Общественное движение «Живой город» в числе своих основных задач назвало недопущение строительства небоскреба вблизи исторического центра Петербурга. Историки, архитекторы, педагоги, депутаты, актеры требуют референдума по этому вопросу – пусть наконец сами люди решат судьбу спорного проекта. Но увы – власти с маниакальным упорством противодействуют референдуму.

Против строительства выступают археологи. Их основная претензия связана с нахождением на территории строительства «Охта-центра» памятника «Шведская крепость Ниеншанц», который охраняется законом с 2001 года. Здесь же обнаружены другие археологические памятники. Руководитель научной экспедиции в своем предварительном отчете

писал, что на территории раскопок были выявлены культурные слои и сооружения эпохи неолита. Неолитические слои мощностью до двух метров распространены на территории около 10 тысяч квадратных метров. Этот археологический памятник уникален с точки зрения ученых, на нем, как в Трое, можно одновременно наблюдать части сооружений разных периодов истории, и подобные исторические сооружения попадают под охрану с момента их выявления.

Строптивных археологов заменили на более покладистых. Никаких проблем! Санкт-Петербургская археологическая экспедиция, которую фактически отстранили от раскопок, сравнила сложившуюся ситуацию с рейдерским захватом и сообщила газетчикам, что «... раскопки средневековых крепостей проводятся людьми, далекими от знания средневековой фортификации...» Ученые бьют тревогу: верхняя часть так называемого Карлова бастиона уже существенно разрушена, сложилась угрожающая ситуация вокруг южных рвов Ландскроны и бастионов Ниеншанца. Руководство новой экспедиции не принимает каких-либо мер по сохранению памятника, а петербургских специалистов на территорию объекта не допускает.

В ноябре 2006 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» провела опрос. Вопрос сформулировали так: считаете ли вы возможным строительство 300-метрового небоскреба на месте крепости Ниеншанц (у Большеохтинского моста)?» 90 % опрошенных высказались против строительства небо-

скреба напротив Смольного.

В июле 2007 года против строительства было собрано более 10 тысяч подписей. Как утверждали газеты, основная масса подписавшихся – молодежь. Среди подписавшихся – известные ученые и деятели культуры, академики РАН и университетские профессора, писатели и архитекторы, художники, актеры, музейщики, журналисты...

Появились и частушки. Как же без них.

В общем, мнения разделились, одни – за строительство, другие – против. Не обошлось и без подтасовок: в газете «Петербургский дневник», официальном издании правительства Санкт-Петербурга, появилась информация, что знаменитый писатель-фантаст Борис Стругацкий выступил в поддержку решения городского правительства, которое, вопреки мнению многих специалистов и горожан, предоставило «Охта-центру» зеленый свет. Писатель обвинил газету в прямой лжи. Он заявил, что таких слов не говорил нигде и никогда, а то, что цитирует газета – типичное изобретение наших пресловутых «акул пера и гиен ротационных машин...». Хотя свое мнение он все же высказал: «У меня нет никакого мнения на этот счет. Я не поклонник урбанистических пейзажей и ничего не смыслю в архитектуре. Но все-таки предпочел бы, чтобы городские власти занялись проблемами автомобильных пробок и благоустройства питерских дворов...»

Больше двух лет прошло с той памятной мне прогулки,

когда я рассказывал Андрею Толубееву историю «Охта-центра». Нет уже Андрея. К строительству так и не приступили; теперь эта гипотетическая стройка стала удобным полигоном для политиков всех рангов и направлений: в словесных баталиях они оттачивают мастерство полемистов. Деятели культуры пишут коллективные письма президенту, который скорее «против» строительства, чем «за». Премьер-министр занимает какую-то неопределенную позицию. Вот его слова на пресс-конференции: «Это дело региональных властей: губернатора, депутатов законодательного собрания. Вопрос места должны решить местные власти, а такое здание городу точно не повредит. Вопрос в том, где собираются эту башню строить – на Охте. Я там жил почти пять лет и знаю, что там за культурные ценности...». Он уточнил, что городу нужен «свежий воздух, центры, которые давали бы толчок развитию деловой активности...», отметил, что «понимает озабоченность тех, кто говорит, что это слишком близко к историческому центру...». «И я разделяю эту озабоченность, я не утверждаю, что это лучшее решение, но я не хочу влиять на его принятие. Не нужно эти решения на меня перекладывать. У меня своих проблем хватает...»

Осенью прошлого года министр культуры России Александр Авдеев высказался против строительства: «Наше мнение – отрицательное. Я как министр культуры против строительства такой башни, мое мнение разделяют и другие сотрудники министерства. Мы будем принимать решительные

меры, чтобы не допустить возведения небоскреба». Авдеев пообещал, что его министерство выступит с официальным заявлением по этому вопросу, «когда будет сделан полный юридический анализ документов...»

На чрезвычайном заседании Всероссийского общества охраны памятников выступил известный археолог Анатолий Николаевич Кирпичников: «Совершенно ясно, что на этом месте вообще ничего строить нельзя...» На том же заседании об опасности, которая нависла над городом, вновь высказался директор Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский.

Против петербургские рок-музыканты и художники – «митьки». Вот обычные записи на форуме в интернете:

«Я против строительства небоскреба «Газпром-сити» на набережной Невы, напротив Смольного собора. Потому что:

– Не хочу, чтобы уродовали исторический Петербург;

– Не хочу, чтобы нарушали закон или меняли его под ко-го-то;

– Не хочу – как налогоплательщик – финансировать строительство офисов и жилья для менеджеров богатейшей компании...»

Юрий Шевчук в интервью городской газете так охарактеризовал будущих владельцев небоскреба: «Они вламываются денежной массой в исторический центр Петербурга. Вокруг же полно пустырей – почему бы не строить там? Мозги у людей серые, сплошное безвкусие. Фомы, не помнящие родства...»

Разговоры о сооружении «Охта-центр» не умолкают. Сведения об этом похожи на сводку с поля боя. Вот только некоторые из них:

– Сорок четыре петербургских писателей и ученых написали президенту России Дмитрию Медведеву письмо с протестом против строительства небоскреба на Охте;

– Градозащитники пригласили на акцию против «Охта-центр» Владимира Путина, но не как премьера, а как петербуржца;

– Валентина Матвиенко в телепрограмме «Диалог с горо-

дом» заявила: «Мы будем гордиться, что оставили следующим поколениям не совдеповскую архитектуру, а свою...»;

– Марш за сохранение Петербурга не разрешен властями, но организаторы призывают собраться возле станции метро «Спортивная»;

– Губернатор Петербурга Валентина Матвиенко подписала постановление о разрешении на отклонения от предельных параметров при строительстве высотной доминанты общественно-делового центра на Охте;

– Первый заместитель председателя Госдумы и лидер партии «Единая Россия» Олег Морозов заявил: «Власть не должна принимать решения, если подавляющее число жителей с ними не согласны...»;

– Министерство культуры России против высотки «Охта-центр»;

– Пресс-служба «Охта-центр»: «Слова министра культуры о недопустимости строительства небоскреба в Санкт-Петербурге – это навязывание личной точки зрения...»;

– Общественность Северной столицы обратилась с открытым письмом к президенту России Дмитрию Медведеву и губернатору Валентине Матвиенко в поддержку проекта «Охта-центр»;

– Министр культуры Александр Авдеев обратился в прокуратуру по поводу нарушений законодательства при вынесении решений о строительстве «Охта-центра»;

– Пресс-служба губернатора: «Разрешение на отклонение

от высотных параметров при строительстве комплекса «Охта-центр» было принято правительством Петербурга в полном соответствии с законом и при соблюдении всех юридических процедур»;

– Каждый второй гражданин не одобряет строительство. Большинство считают, что нарушение панорамы исторического центра недопустимо. Такие данные опроса обнародовал ВЦИОМ;

– Около Дворца спорта «Юбилейный» прошел митинг в защиту Петербурга, собрав несколько тысяч человек;

– Широко разрекламированный митинг в поддержку небоскреба собрал в воскресенье на Пионерской площади... трех человек;

– Валентина Матвиенко не видит причин для отмены реализации проекта «Охта-центр»;

– Бульдозеры разрушили крепость Ниеншанц. Делом занялась прокуратура;

– Первый телеканал в воскресном выпуске программы «Время» раскритиковал проект строительства «Охта-центра»;

– Фракция «Справедливая Россия» в Госдуме требует остановить строительство в Санкт-Петербурге небоскреба «Охта-центр». «Эсеры» считают, что возведение этого объекта разрушит архитектурно-исторический облик уникального города;

– Спикер Совета Федерации Сергей Миронов призвал

федеральные власти вмешаться в ситуацию вокруг проекта строительства высотного центра;

– Министерство регионального развития первым из федеральных ведомств поддержало позицию Министерства культуры;

– В городскую избирательную комиссию Петербурга подано ходатайство о регистрации инициативной группы по проведению референдума о строительстве высотной доминанты общественно-делового района «Охта-центр»;

– Работы на стройплощадке «Охта-центр» ведутся и днем, и ночью, и в выходные дни;

– «Газпром предлагает Петербургу чечевичную похлебку взамен архитектурного первородства...» – такое мнение высказал писатель и почетный гражданин Петербурга Даниил Гранин;

– Депутаты Законодательного собрания признали несоответствующими законодательству вопросы, предложенные инициативной группой для референдума по поводу «Охта-центр»;

Здесь перечислена лишь малая толика информации, которая обнародована в прессе, на радио и телевидении. Тем более удивительна реакция нашего губернатора. Она молчит. Однако зная ее, какие порой жесткие решения принимает она, мгновенно реагируя на просьбы граждан. Иногда отменяя даже собственные постановления.

Так было и с нашей строительной компанией, когда стро-

ительство дома в Ульяновке было разрешено, а потом запрещено, несмотря на понесенные затраты. Решением о запрете послужила просьба жителей.

Мне грустно, я твердо уверен, что от исхода этой «схватки» зависит становление гражданского общества в России. Андрей был прав. Кому, как не мне, знать, какие тяжелые последствия влекут за собой непродуманные, волюнтаристские решения наших российских властей! Я видел своими глазами, как скрывались под водой сибирские села, где еще недавно жили люди, как горели их дома, и некому было остановить этот беспредел.

В своей предыдущей книге «Илимская Атлантида», в главе «Прости меня, мой край», я рассказывал о десятках илимских деревень, нашедших свою могилу на дне нерукотворного моря.

«...Тридцать пять лет прошло после потопа! Вернее, не потопа, а убийства деревень и сел. Говорят, со временем боль от утраты притупляется, рана заживает... Но у меня эта рана – открытая. Перед глазами – родной Илим. Моя родина Мое детство. Могила моей мамы, что на Красном Яру. И душа ее кричит, как кричат птицы, что летают над бескрайним морем, не находя дорогих сердцу мест: Кулиги, Малой Речки, Россохи, Тушамы...

А история, между тем, повторяется. Только в другом государстве и с другой конституцией, которая обязывает власти прислушиваться к мнению граждан, блюсти их интере-

сы. Но – удивительное дело! – все остается так же, как и прежде, никто не собирается «блюсти» и «прислушиваться». Родные гидростроители снова готовят большой сибирский потоп. Снова уйдет под воду огромная таежная территория, которую предстоит очистить от леса, от городков и деревушек, которые станут дном искусственного моря. Дома и лес, как в былые времена, будут жечь, людей переселять...»

Реформы в России, объявленные властями, идут медленно и трудно. Впрочем, так было всегда в нашей стране. И все-таки кое-что меняется в сознании людей, они уже не те бессловесные «винтики» и «колесики» в огромной и бездушной государственной машине – они начинают поднимать голос против несправедливости, против хамства, против вседозволенности, и этот голос становится год от года все громче и настойчивей. Трудно сказать, чем кончится история со строительством «Газпром-сити», кто в ней прав, кто виноват, однако она выявила очень существенное обстоятельство: не все у нас решается с помощью денег, есть что-то более важное, обо что споткнулся даже «Газпром» с его сверхмощными финансовыми потоками.

Наши политики частенько цитируют слова Петра Аркадьевича Столыпина, сказанные им в Государственной Думе: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия...». Правда, забывают (или не знают!) о том, что за этой эффектной фразой царского премьер-министра последовало уточнение, данное лидером русских национа-

листов Василием Шульгиным: «Нам нужна, прежде всего, справедливая Россия...»

Глава пятая

Пешком по Гороховой

Поздний зимний вечер. После спектакля мы с Андреем решили пойти домой пешком. Это был наш любимый маршрут: немного по Фонтанке, потом свернуть на Гороховую, и дальше, до Малой Морской... Мы идем медленно, дышим полной грудью. Легкие снежинки падают с неба. По узким

тротуарам трудно идти вдвоем: то дорогу преградят ступеньки какого-нибудь заведения, то разбитый асфальт. Все время уступаем дорогу друг другу или пропускаем редких встречаемых прохожих. Андрей рассказывает мне о Гороховой улице так, словно сам жил здесь в те далекие времена.

...Гороховая – одна из старейших улиц Петербурга. Эта средняя часть «петербургского трезубца» – трех улиц, расходящихся веером от Адмиралтейского проспекта до Пионерской площади.

Первое ее название, присвоенное в 1738 году, соответствует местоположению – Средняя Проспективная улица, сокращенно Средняя перспектива. Поскольку указом давались имена только улицам Адмиралтейской части, первое время улица официально доходила только до Мойки, и только через два года была продлена до Фонтанки, чуть позже до Загородной улицы, где заканчивается и сейчас.

В течение века она имела шестнадцать названий. Было и интересное имя у улицы – Графский пролом – единственный «пролом» за всю историю города. От Мойки до канала Грибоедова был проложен, «проломан» проезд через владения графа П. И. Мусина-Пушкина.

Название улицы – Гороховая упоминается впервые в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1770 году. Происхождение его не вполне ясно. Часто встречается легенда, что это переделанное на русский лад название – Гаррахова улица, но существование такого купца и такого названия никакими источниками не подтверждается. Более правдоподобная версия – улица названа по фамилии купца Никиты Горохова, однако он жил на Малой Миллионной улице, то есть в той части нынешней Большой Морской, которая примыкает к Дворцовой площади, не очень близко к Гороховой

улице. Первое время так называли участок улицы от Мойки до Загородного, а первая часть магистрали – от Адмиралтейства до Мойки – обычно именовалась Адмиралтейской. Лишь только в середине XIX века Гороховая становится официальным именем всей магистрали.

В октябре 1918 года улицу переименовали в Комиссаровскую, поскольку здесь в доме № 2 с декабря 1917 года до переезда в Москву располагалась Всероссийская чрезвычайная комиссия – прообраз ОГПУ – КГБ – ФСБ. Безликое название вызвало возмущение членов городской комиссии по наименованиям. «Комиссары у короля бывают». Городские власти к мнению Комиссии прислушались, и улица получила имя Дзержинского.

Феликс Эдмундович Дзержинский больше всего известен, как первый председатель ВЧК, но в действительности его биография гораздо сложнее и разнообразнее. Сын обедневшего полкового дворянина, он в 19 лет выбрал путь профессионального революционера. Семь раз был арестован и провел в общей сложности 11 лет в тюрьме и ссылке. Один из организаторов Октябрьского вооруженного восстания. С 1921 года, формально оставаясь председателем ВЧК, переключился на хозяйственную работу. Он возглавил Комиссию по улучшению жизни детей, которой удалось в короткий срок покончить с беспризорностью и вырастить из беспризорных детей толковых членов общества.

Историческое название Гороховой улице вернули в 1991

году.

Герой первого романа Достоевского Макар Девушкин так отзывался о Гороховой:

«...Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые; все так и блестит и горит, материя, цветы под стеклами, разные шляпки с лентами. Подумаешь, что это все так, для красоты разложено – так нет же: ведь есть люди, что все это покупают и своим женам дарят. Богатая улица! Немецких булочников очень много живет в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит; как все это мостовая выносит! Пышные экипажи такие, стекла, как зеркало, внутри бархат и шелк; лакеи дворянские, в эполетах, при шпаге. Я во все кареты заглядывал, все дамы сидят, такие разодетые, может быть и княжны и графини».

– Ты знаешь, Константиныч, на этой улице жили многие литературные герои, и прежде всего, конечно, знаменитая старая графиня, прототип Пиковой дамы – княгиня Наталья Петровна Голицына, отличавшаяся умом и крутым нравом. Дом на углу Малой Морской и Гороховой хорошо был знаком Пушкину, ведь он и сам недолгое время снимал на Гороховой квартиру, а за несколько месяцев до создания «Пиковой дамы» жил неподалеку от дома Голицыной. Поэт много раз проходил мимо дома княгини и той полицейской будки, что стояла здесь.

Мы подошли к дому, остановились, Андрей молчал. Я стал просить его рассказать историю героини пушкинской

«повести».

– Константиныч, здесь столько легенд, потому, где правда, где ложь, не знает никто.

– Расскажи, что знаешь, – не отставал я.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Княгиня Наталья Петровна Голицына происходила из рода так называемых новых людей, появившихся в начале XVIII века в окружении Петра Великого. По официальным документам она была дочерью старшего сына денщика Петра I, Чернышева, который на самом деле, если, конечно, верить одной малоизвестной легенде, слыл сыном самого самодержца. Получается, что Наталья Петровна была внучкой первого российского императора и основателя Петербурга. Во всяком случае, в ее манере держаться перед сильными мира сего, в стиле ее деспотического и одновременно независимого поведения в повседневном быту многое говорило в пользу этого утверждения. Ее обеда почитали за честь посещать члены царской фамилии, а ее сын – знаменитый московский генерал-губернатор В. Д. Голицын – не смел сидеть в присутствии матери без ее разрешения.

Светский интерес к престарелой Наталье Петровне, начинавший было затухать в связи с ее весьма и весьма преклонным возрастом, неожиданно оживился в 1834 году, когда в петербургских аристократических и литературных салонах заговорили о новой повести Александра Сергеевича Пушкина «Пиковая дама», написанной им накануне, в 1833 году, и только что опубликованной в печати. Литературная новость взбудоражила петербургское общество. Образ безобразной древней старухи, счастливой обладательницы мистической тайны трех карт, вызывал совершенно конкретные, недвусмысленные ассоциации, а загадочный эпиграф, пред-

посланный Пушкиным к повести: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность», да еще со ссылкой на «Новейшую гадательную книгу», подогревал разгоряченное любопытство. Кто же скрывался за образом пушкинской графини, или, как подозрительно часто якобы оговаривается сам Пушкин, княгини? Двух мнений на этот счет в тогдашнем обществе не было. Это подтверждает и сам автор нашумевшей повести. 7 апреля 1834 года он заносит в дневник короткую запись: «При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной». Речь шла, разумеется, о Голицыной.

В молодости Наталья Петровна слыла красавицей, но с возрастом обросла усами и бородой, за что в Петербурге ее за глаза называли «Княгиня Усатая». Именно этот образ ветхой старухи, обладавшей отталкивающей, непривлекательной внешностью в сочетании с острым умом и царственной надменностью, и возникал в воображении первых читателей «Пиковой дамы».

Сюжетная канва пушкинской повести на самом деле не представляла ничего необычного для высшего петербургского общества. Азартные карточные игры были в то время едва ли не самой модной и распространенной забавой столичной «золотой молодежи». Страстным и необузданным картежником был и сам Пушкин, и многие его близкие друзья. На глазах поэта происходили самые невероятные истории, каждая из которых могла стать сюжетом литературного про-

изведения. Из-за неожиданных проигрышей люди лишались огромных состояний, стрелялись и сходили с ума.

История карт в России насчитывает около четырех столетий. Считается, что карты на Русь занесли поляки в так называемое Смутное время. Во всяком случае, в царствование первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича карты уже были известны. В те давние времена картежные игры не жаловались. Регулярно издавались царские указы о запрете азартных игр. Резко отрицательно относилась к карточным играм и общественная мысль. Платон Посошков, Василий Татищев, князь М. М. Щербатов в своих произведениях клеймили игру в карты, как аморальную, «повреждающую нравы». Не получила широкого распространения карточная игра и при Петре I – он не любил карты, предпочитая им шахматы. Но уже в середине XVIII века карточные игры были одинаково любимы как при дворе, так и в домах петербургской знати.

Собственного производства карт в России долгое время не было. Карты завозили из-за границы. Их количество достигало таких величин, что однажды навело правительство на мысль использовать ввозные пошлины на карты в благотворительных целях для «исправления нравов». Все ввозимые из-за границы карты стали метить специальным клеймом, которое, как правило, ставилось на червонном тузе. Все деньги, полученные от продажи клейменых карт, направлялись на содержание воспитательных домов. При этом играть

разрешалось картами, которые клеймили только специальным знаком. Наконец, в начале девятнадцатого века появилась своя отечественная карточная фабрика.

Она находилась на Шлиссельбургском тракте и принадлежала Воспитательному дому, попечительницей которого была императрица Мария Федоровна.

В середине XIX века, в пору повального увлечения азартными карточными играми, существовало поверье, что удача посещает только тех игроков, что играют вблизи дома, где некогда проживал палач. Близкое присутствие мрачного призрака исполнителя смертных приговоров якобы приносит удачу в карточном промысле. Петербургские шулеры воспользовались этим и присмотрели два притона в доходных домах на углу Тюремного переулка и Офицерской улицы, из окон которых был хорошо виден Литовский замок – тюрьма, где, как утверждали обыватели, жил городской палач.

Имеется две версии, почему Александр Сергеевич Пушкин ввел в сюжет повести «Пиковая дама» образ старухи, узнаваемый настолько, что никто не спорил – это Голицына. Согласно первой версии внук княгини Сергей Григорьевич Голицын по прозвищу Фирс был в приятельских отношениях с поэтом, любил поэзию, музыку, но больше всего на свете ему были дороги карты.

Однажды, начисто проигравшись в карты, он в отчаянии бросился к бабке с мольбой о помощи. Голицына в то время

находилась в Париже. Она будто бы обратилась за советом к своему французскому другу графу Сен-Жермену. Граф живо откликнулся на просьбу о помощи и сообщил Наталье Петровне тайну трех карт – тройки, семерки и туза. Если верить фольклору, ее внук тут же отыгрался. Вскоре вся эта авантюрная история дошла до Петербурга и стала известна Пушкину, который ею своевременно и удачно воспользовался. Он сам об этом намекает в первой главе «Пиковой дамы». Помните, как Томский рассказывает о своей бабушке, «Московской Венере», которая «лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде»? Правда, по Пушкину, старуха сама отыгралась в карты, никому не выдав сообщенной ей Сен-Жерменом тайны трех карт. Но ведь это художественное произведение, и автор был волен изменить сюжет услышанной им истории.

Впрочем, по другой версии, Пушкину при работе над «Пиковой дамой» не было особой нужды так далеко обращать свой авторский взор. У него была своя, собственная, личная биографическая легенда о появлении замысла повести.

Пушкин однажды был приглашен погостить в доме Натальи Петровны. Несколько дней он жил у княгини. Молодость и африканский темперамент брал свое и он приставал ко всем юным обительницам гостеприимного дома. Некоторое время княгиня пыталась закрывать глаза на бестактные выходки молодого повесы, но не вытерпела и, возмущен-

ная поведением гостя, с позором выгнала его из дома. Смертельно обиженный, Пушкин будто бы поклялся когда-нибудь отомстить злобной старухе и якобы только ради этого придумал всю повесть.

Трудно сказать, удалась ли «страшная месть». Княгине, в ее более чем преклонном возрасте, было, видимо, все это глубоко безразлично. Однако навеки прославить Наталью Петровну Пушкин сумел. Скончалась она в возрасте 97 лет в декабре 1837 года, ненадолго пережив обессмертившего ее поэта. В Петербурге Голицыну иначе как «Пиковой дамой» не называли.

...Мы стоим на углу Гороховой и Малой Морской: вокруг уличных фонарей кружатся крупные хлопья снега, засыпая тротуар. Дом старой княгини выглядит угрюмым и таинственным: вот в такую же непогоду стоял здесь Германн, с нетерпением ожидая условленного часа. Кажется, сейчас к дому подъедет карета со старухой, и, немного помедлив, герой «Пиковой дамы» решительно шагнет к парадному входу...

Напротив дома Голицыной – высокое здание с множеством мемориальных досок. Здесь жил Петр Ильич Чайковский, здесь он и умер 25 октября 1893 года. Из окон своей угловой квартиры композитор мог наблюдать за домом княгини, и вспоминать дни, проведенные им во Флоренции, когда создавалась партитура оперы «Пиковая дама».

Рядом с «домом Чайковского» – невзрачное здание, дом

номер 15. На его месте стоял совсем другой дом, а в нем – ресторан «Дюме» – очень популярный в Петербурге. Именно здесь Пушкин познакомился с Жоржем Дантесом. А вообще этот перекресток оказался недобрым: Чайковский встретил здесь свою смерть, а Пушкин – своего будущего убийцу.

Мы медленно идем по Малой Морской. Дошли до скверика на Исаакиевской площади, сели на лавочку.

– Андрей, ведь Григорий Распутин жил тоже на Гороховой.

– Да, на Гороховой, но от нас на другом конце, рядом с Загородным проспектом, Гороховая, 64.

Этот доходный дом постройки 1902 года вошел в историю Петербурга как «Дом Распутина». Григорий Ефимович снимал здесь квартиру, которую в городе называли «Звездной палатой». Здесь решались судьбы министерств и ведомств, царских сановников и армейских генералов. Распутин жил в квартире номер двадцать на третьем этаже. С тех пор этот дом мало изменился. Вход в квартиру Распутина со двора. Ничего здесь не напоминает о том, что когда-то здесь жила такая знаменитость. Кодовый замок на парадной без труда может открыть каждый – три стертые кнопки предательски блестят. Широкая лестница. Дверь квартиры ничем не отличается от других, никакой надписи, ни таблички с именем. Окрашенная стандартной коричневой краской, она говорит о том, что квартира до сих пор – коммунальная.

Распутин поселился здесь в 1914 году и прожил здесь до

самой своей гибели. Его личность оценивают по-разному, и диапазон этих оценок огромен: от полного неприятия «антихриста» до благоговейного почитания «святого старца».

Кем был этот безграмотный мужик, имя которого стало нарицательным, историкам хорошо известно. А вот как ему удалось стать тем, кем он стал, до сих пор остается загадкой.

Впервые в Петербурге Распутин появился в 1903 году. Тогдашнему духовному лидеру русского православия отцу Иоанну Кронштадтскому он был представлен как крестьянин Тобольской губернии Григорий Новых, или Григорий Ефимович Распутин, как он стал называться впоследствии. Уже тогда пронизательный Иоанн, заметив, что в Григории есть «искра истинной веры» и что-то такое, что дает возможность, как он выразился, «почувствовать твое присутствие», будто бы добавил: «Смотри, чтобы твое имя не отразилось на твоём будущем». И как в воду глядел.

В царский дворец Распутин был введен благодаря сложившейся за ним репутации «святого старца» и «прорицателя», которую он приобрел, странствуя по русским монастырям и обителям. Распутин сумел внушить императору Николаю II и особенно его супруге Александре Федоровне, что только его молитва может излечить от гемофилии наследника престола царевича Алексея. Между тем в народе жили легенды о том, что Распутин сам опаивал царя наркотиками с помощью тибетского знахаря Петра Бадмаева, а у наследника престола тибетскими таблетками вызывал кровотечения, которые сам же и останавливал с помощью других бадмаевских порошков. Но в царском дворце Распутину безоговорочно верили. Верили до такой степени, что считали, будто одна

молитва его способна не только вылечить наследника, но и обеспечить божественную поддержку Николаю II в его государственном служении.

И действительно, влияние Распутина на императорскую семью оказалось столь огромным, что практически ни одного назначения на высшие государственные должности не проходило без его участия. Судьбы России решались в квартире Распутина на Гороховой, 64, которую в империи прозвали «Звездной палатой». Складывалось явление, ставшее впоследствии широко известным в русской истории под именем «Распутинщина».

У дома собирались желающие встретиться со старцем. Первыми он принимал самых бедных. Каждому старался помочь, писал записки министрам и другим влиятельным людям: «Милый, дарагой, памаги...» Никаких денег за свои услуги он никогда не брал – после его убийства в квартире не нашли ни копейки.

Полиции о Распутине все было хорошо известно. Швейцар, дворник, истопник, кухарка, даже извозчики, стоявшие у подъезда дома № 64 – все были ее агентами. Так что вся жизнь старца была как на ладони. Единственной тайной, которую тщательно охраняли и которая объясняла причину близости старца к царской семье, была болезнь царевича Алексея: мальчик в любую минуту мог умереть, и единственным человеком, который мог ему помочь, был Григорий Распутин.

Что касается пьянства и разврата, который творился в «окаянной квартире», то в те годы в России гуляли так, что дым стоял коромыслом, и ни у кого это не вызывало удивления. Сами рестораторы держали попойки известных людей в секрете, однако стоило появиться в публичном месте Распутину, как тут же оказывались полиция и газетчики, которые тут же начинали описывать «очередную пьяную оргию «святого старца».

Конечно, Распутин не был святым. На Гороховой действительно были и оргии, и разврат. Петербургские друзья вовлекли его в пьянство, близость к царю вскружила простому мужику голову. Однако его пороки пытались использовать в своих интересах другие, изобразив его таким, каким он никогда не был. «Все рассказы и появлявшиеся в печати намеки на какие-то грязные отношения Распутина к государыне и ее дочерям, представляют сплошную и гнусную ложь, – писал в своем отчете Председатель чрезвычайной следственной комиссии, которой Временное правительство поручило расследовать «преступления царизма».

Между тем, если верить очевидцам, Распутин и в самом деле обладал некоторым даром провидца. Знавшие его вспоминают, что не раз слышали, как, проходя мимо Петропавловской крепости, он взволнованно восклицал: «Я вижу много замученных людей, людские толпы, груды тел! Среди них много великих князей и сотни графов! Нева стала совершенно красной от крови». С императрицей он был еще

более откровенен: «Пока я жив, с вами и с династией ничего не случится. Не будет меня – не станет и вас». Придет, как он будто бы говорил, «конец России и императору».

Известно последнее письмо Распутина, в котором угроза его собственной жизни ставилась на первое место, а затем уже возможное исполнение этой угрозы связывалось с судьбами династии и России. «Если я буду убит обыкновенными убийцами и моими братьями крестьянами, ты царь России, тебе не надо будет бояться за своих детей... Но если меня уничтожат дворяне, аристократы, если они прольют мою кровь, то руки их будут запачканы моей кровью двадцать пять лет... и никто из твоих детей не проживет и двух лет... А если и проживет, то увидит позор и срам Русской земли, пришествие антихриста, мор, нищету, порушенные храмы Божьи, святыни оплеванные, где каждый станет мертвецом. Русский царь, ты убит будешь русским народом, а сам народ проклят будет и станет орудием дьявола, убивая друг друга и множа смерть по миру. Три раза по двадцать пять лет будут разбойники черные, слуги антихристовы, истреблять народ русский и веру православную».

Похоже, Распутин предчувствовал свою смерть, хотя и не очень доверял собственным предположениям. Зимой 1904–1905 года в Петербург приехал английский предсказатель Хейро. Распутин пожелал с ним встретиться. И услышал от него то, что и сам знал: сначала «влияние и огромная власть над людьми, а затем ужасный финал». «Я вижу насильствен-

ную смерть в стенах дворца. Вам будут угрожать яд, нож и пуля. После этого воды Невы сомкнутся над вами», – будто бы сказал британский ведун. Все исполнилось с поразительной точностью.

Распутин был убит в результате заговора в ночь на 17 декабря 1916 года в Юсуповском дворце на Мойке. Убийство произошло в полуподвале дворца, где его владелец Феликс Юсупов устроил свои личные покои. По проекту архитектора А. Я. Белобородова здесь был создан своеобразный интерьер в стиле английской готики, который поражал современников своим видом. Говорят, А. Н. Бенуа, однажды заглянувший в комнаты Феликса, заметил, что в таких необычных декорациях должно непременно произойти «что-то соответствующее». В заговоре принимали участие три человека: великий князь Дмитрий Павлович, лидер монархистов В. М. Пуришкевич и сам владелец особняка на Мойке, родственник царя, князь Феликс Юсупов. Согласно одной из версий, Распутин был сначала отравлен пирожными, пропитанными сильнодействующим ядом, и только затем, для большей уверенности, добит выстрелами из револьвера. Труп ненавистного «Старца» был спущен под лед Малой Невки у Петровского моста. Однако, как выяснилось при вскрытии, во внутренних органах Распутина никаких следов яда обнаружено не было. Остается только догадываться, как случилось, что пирожные оказались безвредными, и знал ли об этом кто-то из высокородных заговорщиков.

Это обстоятельство породило самые фантастические легенды. Согласно одной из них, Распутин вначале был изнасилован Феликсом Юсуповым, тайным его поклонником, который таким образом пытался излечиться «от своей склонности к мужчинам». Во всяком случае, в Петербурге было известно, что именно так, «давая нагрешиться досыта», боролся с похотью сам Распутин. «Грешите, только через грех вы сможете стать святыми», – будто бы говорил он. Затем Распутин был кастрирован и уж только потом убит.

Шлейф мистики потянулся за Распутиным едва ли не сразу после его смерти. Распутин был похоронен в Царском Селе, в имении Анны Вырубовой. Через два месяца произошла Февральская революция, результатом которой стало падение монархического строя в России. Лютая ненависть к монархии обрушилась на останки царского фаворита. Уже давно обезвреженного. Уже похороненного. В марте 1917 года по приказу Временного правительства его тело было извлечено из могилы с целью перезахоронения в каком-нибудь глухом месте. Было выбрано подножье Поклонной горы. Там под свист и улюлюканье огромной толпы труп был сожжен. По свидетельству очевидцев, под воздействием огня труп вдруг зашевелился, на глазах изумленного народа Распутин привстал в гробу, махнул рукой толпе и скрылся в пламени костра. Толпа ахнула. С тех пор это место у Поклонной горы в народе считается нечистым. Зловещий призрак Распутина не раз мерещился обитателям этих мест.

Однако и на этом не заканчивается мистика, связанная с именем Распутина. Сейчас многие говорят об астральном совпадении чисел посмертной жизни «Святого черта». Известно, что он был похоронен 21 декабря 1916 года. Через 79 дней гроб с его телом был выкопан из могилы для перевозки к Поклонной горе. Но на пути произошла авария автомашины, и тело Распутина до Поклонной горы вообще не добралось, а было кремировано в котельной Политехнического института. С таким требованием будто бы в марте 1917 года явились в институт сопровождавшие труп «Старца» комиссары Временного правительства. А через 79 лет, в декабре 1995 года, как раз на месте той злополучной аварии, произошел прорыв плавуна, в результате чего на несколько лет был закрыт перегон станции метро «Лесная» – «Площадь Мужества».

Остается добавить, что на протяжении многих лет предпринимались неоднократные попытки набросить на похотливый образ Распутина непогрешимый лик святости и канонизировать его. Такое желание появилось сразу после кончины Григория Ефимовича. Его высказывала царская семья. Однако уже тогда эти попытки натолкнулись на непреодолимое препятствие. Дело в том, что, как уже говорилось, при вскрытии извлеченного из воды тела Распутина никаких признаков отравления обнаружено не было. Более того, как утверждает медицинская экспертиза, «Старец» умер даже не от пули заговорщиков. Официально была констати-

рована смерть в результате того, что Распутин захлебнулся, когда его, якобы уже умершего, сбросили под лед. Значит, он просто утонул. А утопленник, как известно, в мировой полицейской криминальной практике приравнивается к самоубийце и, согласно многовековой христианской традиции, никакой канонизации не подлежит.

Помолчав, Андрей сказал:

– О Распутине, как ни о ком другом столько мнений, суждений, прямо противоположных друг другу. Но я согласен с историком и писателем Синдаловским, написавшим прекрасную книгу «Призраки Северной столицы», что Распутин – одна из одиозных фигур отечественной истории двадцатого столетия.

Перед глазами и сейчас поздний зимний вечер. В свете фонарей видны редкие падающие снежинки. Удивительно родной голос Андрея, рассказывающий об истории города.

Уже сейчас, когда нет Андрея, я часто хожу по Гороховой. Эта улица истинно петербургская. Здесь до сих пор витают тени литературных героев, здесь жили писатели, их породившие, здесь, в нагромождении доходных домов и трактиров была скрыта подлинная душа города, названного Достоевским «умышленным».

Перейдя Садовую, я всегда останавливаюсь на четной стороне и вспоминаю строчки из романа Достоевского «Идиот», в той его части, где князь Мышкин направляется к дому Парфена Рогожина...

«...Подходя к перекрестку Гороховой и Садовой, он сам удивился своему необыкновенному волнению; он и не ожидал, что у него с такой болью будет биться сердце. Один дом, вероятно по своей особенной физиономии, еще издали стал привлекать его внимание, и князь помнил потом, что сказал себе: «Это, наверно, тот самый дом». С необыкновенным любопытством подходил он проверить свою догадку; он чувствовал, что ему почему-то будет особенно неприятно, если он угадал. Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в которых все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и с чрезвычайно редкими окнами, в этих домах проживают исключительно одни торговые. Подойдя к воротам и взглянув на надпись, князь прочел: «Дом потомственного почетного гражданина Рогожина».

Но где же дом Рогожина сейчас? Может быть – дом номер тридцать восемь? С виду невзрачный, трехэтажный, на ровном пустом фасаде три ряда окон, посередине дома – подворотня. Князь Мышкин отмечал, что рогожинский дом очень похож на семейство Парфена, такой же основательный и прочный. Внутри дома мрачно и уныло, длинные темные коридоры, в комнатах почти нет мебели. Холодом веет от этого дома-склепа, особенно если вспомнить сцену, что произо-

шла в этих стенах полтора столетия назад: князь Мышкин и Парфен смотрят на убитую Настасью Филипповну, а на стене, низко над их головами, висит картина «Мертвый Христос»...

На Гороховой жил Илья Ильич Обломов, но Гончаров не оставил никаких примет, по которым можно было опознать его дом. На соседних улицах и в переулках жили великие: Гоголь Н. В., Вяземский П. А., Достоевский Ф. М. и этот список такой длинный, как наша российская история.

На улице Гороховой нет памятников архитектуры, за исключением здания на углу с Адмиралтейским проспектом, построенного великим Джакомо Кваренги. Однако она сама является памятником, ее не коснулась рука современного строителя, нет ни стеклянных, ни бетонных коробок, правда многие дома просят ремонта. Удивительная улица в прекрасном городе, где жили и живут прекрасные люди.

Глава шестая

Одноэтажная Россия

Мы редко говорили с Толубеевым о моих профессиональных делах и интересах, в основном наши беседы касались театра, литературы, истории. Но в тот раз Андрей заговорил о строительстве.

– Недавно я был в гостях у друзей, в загородном доме. Это даже не дом – настоящая барская усадьба. На участке

сосны и ели, отдельно построена банька в русском стиле, гараж для машины. А сам дом – сказка! Во-первых, он большой, всем хватает места, во-вторых – уютный, в таком доме хочется жить и никогда не умирать. Как мне хочется, чтобы у меня был такой дом, а в нем – свой собственный угол с кабинетом, где я мог бы писать и думать... Ты же строитель, Константиныч, скажи – когда мы начнем строить дома для людей?

– А сейчас мы для кого строим?

– Для людей, конечно, только очень богатых...

– Я и сам постоянно думаю об этом, даже собираюсь написать на эту тему небольшую книжку, и назвать ее «Одноэтажная Россия»...

– С удовольствием прочитал бы ее, Константиныч. Но, пока книжки нет, просвети меня по этому вопросу, так сказать, устно...

Я рассказывал Андрею о современных проблемах жилищного строительства в России, и чувствовал, что ему это интересно. Ничто так не вдохновляет рассказчика, как внимательный и заинтересованный слушатель. Чтобы мой собеседник не скучал, я старался приводить примеры из своего собственного опыта, рассказывал о положении строительных дел в Европе и Америке...

Мне пришлось начать с того, что российский строительный комплекс, как это ни печально, лежит в руинах, и кто вытащит его из этого состояния – один бог ведает. Москвы и Санкт-Петербурга это, разумеется, не касается. Дело в том, что советское жилищное строительство было бюджетным, привязывалось к градообразующим предприятиям. Системы жизнеобеспечения городов и поселков были чрезвычайно затратными. Сейчас все это хозяйство приходит в упадок, многоэтажные дома и целые города переходят в разряд ветхих и аварийных, что усугубляет проблему. В городах строятся в основном кирпичные и монолитные дома для бога-

тых – «штучные», как их принято называть. Жилье это очень дорогое, но часто сомнительного качества, оно привязано к старым, отслужившим свой век коммуникациям. В результате в «элитном» жилье может, например, месяцами не быть горячей воды. Инженерные сети изношены до предела – о каком же массовом строительстве может идти речь?

Упадок многоэтажного строительства отчасти компенсируется ростом индивидуального строительства малоэтажных семейных домов. Но только отчасти. Этот процесс развивается стихийно, без внимания и поддержки государства, и идет по двум направлениям: как жилье для очень богатых – коттеджи, и для сравнительно бедных – самострой сельского типа на окраинах городов. Именно этот самострой и есть на сегодняшний день «доступное жилье». Такие дома могут быть привязаны к централизованным сетям, а могут быть и автономными, очень экономичными в эксплуатации. Грубо говоря: вместо водопровода – колодец, вместо канализации – выгребная яма... Такой жилой дом с земельным участком в любом случае является полноценной собственностью, в отличие от приватизированной квартиры в муниципальном доме.

Андрея прежде всего интересовал вопрос: строятся ли в нашем царстве-государстве индивидуальные дома для людей – сравнительно недорогие и потому доступные.

– К сожалению, нет. Люди со средними доходами не в состоянии оплатить современный односемейный дом. Они

вынуждены покупать старое квартирное жилье, пережившее свой срок, на вторичном рынке. Они же и вкладывают свои сбережения в строительство домов на садовых участках. Дома эти могут быть вполне качественными, но полноценным жильем все равно не являются – для постоянного проживания не хватает инфраструктуры: дорог, магазинов, больниц, школ и т. д.

– Ну, это мне очень знакомо, – засмеялся Андрей, – зимой к моей даче ни пройти, ни проехать. Только летом можно пожить, а лето короткое...

Наши власти любят ссылаться на опыт западных стран, в основном Америки. Но не любят упоминать о том (а российские специалисты хорошо это знают!), что в США восемьдесят процентов граждан живут в односемейных домах с приусадебными участками. То же и в Англии. На рубеже 19–20 веков в Англии возникла идея города-сада, как альтернатива традиционному западноевропейскому городу, к тому времени быстро перерождавшемуся в промышленный мегаполис.

В 20 веке эта идея получила громадное распространение на Западе. Один по-настоящему умный американец, Билл Левитт, создал альтернативу тому, что у нас называют «хрущобами» – дешевыми многоквартирными домами для простонародья. Вместо маленьких квартир в США было начато строительство дешевых односемейных домов с участками. Стандартный дом для американца 20 века из «нижнего среднего» класса: семьдесят четыре квадратных метра, че-

тыре яблони, холодильник и телевизор, с рассрочкой платежа на двадцать-тридцать лет под десять процентов годовых. Сейчас этим домам уже более полувека.

Разумеется, американский дом гораздо дешевле русского по природно-климатическим условиям. Дом системы Левитта строился без фундамента, с тонкими стенами – в нем тепло, грунт не промерзает и не раскисает. Но и у нас на Руси был Лубяной торг – массовое деревянное срубное жилье, которое продавалось готовым к сборке, а собиралось очень быстро. Из таких «полуфабрикатов» при Иване Грозном был выстроен город Свияжск.

И сейчас у нас строительство дома из бруса «под ключ» обойдется чуть ли не на порядок дешевле, чем покупка квартиры. Нужна только политическая воля, чтобы остановить рост крупных городов и наделить всех желающих, или хотя бы молодоженов, участком под односемейных дом. Разве это не национальная идея, в поисках которой сбились с ног наши политики и социологи? Заодно и расходов станет меньше. И отношение к браку будет более ответственным, особенно у мужчин: ведь семейная жизнь начинается с общего дела – строительства семейного дома, а ничто так не сближает, как совместная ответственная деятельность.

– А почему же только для вступающих в брак? А как же быть с остальными?

– Ну, надо ведь с чего-то начинать. Я лично убежден, что такие участки нужны всем, кто хочет взять землю и способен

ее оплатить. Билл Левитт утверждал, что «если у человека есть свой дом и участок земли, то он никогда не станет коммунистом – ему и без того есть чем заняться...»

Это был человек с вполне обычной для американца биографией. Его отец, нью-йоркский адвокат Абрахам Левитт, владел небольшой строительной фирмой и остро нуждался в помощниках. Он убедил своего сына, двадцатилетнего Билла, бросить университет и поступить в фирму отца.

Однако есть и другая версия – Билл просто не хотел учиться. В интервью американской газете он признался, что с раннего возраста хотел разбогатеть. «Я просто не знал пока, – говорил Билл. – Очень уж мне хотелось иметь большой автомобиль и роскошно одеваться.

В конце двадцатых годов США находились на вершине экономического подъема. Ценные бумаги постоянно росли, и Билл вознамерился стать финансовым брокером – этот путь в богачи казался ему наиболее коротким. К счастью, этой мечте не суждено было осуществиться – финансовый рынок Америки вскоре рухнул, и биржевые спекулянты один за другим стали терять работу, деньги и перспективы. В свои двадцать два года Билл уже возглавлял небольшую строительную компанию. Отец обеспечил сыну начальный капитал и скромно отошел в сторонку. В обязанности Билла входили менеджмент, финансы и реклама. Младший брат Альфред проектировал дома; впоследствии он жаловался, что вся слава досталась старшему брату.

Первый городок «левиттаун» – так сразу же окрестили его американцы – появился в конце сороковых годов неподалеку от Нью-Йорка. Но еще до этого события у семьи был опыт подобного строительства: во время второй мировой войны они построили 750 домов для офицеров в штате Вирджиния – и уже тогда была применена конвейерная сборка жилья.

Билл стал одним из тех, благодаря кому «американская мечта» стала реальностью для миллионов жителей США и возникла так называемая «одноэтажная Америка». Он поставил каркасное домостроение на промышленную основу, привлек в помощь правительство страны и убедил миллио-

ны американцев, что жить за городом в собственном доме намного лучше, чем в тесной городской квартире.

В конце шестидесятых он стал одним из богатейших людей Америки. В 1968 году он неудачно продал свою компанию, потом попытался внедрить свой опыт в других странах, и тоже неудачно. Долги его росли, пришлось продать огромный особняк, роскошную океанскую яхту «Ла белла Симона», названную так в честь своей третьей жены, а также ее бриллианты, парк автомобилей и т. д. Он не стал, конечно, нищим, и вовсе не считал себя неудачником, наоборот, говорил: «Еще чуть-чуть, и я снова буду на плаву...»

Умер Билл в возрасте восьмидесяти шести лет. Он не сумел возродить свою строительную империю, однако главную задачу своей жизни выполнил. Его по праву называли «создателем американского пригорода», «строителем мечты». Он и в самом деле был немножко мечтателем, признавался, что хотел славы, что хотел построить такой город, которым можно было бы гордиться.

В современных высокоразвитых странах в многоэтажных многоквартирных домах живут или самые богатые, или самые бедные. Самые богатые имеют дорожные квартиры в центре города, там, где особняк с садиком может иметь разве что Ротшильд. Но они, как правило, имеют и второй дом в пригороде – то, что у нас называют «дачей». Самые бедные арабы и «афрофранцузы» во Франции, турки в Германии живут в дешевых многоэтажках на окраинах, рядом с

промзоной. Эти дома чаще не лучше наших «хрущоб», а то и хуже – душ вместо ванны, ниша с плитой вместо кухни.

Весь средний класс живет в односемейных жилищах: «верхний» и базовый средний класс – в пригородных коттеджах, обычно двухэтажных, с небольшим участком земли, «нижний» средний класс – в секционных «таунхаузах», сблокированных домах с палисадниками. А вот второй загородный дом, подобный нашей «даче», на Западе – большая редкость. Да он и не нужен, когда большинство населения живет в односемейных домах с участками.

Коттедж – это односемейный небольшой благоустроенный дом в пригороде или в рабочем поселке. Таунхауз – это буквально «городской дом», то есть такой, какими были дома в средневековой Европе: узкий дом в два-четыре этажа, принадлежащий одной семье и зажатый соседними домами, образующими с ним общую красную линию – «единую фасаду».

В современной Европе нормальный размер домовладения, в котором стоит коттедж – четыре сотки, столько же, как в средневековом Новгороде. Если участок меньше, то отдельно стоящий дом не имеет смысла – вдоль дома остаются лишь узкие проходы. При небольшом участке сблокированный дом выгоднее – остается место для палисадника перед домом и садика сзади. Часть первого этажа сблокированного дома со стороны улицы всегда занимает гараж.

В цивилизации односемейных домов автоматически ре-

шается проблема гаражей: если у нас все дворы забиты «ракушками», то в коттедже или таунхаузе гараж может занимать половину нижнего этажа. Остальную половину занимают прихожая с гостиной и гостевым санузлом, а жилые комнаты с ванными расположены на верхних уровнях. Иногда гараж делается заглубленным, в полуподвале или подвале, но для нас это мало приемлемо: обильные снегопады завалят въезд в заглубленный гараж, и его каждое утро придется откапывать несколько часов, а потоки воды от «мокрого» снега заливают его. Я посмотрелся на эти картинки.

Кроме того, существуют автономные системы водоснабжения и канализации, по стоимости не превышающие недорогой автомобиль и способные работать при наличии электричества, а при необходимости – и без него. Да и электричество можно получать от собственного «движка», а еще лучше – от ветряка или малой ГЭС, и такой «альтернативной энергетики» становится все больше.

В Финляндии примерно тридцать процентов населения живет в собственных домах, двадцать процентов – в городских квартирах, а около половины финнов – в домах секционных, среди сосен. При том, что Финляндия – довольно бедная ресурсами страна. Просто это часть Российской империи, не пережившая революции и избежавшая коммунистической власти. Разница между Финляндией и бывшим СССР примерно такая же, как между Северной и Южной Кореей. Если бы в марте 1917 года в России не устроили бы

государственный переворот, именуемый «февральской революцией», то русские жили бы сейчас, как в сегодняшней Финляндии и в древней Руси – в собственных домах среди сосен.

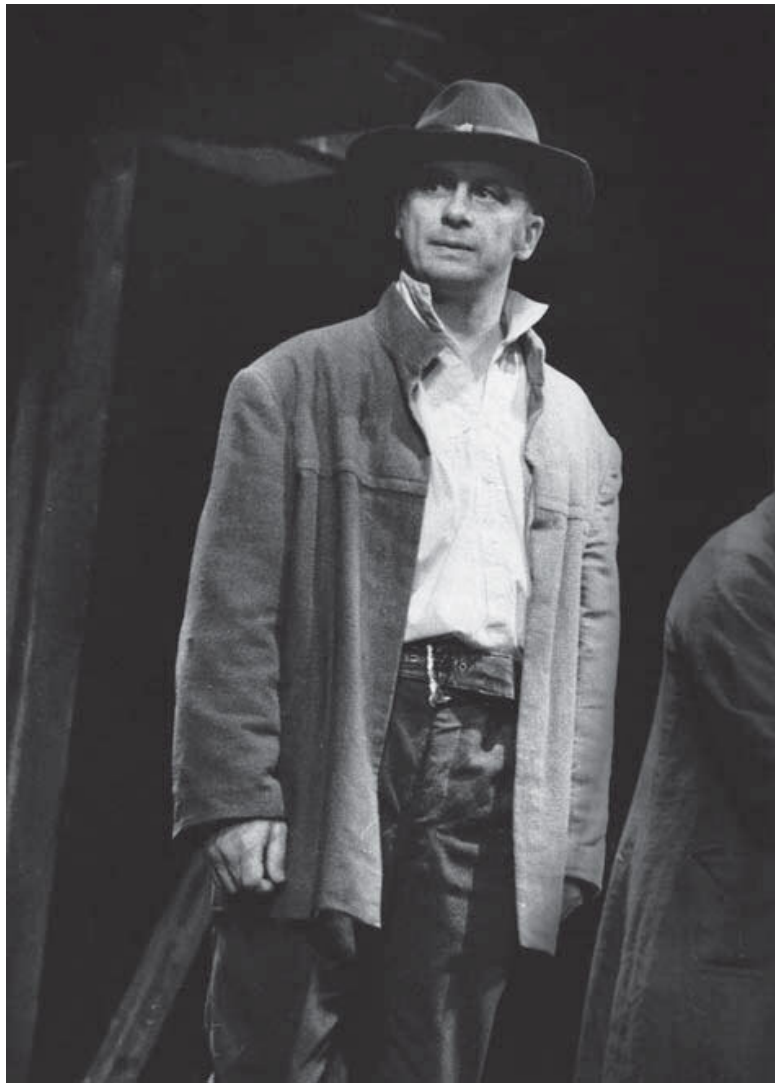
Одноэтажная Америка считает себя «первой в мире страной пригородного типа». Это неправда. Русские и другие народы восточно-христианского этноса, были странами «пригородного типа», то есть жили в городах, застроенных односемейными домами с приусадебными участками. Задолго до Америки.

Старинный русский город – это мечты о городе-саде, здоровой и человечной среде обитания, «стране пригородного типа». Этот тип поселения до сих пор сохранился у нас в провинциальных городах с односемейной усадебной застройкой, его фрагменты уцелели даже в Москве. И сейчас, в двадцать первом веке, усадьба, где умер Гоголь, окруженная мегаполисом, захлебывающимся от транспорта, смотрится как сельская усадьба. До начала двадцатого века такие усадьбы были нормой. Московский дворик на картине Поленова – совершенно деревенский, заросший травой – находился на Арбате, сейчас здесь резиденция посла США в Москве.

До 1917 года русский народ даже в городах продолжал жить в традиционной среде обитания, в ландшафте, соответствующем укладу жизни русских. Поэтому мы были не только быстроразвивающейся страной, с высокими темпами экономического роста, но и страной с быстро растущим населе-

нием.

Стыдно признать, что современный американский город, а тем более европейский, гораздо больше похожи на соразмерный человеку традиционный русский город, чем город советский.

Предел этажности для жилого дома по законам зрительного восприятия – восемь, девять этажей. Нормы этажности «сталинских» домов – восемь, двенадцать этажей. Хрущевская норма – пять, девять этажей, брежневская – девять, шестнадцать этажей, позднебрежневская – шестнадцать, двадцать два. Сейчас нормой стало двадцать пять и выше этажей. Но и двенадцатиэтажный дом – за гранью нормального. Выше жить вообще вредно из-за вибраций, ведь дом раскачивается. Да, да, чуть, но раскачивается. Вредно и вследствие огромного расстояния до земли. Мы не осознаем, что нам неуютно смотреть в окно, что на верхних этажах мы живем в состоянии непрерывного стресса. Малышам это просто уродует нервную систему. Тем более, когда из окон виден не прекрасный пейзаж, как в горах, а лишь бесконечные многоэтажные коробки, монотонного, как при Хрущеве и Брежневе, или агрессивного, как сейчас, облика. Из окна человек должен видеть небо, а не бездушные, бездарные строения.

Особенно отвратительны виды в современных «дворах» – замкнутое пространство высотой в шестнадцать, а то и в двадцать два этажа. В квартирах, выходящих в такой «двор» человек подсознательно старается отвернуться от окна.

Около двадцати лет назад английские биологи провели эксперимент на довольно миролюбивых черных крысах. Их поместили в необычайно плотную среду, разделенную на

клетушки, подобные современным квартирам – «хрущобам» и «лужковкам». Пищи, воды, света, воздуха вполне хватало, но крысы сошли с ума, у них началась эпидемия небывалой агрессии: они убивали друг друга и даже насиловали, чего вообще не бывает в животном мире.

У людей хронический стресс, нервное истощение – одна из главных причин всевозможных заболеваний, роста преступности, самоубийств, не говоря уже о неурядицах в личной жизни. Мы, конечно, не крысы, но и мы вынуждены напрягать волю и разум, дабы не обижать соседей, живущих рядом с нами.

В Великобритании я проходил учебный курс в Манчестерском университете. Однажды нас привели на площадку, где шло строительство аккуратных трехэтажных таунхаузов на месте семиэтажных многоквартирных домов. Нет, не ветхих, не аварийных, по нашим понятиям вполне достойных для проживания и конструктивно способных пережить не одно десятилетие. На наш вопрос, что заставило разобрать крепкие кирпичные дома, мы получили ответ, который для нас прозвучал, как блажь, как выдумка чиновников, не знающих, куда потратить деньги налогоплательщиков. Дома, которые разрушали на наших глазах, были построены сразу после войны, чтобы дать людям крышу под головой. Но последние десять лет показали, что наибольший процент суицида – среди живущих в подобных домах. И власти приняли решение: несмотря на колоссальные затраты, снести их, и рас-

селить жителей.

При советской власти многоквартирные дома старались строить даже в небольших городах. Несчастный Нефтегорск, погибший от землетрясения, был застроен пятиэтажками. Там погибли две из трех тысяч жителей; если бы они жили в односемейных усадьбах, жертв было бы в сто раз меньше. При Хрущеве даже в деревнях пытались строить пятиэтажки с постоянно выходившими из строя «удобствами» взамен усадеб со скотиной. В зоне БАМа вместо односемейных домов с участками-огородами людей годами заставляли жить в вагончиках и бараках, обещая в перспективе построить многоэтажные, хотя это и дорого, и жить неудобно. В Переяславле-Залесском – очень небольшом городе – и сейчас строят многоквартирные дома. В современной Москве для людей, выселяемых из «хрущоб», собираются строить «лужковки», воспроизводящие заграничные дома для гастарбайтеров, то есть дома гостиничного типа, которые в нормальных странах предназначены только для временного проживания: в квартире нет кухни – только плита в нише жилой комнаты, в совмещенном туалете – душ вместо ванны. Теснее бывает только в гробу.

Кроме несчастной России, существует только одна страна в мире, ведущая массовую многоэтажную застройку – Япония. Да еще крохотный Сингапур. Но японцев можно понять: их сто тридцать миллионов, а для жизни – только маленькие острова и скалы. У нас места куда больше, чем у

голландцев, датчан и немцев, вместе взятых, но мы предпочитаем мучиться в многоэтажных норах.

– Выводы моей лекции, Андрей, таковы: я за малоэтажную Россию. Нужно использовать под индивидуальную застройку пригородную землю, примыкающую к автомобильным и железным дорогам. Перестать метаться между квартирой, гаражом, дачей, а сосредоточить все это в одной просторной усадьбе. Но чтобы это случилось, осталась сущая ерунда – одолеть бюрократические препоны. У нас ведь и землю можно иметь в собственности, а разрешение на застройку не получить.

– Ну, Михаил Константинович, я ведь тоже не противник одноэтажной России. Я вижу, что большинство наших крупных городов давно приблизилось к черте, именуемой «пределы роста», а мегаполисы – перешагнули ее. Уплотненная выше норм застройка, острые транспортные проблемы, дефицит жизнеобеспечивающих мощностей, учащающиеся аварии и техногенные катастрофы, загрязнение воздушного и водного бассейнов сделали городскую среду уязвимой, малоприспособленной и даже опасной для жизни. Дальнейшее разрастание крупных городов неизбежно загонит эти проблемы в окончательный тупик. Между тем, концентрация основных объемов жилищного строительства в крупных городах вызывает дальнейший отток работоспособного населения из провинции, и тем обрекает ее на окончательную стагнацию. Даже мне, не специалисту, ясно, что остановить этот

процесс может интенсивная застройка провинции на основе региональных схем производственного и социального развития и расселения. Этому же требует проблема неосвоенности наших бескрайних благоприятных для жизни территорий. Совершенно очевидно, что основным типом жилища в застройке Провинции был и остается наш традиционный, проверенный временем индивидуальный дом с земельным участком. Не только в сельской местности, где он будет единственным, но также в поселках, малых городах, пригородных зонах средних и крупных городов.

Все мне это понятно, но почему это не делается, вернее не принимает массовый характер у нас в стране, где земли хватает на всех.

– Андрей, замечательная не первый взгляд идея оказывается не такой уж эффективной в исполнении.

– Почему?

– Затраты колоссальные. Согласно исследованиям лишь четверть граждан, не возражающих против проживания в пригороде, готовы строить дом самостоятельно. Остальные мечтают поселиться только при условии построенного и благоустроенного дома. Условий же для быстрого строительства индивидуальных домов попросту нет. И дело вовсе не в недостатке земельных участков, а в том, что не развита инженерная и коммунальная инфраструктура.

– Константиныч, скажи как-нибудь попроще.

– Извини. Проще – это электричество, тепло, канализа-

ция, связь, газ, водоснабжение, дороги, больницы, магазины, школы и еще многое, что окружает тебя в городе. Строить эти сооружения должны, как правило, региональные власти, у нас это Ленинградская область. Зачастую сельский муниципалитет не хочет развивать строительство индивидуального жилья на своей территории, у него много других забот, а денег нет, ну а то, что соседний город нуждается в пригородном жилье – ему все равно.

– Тебя послушать, не видать мне своего дома за городом никогда, кроме дачи, естественно.

– Если деньги есть, то увидишь.

– Деньги, если бы они были, всегда кстати. Константиныч, открой по дружбе «коммерческую тайну», скажи, что у нас жилье-то так дорожает? Я вдруг обнаружил, что однокомнатная квартира уже по цене двухкомнатной, какой та была совсем недавно. И ходят слухи, что наращивают цены, нагнетая ажиотаж, сами строители. Сговор тут, видимо, есть. И такую версию высказывают вполне солидные, знающие люди. Дело дошло до того, что Антимонопольный комитет грозит учинить по этому поводу проверку.

– Ты знаешь, Андрей, проверка насчет сговора действительно состоялась. Признаков его высокая комиссия не обнаружила. Но самое интересное в этой истории, что даже государственные люди не знали тогда или делали вид, что не знали, реальных причин «сумасшедшего», как его называли, роста цен в жилищном строительстве. А на бытовом уровне и сейчас мало кто, по моим наблюдениям, о таких причинах догадывается. Во всяком случае, печать и телевидение просвещением по этой части не увлекается, мягко говоря.

Сговор – это, конечно, фантастика. Сохранить его в тайне, если такие намерения даже появились, вряд ли удалось

бы. Не, говоря уже о том, что отрасль, если и монополизирована, то не настолько все же, чтобы в полном составе в таком сговоре участвовать. Вообще искусственные цены, как завышенные, так и заниженные, могут приносить выгоду лишь недолгое время и только некоторым участникам рынка, для которых на какое-то время сложились подходящие обстоятельства. Остальные же, сталкиваясь с такой недобросовестной конкуренцией, несут только убытки. Потому и существуют с конца позапрошлого века антitrustовские законы, которые не позволяют предпринимательской самостоятельности обращать честную конкуренцию в способ сживать соперников со свету, и тем самым разрушать нормальный рынок.

Какие бы нам во времена «светлого прошлого» страшилки капитализма не рассказывали, но эгоизм – бранное слово и там, где превыше всего свобода личности и частной инициативы. Больше того, эта свобода на том и стоит, что свободолюбивые граждане обязуются чтить гарантированное законами непреложное правило: твоя свобода не должна мешать свободе других. Таков главный общественный договор, который касается, в том числе, и предпринимательства, и, в целом, управления экономикой. Соблюдается он, конечно, как все и везде, не без исключений. Но вот в российском варианте пока что как раз они – исключения из этого общепринятого в странах свободной экономики правила. А потому еще большая фантастика, чем секретный сговор всех строителей растить без удержу цены на жилье в своих домах, реальные

причины этой дороговизны.

Андрей, когда я ему рассказывал о них, только изумленно округлял глаза, покачивал головой – как бы не в силах поверить в такое. И неопределенно улыбался. А я, глядя на него, на неподдельную эту реакцию, и сам проникался какой-то тоже неправдоподобностью того, что с нами происходит, хотя приводил при этом, конечно же, самые что ни на есть конкретные цифры и факты.

Цены на любом рынке колеблются, как известно, в зависимости от спроса и предложения. Растут, когда первого больше, второго меньше. И снижаются, когда все происходит наоборот. А жилье – давний и самый острый в родном отечестве дефицит, значит строить надо, как можно больше. Что вполне совпадает с интересами и строителей, и покупателей. Подсчитано: чтобы все российские граждане были обеспечены хотя бы элементарным современным жильем, имеющийся жилищный фонд надо увеличить на сорок шесть процентов. Темпы во многом зависят от организации дела. А у нас только на подготовительный период, включающий оформление документации для начала строительства, из-за примитивной бумажной волокиты, уходит не один год. Это притом, что международные нормы продолжительности таких процедур всего несколько месяцев. Но мало того, что сама волокита удорожает строительство, поскольку «время – деньги», себестоимость растет вместе с непроизводственными издержками. Только, примерно, половина ее – это расхо-

ды «на стройку», остальное – плата за массу обязательных услуг, которые дорожают наперегонки одна за другой. Как, например, «получение и исполнение технических условий по подключению объекта к сетям», которое сегодня стоит до трех тысяч рублей за квадратный метр. А это около пяти процентов общей себестоимости строительства многоквартирного дома.

Андрей, когда я сообщил ему об этом, не понял.

– Столько всего лишь за подключение к каким-то новым специальным энергоисточникам?

И несказанно удивился, когда услышал от меня, что никаких новых источников в таких процедурах обычно не участвует. Что плата просто за элементарное подключение: рубильником и, в основном, к станциям, работающим еще с советских времен. Выслушав это все, Андрей мрачно хмыкнул:

– Бред.

Я же подумал: как же мы ко всему, в конце концов, привыкаем и начинаем принимать незаметно для себя откровенную обдираловку, как данность, от которой никуда не деться. А потому с ней надо, ничего не попишешь, как-то жить, как-то к ней прилаживаться. А она потому и живет, что к ней прилаживаются. Но вот стоило новому несведущему человеку взглянуть на безобразия, что называется, свежим глазом, и все стало на свои места.

– Андрей, как ни назови, а вот так за последние годы сло-

жилась структура себестоимости в нашем строительстве жилья. Строим, скажем, обычный многоквартирный кирпично-монолитный дом. Значит, надо готовиться к следующему раскладу. О сказочных взносах за подключение к сетям сказал. Дальше. Десять процентов, а это около пяти с половиной тысяч рублей за квадратный метр будущего дома, уйдет за получение права на участок; пятьдесят два процента – около тридцати тысяч за метр – собственно стройка: строительномонтажные и проектно-изыскательские работы; пять процентов – три тысячи двести за метр – стоят услуги государственных согласующих организаций; десять процентов – пять тысяч двести за метр – кредиты; пять процентов – три тысячи двести пятьдесят за метр – организация продаж. В итоге, себестоимость квадратного метра нашего дома составляет пятьдесят пять тысяч рублей. Из которых только тридцать пять тысяч сто рублей – расходы чисто строительные.

Откуда этот дикий дисбаланс: дом построить нам стоит почти столько же, сколько чиновным службам с партнерами-монополистами получить только лишь за дозволение такого строительства и указание его места с разумеющимся само собой подключением к магистралям тепла и света? Как раз незадолго до нашего разговора с Андреем я просчитал, что за какой-нибудь год себестоимость жилья нашей фирмы выросла почти в два раза, хотя стройматериалы – основа ее – подорожали всего на пятнадцать процентов. У других наших со товарищей по стройплощадкам – та же история. Деловых,

естественных причин тому не нашел, сколько не искал. Они явно просматриваются в другой области, что вовсе не секрет для строителей, поскольку все происходит у них на глазах.

С чего берутся накрутки на наши платежи тем же сетевым монополистам? Чиновники нам говорят, что она устанавливается региональной комиссией в зависимости от дефицита мощностей. А как величина этого дефицита определяется? Есть подозрение, что одним искрометным взглядом в потолок. Во всяком случае, суммы платежных взносов сразу, как тогда после моего сообщения о них Андрею, навешают

мысль, что возможности мощностей существующих близки к нулю, их на наши взносы собираются строить заново, хотя на самом деле с ними все в порядке. А как земля подорожала до семисот долларов за квадратный метр? Она тоже дефицит? И технология подсчетов здесь та же. Но тут еще и особый случай. Мы покупаем не просто землю, а «возводимые улучшения», как выражаются те же представители власти. То есть, платим надбавку как бы за будущие квадратные метры будущего жилья. С чего вдруг? Кто такое мог придумать? А так вышло. Во времена еще Анатолия Собчака, когда строительный бизнес только начинал строить дома, закон о купле-продаже земли завис в Госдуме. Его долго и успешно саботировали коммунисты. Но участки под застройку надо было как-то отводить, и тогда решили на местном уровне символическую цену за них плюсовать, как за «возводимые улучшения».

Постепенно стала все больше «улучшаться» и цена. Поскольку процессом управляли сами его авторы, серьезному противодействию их растущим устремлениям неоткуда было взяться. А потом, когда служилые люди вошли во вкус, когда появился закон о купле-продаже земли, цена за «улучшения» и вовсе стала, что называется, «скакать». Примерно, так вышло и с другими нашими показателями непрямых затрат. У всех поборов тенденция при этом одна – исключительно к росту. И никто ей не мешает. Куда идут деньги? Только не на благо развития строительства и прочие

общественные блага... Себестоимость при этом растет, еще немного, и сравнивается с ценой, которой с учетом покупательной способности большинства российского населения расти особенно некуда. Наши чиновные и монопольные партнеры делают на этой истории пока свой неплохой бизнес и без особых забот о производстве, но, если и дальше пойдет так дело, нам не на что будет заводить новые стройки.

Явление это, к сожалению, получило в стране необыкновенно широкое распространение. И не только в нашей отрасли. Называется оно – «халява». От арабского «хальва» (с ударением на первом слогe). И переводится подходяще – сладкий. Есть у него, правда, и другие толкования. Во времена Владимира Ивановича Даля, например, в вятских, псковских и еще нескольких российских краях оно употреблялось, как бранное, что и зафиксировал знаменитый словарь. Но вот в наши годы это слово как-то все чаще звучит в его первоначальном, по-арабски сладком значении. Деловитые устремления поиметь что-то задаром овладевает массами, несмотря на предубеждения знающих людей, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». Другие знающие люди уверены, что это вовсе не обязательно. Главное, говорят, чтобы «все было в рамках закона». И нынешние великие и не очень комбинаторы усвоили это правило не хуже классика, развивая успешно метод в самых разных областях – от финансовых пирамид до неразберихи с ценниками в супермаркетах, или вот – дорогого дефицита тепловых и электри-

ческих сетей.

– Видимо, остаток жизни проведу я на даче, выслушав меня, сказал Андрей. – Не заработать мне денег на усадьбу, значит, не судьба.

– Это совсем неплохо, если учесть, что дача – совершенно особый феномен российской жизни, второе жилище и духовное пристанище горожанина.

– Да, Константиныч, сколько себя помню, с началом первых теплых дней моя жизнь связана с дачей. Став взрослым, я впервые осознал, что подобной, совершенно особой, и притом исполинской, инфраструктуры нет больше нигде в мире. Нет таких мегаполисов, половина населения которых переселялась бы на лето за город. Как это получилось, где истоки этого явления? Почему дачи оказались сугубо русским феноменом?

– А почему в Испании привилась коррида? Почему немцы чаю предпочитают кофе?

– Думаю, у нас все сложнее. В России долгие, темные, холодные зимы, после которых душа рвется на природу. У нас была относительно дешевая земля, во всяком случае, намного дешевле, чем в Европе. Дача стала неотъемлемой частью нашего быта и нашей культуры. Сколько в русской литературе написано рассказов, романов и пьес о дачах и дачниках!

В европейских языках нет слов, адекватно передающих понятие «дача». У французов это просто «загородный дом» или «второе жилище». У англичан – «сельский дом» и «лет-

ний дом». Есть еще «шребергартен» – крошечный лоскуток земли, пара деревьев, цветочная клумба, очаг для барбекю и микроскопический сарай для хранения инвентаря. Сюда приезжают, чтобы покопаться в земле или устроить пикник на свежем воздухе. В толковом словаре французского языка слово «дача», правда, есть. Расшифровывается оно так: «... Русское слово. Русский сельский дом, находящийся вблизи большого города».

– Довольно точное объяснение. А вот понятия «поехать на дачу» у европейцев нет. Англичанин, немец, француз, итальянец, испанец скажут: «поехать за город». Зачем русскому человеку дача? Недавно прочитал книгу профессора лондонского Кингз-колледжа Стивена Лоувелла. Его работа «Дачники» – детальный, богато иллюстрированный труд. Он анализирует происхождение и развитие русской дачи за два последних века. Лоувелл рассматривает различные функции русской дачи: место для отдыха, способ преодолеть негативное воздействие города, территория для интеллектуальных сообществ, просто источник существования. Фактически ученому удалось представить в «дачном» разрезе всю историю России, включая и пресловутую «загадку русской души». Представления о дачах, дачниках и дачном образе жизни вошли в мировую культуру благодаря Пушкину, Тургеневу, Чехову, Горькому... Загородный отдых и загородные домики любят горожане во многих странах. И все же дача, по мнению Лоувелла, – это нечто бесспорное русское. Русские дачные пригороды не очень-то похожи на пригороды европейских столиц. Русские называют дачей и многоэтажный кирпичный особняк, и самодельную времянку. Земельный участок под дачей может быть от трех соток до гектара и более. На дачах любили жить и государственные деятели, и вольнодумствующие интеллигенты. Дача может быть местом и престижного отдыха, и каторжного труда. Конечно, многие

положения британского историка покажутся нашему читателю наивными и не совсем правдоподобными. Например, он утверждает, что садовые участки в начале девяностых годов буквально спасли россиян от голода. Это, конечно, ерунда. Даже самые отчаянные дачники хорошо понимают, что российские садоводческие товарищества с экономической точки зрения убыточны и «накормить» кого-либо не могут...

История российской дачи начинается с императора Николая I, который в 1821 году подарил своей супруге Александре Федоровне дачу – загородный дом для отдыха в Петергофе. Она называлась «Собственная ее Величества дача Александрия». Это был особняк в три этажа с 27 комнатами. Однако русские люди устремились за город еще раньше: историк Николай Карамзин в 1803 году сетовал, что летом Москва пустеет. В 30-е годы девятнадцатого столетия в пригородах Москвы стали появляться специальные места для летнего проживания. А настоящий дачный бум начался с появлением в России железных дорог, и поселки для отдыха стали строить подальше от города.

Дачи как место отдыха состоятельных россиян стали распространяться с 1860-х годов. Именно во второй половине девятнадцатого века дачная жизнь стала массовым социальным явлением, характерным только для России; оно нашло ярчайшее отражение в русской литературе того времени.

Самым известным дачным поселком в то время была Перловка, принадлежавшая московскому предпринимателю и

торговцу чаем Василию Алексеевичу Перлову, основателю фирмы «Перлов и сыновья». В 1880 году в этом поселке насчитывалось 80 дач. В каждом домике был душ и персональный туалет, на берегу реки Яузы были оборудованы купальни, два раза в неделю в поселок привозили музыкантов, в летнем театре выступали московские театральные труппы. Попасть в Перловку, по воспоминаниям современников, считалось за счастье, аренда дач оплачивалась на три года вперед, а ее стоимость была сопоставима с жильем в центре Москвы. Сейчас Перловка – район города Мытищи, застроенный высотными домами.

В 1888 году вокруг Москвы насчитывалось уже более 6000 дач, расположенных в 180 поселках, летом туда переселялись на отдых свыше сорока тысяч человек... Семьи российских дачников жили за городом с весны до осени – в город, как правило, выбирался лишь глава семейства – на службу. Большинство дач строились напоблику от железной дороги, путь до города занимал не более сорока минут. Электричества на дачах не было – освещали дома керосиновыми лампами, воду брали из ближайших рек. Никакой охраны не было, ставить заборы считалось дурным тоном.

В советские времена дачи стали для россиян прежде всего местом для занятий садоводством. Они усердно выращивали картофель, клубнику и огурцы, смородину и яблоки. На дачах не отдыхали – там «вкалывали». Так называемые «коллективные сады» для рабочих и служащих появились в

российских городах начиная с тридцатых годов XX века. В поселке Новь Наркомат рабоче-крестьянской инспекции построил для своих сотрудников 103 фанерных домика. Жилая площадь двухкомнатной дачи равнялась 15,4 кв. метра и была рассчитана на четырех человек на кухне площадью 5 кв. метров стояла плита с железной трубой.

Разумеется, дачи распределялись и между сотрудниками партийного аппарата. На одной такой даче могло тесниться несколько человек. И тогда же высшие партийные чиновники строили себе гигантские дачи в 15–20 комнат за счет государства. Правда, это была служебная жилплощадь – если «владелец» умирал или уходил в отставку, дачу отбирали.

Во времена хрущевской оттепели развернулось массовое дачное строительство. В Советском Союзе, несмотря на освоение целины, сохранялись проблемы с продовольствием – таким образом правительство пыталось их решить. Жителям выдавались участки для ведения садоводства и строительства щитовых построек летнего типа. Классический размер дачного участка в так называемом «садоводческом товариществе» в советское время составлял шесть соток – 600 квадратных метров. Существовали строгие ограничения на размеры и архитектурные решения дачных построек, например, нельзя было возводить двухэтажные домики, сооружать подвалы. Иногда гражданам выделялись небольшие земельные участки – огороды для высадки картофеля и овощей без права строительства на них каких-либо построек.

При Брежневe регламент был несколько изменен. Уже можно было построить домик размером 25 кв. метров для проживания в теплое время года. Обычно их строили из дощатого каркаса, утепляя опилками или сухим торфом.

Дачные участки для «номенклатуры» могли составлять один гектар и больше. Одна из таких типичных номенклатурных дач была показана в фильме Михалкова «Утомленные солнцем». Секретарю ЦК Михаилу Суслову в 1953 году был выделен участок в 7 гектаров, на котором росли 400 елей, 30 кленов, и стояло двухэтажное здание площадью 2400 кв. метров.

«Стародачными» поселками москвичи называют сохранившиеся и поныне поселения советский элиты – академиков, генералитета, высшего партийного руководства, деятелей балета, театра, писателей – в лучших местах Московской области. Обычно это были деревянные, реже каменные дома со всеми удобствами, включая газовое отопление, а иногда и магистральную канализацию, расположенные зачастую на лесных участках, рядом с рекой или прудом, предоставленные дачникам за какие-либо особые заслуги.

В 1934 году властями СССР было принято решение о помощи в строительстве дачного городка для писателей на 90 дач, стоимостью 90 миллионов рублей – цифра, для того времени фантастическая. Так появился знаменитый писательский поселок Переделкино. В 1949 году дачи в Жуковке получили разработчики атомной бомбы, в конце 50-х годов –

конструкторы космических ракет. Наиболее известные стародачные поселки: Барвиха, Валентиновка, Кратово, Малаховка, Заветы Ильича, Жаворонки, Снегири, Баковка, Николина Гора. С конца столетия стародачные поселки активно перестраиваются новыми хозяевами, обычно не имеющими никакого отношения к прежним обитателям тех мест. При этом цена на дома в стародачных поселках очень высока.

В 90-е года в России начался свободный оборот земельных участков «для индивидуального жилищного строительства», под дачи выделялись пустыри на окраинах деревень и бывшие колхозные поля. Однако на этих землях стали строить не только дома для постоянного проживания, но и дачи. Стоимость таких участков, особенно вблизи Москвы и Санкт-Петербурга, год от года повышалась. Средняя цена сотки земли в подмосковном Рублево-Успенском шоссе в 2007 году составляла 45 тысяч долларов. Появилось много богатых людей, которые непременно хотели построить свои элитные дома в природно-исторических парках и заповедниках, или лучших пахотных землях. Многие громкие скандалы последнего десятилетия связаны именно с подобным строительством.

Дача... Перед глазами – июль, в машине или дачном автобусе пахнет клубникой, ягоды красные, сочные. На даче – мансарда, скрипучая кровать, оранжевое одеяло, плющ за окном и пластиковый стаканчик на пыльном древнем письменном столе. Не люблю позднюю осень. На улицах дачного

поселка ветрено, холодно, черные балконы, многие уехали, заколотив окна и двери. Постоянно морозящий дождь...

Иностранцы всегда поражались русско-советскому явлению – даче. Несомненно, дача – такая же национальная особенность русских, как водка, баня, балет и медведи. Дачные традиции в России вообще крепки. В словаре Даля слово «дача» упоминается в статье «давать» – давать участки земли с крестьянами. Давал сюзерен, то есть царь, своим вассалам в качестве платы за верную службу.

Для русских дача – какое-то хитрое удовольствие. Как можно столь долго находиться в неестественных для прямоходящего существа позах? А очень даже! Вскопал сотку-другую, разогнул со скрипом спину, оглядел проделанную работу с удовлетворением, прищурился на солнышко, потянулся сладко: хорошо! А этот миф о здоровом образе жизни? Да у дачников профессиональных заболеваний не меньше, чем у шахтеров! А дачный загар? А прополка – смерть маникюру? А вечные вопросы: обокрали – не обокрали, вымерзло – не вымерзло? Наверное, дача – это одно из проявлений стоицизма русского характера. Сами себе создаем трудности, и сами успешно их преодолеваем. Далась нам эти томаты в стране вечнозеленых помидоров! К тому же на рынке привозные в сезон стоят дешевле. Но свои же – вкуснее! Дача – это национальный спорт, которым захвачены абсолютно все: мужчины и женщины, городские и селяне, богатые и бедные. Конечно, дело не только в желании набить по-

греб соленьями-вареньями. Корни значительно глубже. Испокон веков Россия была аграрной страной. Урбанизация. Индустриализация. Коллективизация. Огромные массы населения были сдернуты с привычных мест и загнаны в каменные мешки. Быть может, именно потомки выселенных на север кулаков пытаются выращивать морковь на вечной мерзлоте. И все чаще звучит идея возвращения к поместной России. Для советского человека, жившего при тоталитарном режиме, под неусыпным оком большого брата, дача была единственным островком частной собственности и частной жизни, местом, где он мог реализовать свою хозяйскую и творческую жилку, проявить индивидуальность. Причудливые цветники и небывалые урожаи становились способом самовыражения. А сама дача – местом, территорией, пространством для внутренней эмиграции. На дачи сбегали от занудства жен и алкоголизма мужей, на дачах укрывались от идеологического вранья, проблем на работе и бытовой неустроенности. Пусть свобода ограничена забором по периметру шести соток, все равно ее здесь было больше, чем в квартирах, кабинетах, цехах. «Земля зовет», – говорит мой сосед по подъезду. И пожилой, тяжело больной человек поздней осенью едет за город обвязывать молоденькие деревца, «чтоб зайцы не погрызли». Ну, хорошо, он дачник с полувековым стажем. Но когда дачи покупают молодые...

– Я согласен, Андрей, что только русский человек из-за дачи может плюнуть на все: на бытовую неустроенность,

низкую заработную плату, безработицу. И вместо того, чтобы переучиваться, переезжать, бастовать, бросать и начинать все сначала, как это сделал бы его собрат в любой другой стране, – терпеливо ждет конца весны, чтобы махнуть на дачу. Только русский человек, вдруг разбогатеет, может вложить все свои деньги в трехэтажный, мрачный и огромный каменный дом за городом. И это – сразу после щитовой «бытовки», минуя все промежуточные стадии.

Дача – это явный национальный фетиш. Это огороженная территория, на которой нет никаких общих правил, никаких законов, никакого государства. За это мы ее и любим, черт побери. Устойчивый образ жизни, а не ракеты, не космос, не господство в мировом океане, даже не количество нобелевских лауреатов и книг на душу населения – это и есть сила нации. Сила не внешняя, а внутренняя. Никак не выявленная, никем не обозначенная. Именно она, эта сила привычки и образа жизни, позволяет существовать стране в сегодняшних условиях.

Никто не знает, что бы могло произойти, если бы не такой фактор стабильности, как наша русская дача. Она за последнее столетие заменила собой лапти, гармошку, балалайку, даже не знаю что еще. Песни и пляски. Битье морды. Баню, блины, водку, икру, катание на тройках, как это ни кощунственно звучит. Дача стала главным резервуаром национального духа. Именно наша, смешная и покосившаяся, требующая вечного ремонта, абсолютно некомфортная, не пригод-

ная для холодного времени года, наполненная старой мебелью и ненужными книжками – да еще и сосущая кровь своими грядками, поливками, препирательствами с соседями.

Именно здесь мы становимся абсолютно свободными.

Сходишь на своей станции – и точно знаешь, что документы здесь у тебя проверять не будут. Остаешься в одних плавках – и наплевать на чужие взгляды. Орешь во все горло – и все замечательно, никто не обижается, не раздражается, не просит немедленно прекратить.

Дача неизменна, как мироздание. Мне кажется, именно эта неизменность помогла нам перенести все катаклизмы последнего времени. Мир рушился, шатался, уплывал из-под ног, но на каком-то одном участке суши жизнь текла точно так же, как раньше. Впрочем, дача помогла и в советское время. Ровно в шесть население резко бросало важнейшие участки социалистического строительства и неудержимо бросалось к вокзалам. Русского человека, рвущегося на дачу, остановить не мог никто.

– Знаешь, Андрюша, что я люблю на даче? Я часто вижу, как белка рыжая скачет по сосновым веткам. Я сижу на веранде бани и, прищурясь, смотрю на нее. И еще я люблю больше всего в природе, когда деревья расщепляют солнечные лучи. Возникают блики. Нежные блики, которые скользят по воздуху. Качаются сосны и ели, поют листочки рябины, шелестит клен. Так бы и сидел тут всегда. Так бы и не двигался. А зачем двигаться? Ведь все и так хорошо!

Сейчас дачной жизни стало намного больше. Появилось дикое количество загородных участков. За сто, сто пятьдесят, двести километров. Туда везут внезапно появившиеся в продаже стройматериалы, всякие там дизели для автономного электричества, насосы, души, спутниковые антенны... На чем везут? А на машине. Сколько же стало машин! И виновата в этом опять же дача. Она часто является решающей и последней причиной для многих, чтобы обзавестись, вопреки всем финансовым кризисам, своей «тачкой». А то и двумя. А сколько жратвы, дотоле невиданной, появилось в дачных поселках! Сколько магазинчиков, лотков, киосков! Виданное ли дело – водку на даче можно купить в любое время суток!

Не нужно нас останавливать, когда мы едем на дачу. Особенно в этом году, особенно сейчас. Дайте нам отдохнуть, дайте окрепнуть, восстановиться. Плевать нам на кризис в правительстве! Нас не интересует международная обстановка! Не хотим предвыборной компании! Нам надо на дачу!

Там наш источник бодрости. Мы будем за вас голосовать. Мы будем жить судьбами мира, но после. Дайте належаться на траве, наестся шашлыков, наловить рыбешки, настроиться, намахаться топориком, надышаться черемухой, комариным зудом, цветами, отчетливыми звуками в теплой тишине, зеленью над головой. Политики, не трогайте нас. Мы едем на дачу!

Никто в мире так не отдыхает? Ну и ладно. Мы не хотим в

этом году на Канары, мы не едем зимой в Куршавель кататься на лыжах. Мы хотим дачи по полной программе! В ней наше спасение и наша надежда...

Глава седьмая

О Боге, о жизни, о сцене

Нам порой не хватало времени наговориться, слишком уж коротким был маршрут наших прогулок. Мы не хотели расставаться, поэтому заходили в небольшой ресторанчик, расположенный в цоколе дома Андрея. В такое позднее время посетителей почти не было, и мы могли говорить, не опасаясь

сь, что нам помешают. Говорили обо всем: о жизни, об актерском мастерстве, о Боге.

– Да, вот и я дожил до того времени, когда никому ничего не нужно доказывать, – говорил Андрей. – А когда-то доказывал, старался сыграть так, чтобы стать вровень со старшими коллегами, ловил взгляды Мастера, таял от похвальных слов. Теперь доказывать некому. Молюсь перед каждым выходом на сцену, прошу дать мне сил и разума. Молитвы нестандартные, я их придумал сам, но какая разница? Если бы спросили, кому именно я молюсь, ответил бы: какой-то не очень понятной мне самому высшей силе, которая ведет меня по жизни, не дает оступиться. То, что такая сила есть – доказано наукой...

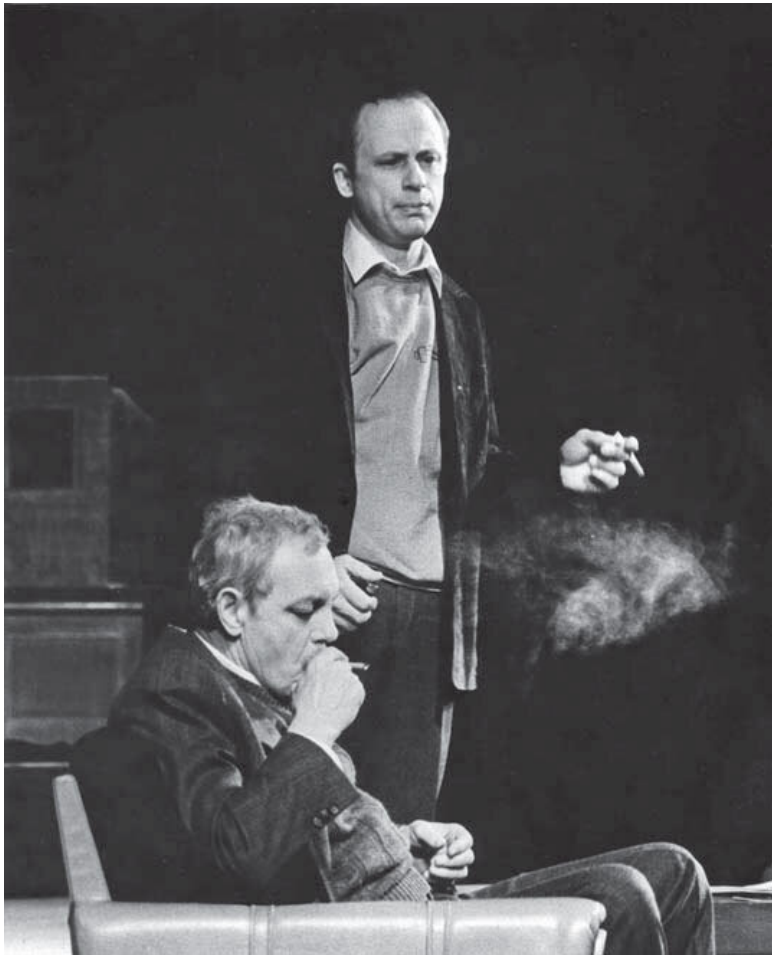
В последний год жизни Андрей часто заговаривал о смысле жизни, о Боге, которого он осторожно именовал «высшей силой» – он говорил все это абсолютно искренне, ему невозможно было не верить. Этот вопрос сильно занимал его воображение: он читал соответствующую литературу, размышлял, как мучительно размышляет его литературный герой Кирилл из повести «Наполнение луной»:

«...Больше всего в последнее время Кирилл боялся ночных звонков телефона. Звонков в темноте. Сообщений о несчастьях. Изводился этим. Мучился, даже когда и поводов к ним не предвиделось.

Возвращался домой почти всегда поздно и потому наказывал людям звонить в полночный час и далее.

Знал о своем мучении, но другого выхода не видел. Эти звонки становились первыми в наступающем дне. Они выскакивали впереди новой работы и новой усталости и радости. Они первыми сообщали все и узнавали тоже первыми, при том, что весть сама по себе могла быть и запоздалой... Когда предчувствие вести становилось нестерпимым, он начинал думать о физике этих звонков, об их мистическом полете во времени...

Кто-то, кому нужен ты, из ниоткуда (ты же не можешь проверить, где он) нажал на кнопки, повернул диск... И что? Что дальше?

*Электроны, волны, поля неведомых частиц –
какое отношение они имеют к долетевшему голосу*

– звонкому и хриплому, полному любви и радости, сожаления и лести, счастья и горя?.. Голос не может не измениться, пройдя через них, соединяясь с ними невидимыми, но влиятельными...И то, что с позволения полей, волн, электронов, кнопок и металлических контактов, и даже рук телефонисток, и еще Бог знает чего, находит нас и обволакивает счастьем или обрушивается роком – все это и есть путешествие души? Душеобмен, которому безразличен способ перемещения в пространстве и который равнодушен к расстояниям, и восход-заход солнца к нему тоже не имеет никакого отношения, но он совсем не безучастен к нашей воле. Но только луна, может быть, привязанная к земле тяготением слабого к сильному, и правит нами, всегда повернутая к нам одной стороной. И мы выбираем любовь или ненависть. Мы даже имеем возможность затаить свои истинные чувства на другой стороне луны. Тот, кто смертельно равнодушен или безнадежно ленив сердцем, вообще не смотрит на небо, а если и закатывает глаза в смертельной тоске, пьяном угаре, или от нечего делать, – ничего там не видит в любое время жизни. Мы вольны положить телефонную трубку, только заслышав чей-то голос, или даже на полуслове, – тем самым тоже совершить насилие, заперев его на миг и навсегда, бросив его в полях и волнах, разрешив бессмысленное столкновение заряженных частиц... И что в этом смятении происходит с душой, с ее оборванным полетом? Что? Большую часть истины

мы так никогда и не узнаем...

И еще занимало спокойствие вместиллица его чувств к расстояниям – нос к носу, глаз в глаз, руки и шага, верстовых столбов и световых лет, и мигания звезд в другом тысячелетии, но только что увиденном. Восприятие этого мига и есть то самое мгновение, когда ты пребываешь в Аркадии, в той самой безмятежной стране, где ты можешь быть и не быть одновременно. То есть, все зависит от тебя самого, от желания и состояния собственно души. А Бесконечной Вселенной и нашему миру в ней на это наплевать. В конечном счете – это благо. Волнения в полях разрушительны.

Нас только кто-то заказывает во времени, и мы промахиваем его, как тот свет от звезд, который мы видим, задрав ночью голову, а на самом-то деле этих звезд на том месте давно уже нет. Свет идет долго. И звезда уже уплыла дальше в черноту, и ее свет, хотя он и быстрее звука, стремительнее крика, до нас никогда не дойдет. Хорошо, если другие увидят народившееся после нас. Но и они увидят свет, предназначенный не им, а отпущенный нам, вернее, при нас...

Говоря по телефону, мы закладываем свое время в ломбард вечности и никогда не выкупаем его. Только само время выкупает нас от случая к случаю, и мы – его заложники. По своей игре и его прихоти...»

– Андрей, ты говоришь, наукой доказано, что Бог есть...

Если бы это было так, жизнь на земле пошла бы совсем по

другому сценарию...

– Я сказал: высшая сила. Многие великие ученые верили в эту силу, это общеизвестно. Казалось, уж они-то знают все тайны вселенной, что откуда берется и куда исчезает. Однако чем больше они раскрывают этих тайн, тем больше верят в то, что только высшая сила, или величайший разум мог создать наш мир...

Подобные разговоры у нас бывали нечасто, мы оба понимали их наивность и какую-то юношескую незрелость. Что делать – мы не были философами. Однако нам хотелось говорить друг с другом, и даже на такие глубокие философские темы, куда забираются, «...не рискуя свернуть себе шею, только очень образованные люди...». Возможно, нам не хватало подготовки, но помогало то, что мы были похожи. Что называется – родственные души. Когда Андрею удавалось прочесть что-то такое, что его по-настоящему волновало, он обязательно делился со мной своими соображениями, искренне огорчался, если я не разделял его выводов. Но я почти всегда разделял...

Прочитав статью блестящего ученого Моррисона, бывшего президента Американской Академии наук, Андрей убедил меня, чтобы я прочел ее как можно скорее. Она называлась «Семь причин, объясняющих, почему я верую в Бога». Эта статья, а главное, выводы, которые в ней содержались, привели Андрея в какой-то детский восторг.

– Представляешь – я тоже об этом думал! Конечно, не так

глубоко, не так определенно, но ведь думал! Эта статья мне вроде бы глаза промыла – сразу стало все так понятно и просто...

Я привожу эту статью полностью, потому что она потрясла и мое воображение. Заранее прошу прощения у тех читателей, кто привык укорять авторов в излишнем цитировании – эти несколько страниц можно вполне пропустить...

«... Мы все еще находимся лишь на заре научного знания. Чем ближе к рассвету, чем светлее наше утро, тем яснее перед нами вырисовывается творение разумного Создателя. Теперь, в духе научного смирения, в духе веры, основанной на знании, мы еще больше приближаемся к непоколебимой уверенности в бытии Божьем.

Лично я насчитываю семь обстоятельств, которые определяют мою веру в Бога.

1. Совершенно отчетливый математический закон доказывает, что Вселенная создана Величайшим Разумом.

Представьте себе, что вы бросаете в мешок десять монет в порядке возрастания их стоимости от одного цента до десяти. Потом вы встряхиваете мешок. Теперь попытайтесь вытащить монеты одну за другой в порядке возрастания их стоимости с тем, чтобы каждую монету положить назад и снова встряхнуть мешок. Математика говорит, что у нас есть один шанс из десяти в первый раз вытащить монету в один цент. Чтобы вытянуть одноцентовую, а за ней сразу двухцентовую монету

– один шанс из ста. Чтобы выгадать таким образом подряд три монеты – один шанс из тысячи и т. д. Чтобы выгадать все десять монет в заданном порядке – один шанс из десяти миллиардов.

Те же самые математические доводы говорят, что для возникновения и развития жизни на земле необходимо такое невероятное число взаимоотношений и взаимосвязей, что без разумного направления, просто случайно, они возникнуть никак бы не могли.

Скорость вращения Земли у ее поверхности определяется в тысячу миль в час. Если бы наша планета вращалась со скоростью сто миль в час, дни и ночи стали бы в десять раз длиннее. В течение долгого дня Солнце выжигало бы все живое, в течение долгой ночи все живое вымерзло бы.

Далее: температура Солнца равняется 12 000 градусов Р. Земля удалена от Солнца ровно настолько, насколько необходимо, чтобы «вечный огонь» надлежащим образом обогревал нас – ни больше, ни меньше! Если бы Солнце давало наполовину меньше тепла, мы бы замерзли. Если бы оно давало тепла вдвое больше – погибли бы от жары.

Наклон земной оси равен 23 градуса. Отсюда возникают времена года. Если бы наклон Земли был иным, испарения океана двигались бы вперед и назад, на юг и на север, нагромождая целые континенты льда. Если бы Луна, вместо нынешнего расстояния, была удалена от нас на 50 000 миль, наши приливы и отливы приняли бы столь грандиозные масштабы, что

все континенты оказывались бы под водой два раза в сутки! В результате вскоре были бы смыты даже горы. Если бы земная кора была толще, чем сейчас, на поверхности не было бы достаточно кислорода, и все живое было бы обречено на гибель. Если бы океан был глубже, углекислота поглотила бы весь кислород, и все живое опять-таки погибло бы. Если бы атмосфера, окутывающая земной шар, была немного тоньше, то метеориты, миллионы которых сгорают в ней ежедневно, падали бы на Землю в целом виде и повсюду вызывали бы неисчислимые пожары.

Эти и бесчисленно, множество других примеров свидетельствуют, что для случайного возникновения жизни на Земле нет и одного шанса из множества миллионов.

Богатство источников, из которых жизнь черпает силы для выполнения своей задачи, само по себе является доказательством наличия самодовлеющего и всесильного Разума.

Ни один человек не был до сих пор в состоянии постичь, что такое жизнь. Она не имеет ни веса, ни размеров, но располагает подлинной силой. Прорастающий корень может разрушить скалу. Жизнь победила воду, сушу и воздух, овладела их элементами, заставив их растворить и преобразовать составляющие их комбинации.

Жизнь – скульптор, дающий форму всему живому, художник, выточивший форму каждого листа на

дереве, определяющий цвет каждого цветка. Жизнь – музыкант, научивший птиц петь песни любви, а насекомых издавать неисчислимое количество звуков и призывать ими друг друга. Жизнь – тончайший химик, дающий вкус плодам, запах цветам, химик. претворяющий воду и уголекислоту в сахар и древесину и получающий при этом кислород, необходимый для всего живущего.

Вот перед нами капля протоплазмы, почти невидимая капля, прозрачная, похожая на желе, способная двигаться и извлекать энергию из Солнца. Эта клетка, эта прозрачная доля пылинки, является зародышем жизни и имеет в себе силу сообщать жизнь крупному и малому. Сила этой капли, этой пылинки, больше, чем сила нашего существования, чем сила животных и людей, ибо она – основа всего живущего. Не природа создала жизнь. Скалы, расщепленные огнем, и пресноводные моря не в состоянии были бы отвечать тем требованиям, которые предъявляет жизнь для своего возникновения. Кто же вложил жизнь в эту пылинку протоплазмы?

3. Разум животных неоспоримо свидетельствует о мудром Творце, внушившем инстинкт существам, которые без него были бы совершенно беспомощными тварями.

Лосось проводит свой молодой возраст в море, затем возвращается в родную реку и идет именно по той стороне, где была икра, из которой он вывелся. Что же

ведет его с такой точностью? Если поместить лосося в иную среду, он немедленно почувствует, что сбился с курса, и будет пробиваться к главному потоку, а затем пойдет против течения и исполнит предназначенное судьбой с положенной точностью.

Еще большая тайна сокрыта в поведении угрей. Эти паразитические существа в зрелом возрасте покидают свои пруды, реки и озера, даже если они находятся в Европе, преодолевают тысячи миль в океане, чтобы достичь морских глубин у Бермудских островов. Там угри совершают акт размножения и умирают. Маленькие угри, которые, казалось бы, не имеют ни малейшего понятия ни о чем и которые могли бы затеряться в океанских глубинах, направляются по пути предков к рекам, прудам и озерам, откуда те начали свой путь к Бермудским островам. В Европе ни разу не был пойман угорь, который принадлежит к американским видам, и точно так же в Америке ни разу не был пойман европейский угорь. Европейский угорь достигает зрелости на год позднее, благодаря чему он может совершать свое более длительное путешествие. Где же рождается этот направляющий импульс?

Оса, поборов кузнечика, поражает его в определенное место. От этого удара кузнечик «умирает». Он теряет сознание, но продолжает жить, представляя собой кусочек консервированного мяса. После этого оса откладывает свои личинки с тем расчетом, чтобы малыши обгладывали кузнечика, не убивая его. Мясо убитого насекомого было бы для

них смертельной пищей. Совершив эту работу, мать-оса улетает и умирает. Она никогда не видит своих детенышей. Не подлежит ни малейшему сомнению, что каждая оса проделывает эту работу первый раз в жизни, без всякого обучения, и делает это именно так, как нужно, иначе откуда бы взялись осы? Эта мистическая техника не может быть объяснена тем, что осы учатся одна у другой. Она заложена у них в плоти и крови.

4. Человек располагает большим, чем животный инстинкт. Он обладает рассудком. Не было и нет такого животного, которое способно было бы считать до десяти. Ни одно из них не может понять и сути цифры «десять». Если инстинкт можно сравнить с одной нотой флейты, со звуком прекрасным, но ограниченным, то человеческий разум способен к восприятию всех нот не только одной флейты, но и других инструментов оркестра. Стоит ли говорить еще об одном преимуществе? Благодаря нашему разуму мы в состоянии рассуждать о том, кто мы такие. Способность эта определяется только тем, что в нас заложена искра разума Вселенной.

5. Чудо генов – явление, которое мы знаем, но которое не было известно Чарльзу Дарвину, свидетельствует, что обо всем живущем была проявлена забота.

Гены так невероятно малы, что если бы все гены, благодаря которым живут люди на земном шаре,

собрать воедино, их можно было бы уместить в наперсток. Причем наперсток не наполнился бы! И тем не менее, эти ультрамикроскопические гены и соответствующие им хромосомы имеются во всех клетках всего живого и являются абсолютным ключом к объяснению всех признаков человека, животного и растения. Наперсток! В нем могут уместиться все индивидуальные признаки нескольких миллиардов человеческих существ. И в этом не может быть сомнений! Если это так, то как же получается, что ген имеет в себе даже ключ к психологии каждого отдельного существа, умещаая все в таком малом объеме?

Вот где начинается эволюция! В единице, являющейся хранильницей и носительницей генов. И тот факт, что несколько миллионов атомов, включенных в микроскопический ген, могут оказаться абсолютным ключом, направляющим жизнь на Земле, является свидетельством, доказывающим, что обо всем живом проявлена забота, что кто-то все заранее предусмотрел и что это исходит от Творческого Разума. Никакая иная гипотеза не может помочь разгадать эту загадку бытия.

6. Наблюдая за «экономикой» природы, мы вынуждены признать, что только предельно совершенный Разум может предусмотреть все соотношения, возникающие в столь сложном хозяйстве.

Много лет тому назад в Австралии в качестве живой

изгороди были посажены завезенные туда некоторые виды кактусов. За неимением там враждебных ему насекомых кактус размножился в таком невероятном количестве, что люди стали искать средства борьбы с ним. А кактус продолжал распространяться. Дошло до того, что площадь, которую он занял, оказалась больше территории Англии. Кактус стал вытеснять людей из городов и сел и разрушать фермы. Энтомологи обыскали весь мир, чтобы найти средство борьбы с этим растением. Наконец им удалось выявить насекомое, которое питалось исключительно кактусом. Оно легко размножалось, и у него не было врагов в Австралии. Вскоре это насекомое победило кактус. Растение отступило. Количество его представителей уменьшилось. Тогда сократилось и количество насекомых, поедавших кактус. Их осталось лишь столько, сколько нужно было, чтобы постоянно держать под контролем растение, склонное к быстрому размножению.

И такого рода контролирующие взаимосвязи наблюдаются повсюду. Почему насекомые, которые неимоверно быстро размножаются, не подавили все живое? Потому что они дышат не легкими, а трахеями. Трахеи насекомого не увеличиваются в процессе его роста. Поэтому никогда не было и не могло быть слишком больших насекомых. Это несоответствие сдерживало их рост. Если бы не было такого физического контроля, человек не смог бы существовать на Земле. Представьте себе шмеля

величиной со льва!

7. Тот факт, что человек в состоянии воспринять идею бытия Бога, сам по себе является достаточным свидетельством Его бытия.

Концепция Бога возникает как следствие таинственной способности человека, которую мы называем воображением. Только при помощи этой силы человек (и никакое другое существо на Земле) способен находить подтверждение вещам абстрактным. Широта, которую открывает эта способность, необъятна. В самом деле, благодаря совершенному воображению человека возникает возможность духовной реальности, и человек может со всей очевидностью установить великую истину, что небо находится повсюду и во всем, ту истину, что Бог живет везде и во всем, что он живет в наших сердцах...»

Я был воспитан в духе атеизма, меня не крестили, в селе не было церкви. Единственное кирпичное здание церкви после революции местные мужики растащили по кирпичику. Лишний повод говорить о твердости веры в умах людей. Я, как и все мои ровесники, был принят в пионеры, в мою пору ступени – октябрьской – не было, потом вступил в комсомол. И все это время огромный пресс антирелигиозной информации от любимых учителей, наверное, они в это верили, не думаю, что под страхом работали с нами. Я помню своих учителей, это были достойные люди: умные, гордые,

красивые, и мне казалось – независимые.

В коммунистическую партию я вступил в зрелые годы. Меня не заманивали в нее. Решение принимал я сам, уверен, что без меня бы обошлись в этой организации. Партия дала мне карьерный рост, я, так уж сложилось, являлся партийным функционером и, как вершина работы, был избран делегатом съезда, правда последнего, и рассматривался в качестве кандидата в члены ее Центрального Комитета. Какой Бог, какая религия – о них у меня и мыслей не было.

Только лишь в последние годы я интересуюсь этим. Не могу сказать, что верю в Бога, мне неловко, когда я вижу на

экрane знакомые лица, истово накладывающие на себя крест, думаю, что это дань моде. Почему неловко, не знаю, самому мне трудно перекреститься. Хотя всегда, когда мне трудно, я вспоминаю Бога и обращаюсь к нему со словами: «Господи, помоги, Господи, не допусти несправедливости, Господи, дай мне силы». С моей израненной душой мне трудно прийти к нему открыто. Так хочу, чтоб дети и внуки верили в Бога. Нет, не в дяденьку на иконе, глядящего на нас грустным взглядом со стенки, не в дедулю, сидящего на седьмом небе среди седых облаков, не в астрального царька, требующего от своих подданных обильных жертвоприношений, не в идола храмов, не в космического сверхмужика. Пусть верят в Бога, который есть всегда, везде, во всех и во всем. В того, чье тело – Вселенная, и нет нигде больше или меньше, потому что он – это все, что было, есть и будет, и каждый из нас лишь частица его организма.

Я очень хочу, чтобы жизнь моих близких была наполнена смыслом и восхищением перед красотой безграничных просторов вечного мироздания, перед величием творца и творения, которые по сути своей одно и то же. Так хочется, чтобы они ощущали присутствие Всевышнего так же, как чувствуют собственное существование.

Мы молчали, каждый думал о своем. Вдруг Андрей сказал.

– В театре невозможно не верить, ведь все искусство от Бога. Талант от Бога. Я с молодых лет люблю храмы. Даже

когда совершенно о Боге не задумывался, бывало, подождет на сессии, надо как-то сосредоточиться, забыть о повседневных глупостях, и – иду в Исаакиевский собор. Когда преподавал, водил свои студентов в церковь Спаса Нерукотворного на Конюшенной, где Пушкина отпевали... Сейчас мне очень нравится церковь Симеона и Анны, что на углу Моховой: она недавно была отреставрирована, меня очень тянет туда. Во Владимирский собор хожу... И Исаакиевский по-прежнему люблю: народу там обычно немного, никто на меня не обращает внимания, – а мне это важно!.. В церкви ведь не услышишь: «Вон, смотри, смотри – Толубеев!..» Там все равны, все перед лицом Божиим... В Исаакиевском душа у меня просто летает, очень люблю этот собор...

Есть спектакли, после которых час-полтора прихожу в себя. Такое впечатление, будто все во мне противится этой роли. Такое происходит, когда играю Арбенина, как Божье воздаяние и одновременно, как Божию милость к этому человеку. Психологически показать все это очень сложно. Или спектакль «Макбет». Эта трагедия считается дурной, притягивающей зло: там есть чересчур глубокое проникновение в душу злодея. В те дни, когда в БДТ шел этот спектакль, у меня случались всевозможные несчастья. А ведь я играю даже не самого кровопийцу Макбета, а его друга, Банко, которого он же и убивает. Но каждый раз во время спектакля у меня случалось что-то ужасное: мать заболела, в реанимации лежала. Она умерла, когда шел «Макбет». И на девятый день

я играл в этом спектакле, и на сороковой, и в первую годовщину смерти.

– Андрей, ну причем здесь Бог? Это мистика какая-то.

– Не знаю, не знаю, только вот душа не принимала эти роли. А душа все-таки от Бога.

Андрея Господь призвал к себе в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы – седьмого апреля по новому стилю. Название праздника – Благовещение – передает главный смысл его: возвещение Деве Марии благовест о зачатии и о рождении Ею Богомладенца Христа. Архангел Гавриил принес самую большую новость – Сын Божий становится Сыном человеческим. Исполняется пророчество Исайи, Богородица отвечает согласием на весть ангела: «Да будет мне по слову твоему». Без этого добровольного согласия Бог не мог стать человеком. Он не мог бы воплотиться, так как Бог не действует силой. На этот праздник приглашаются люди честные, чистые. Андрей среди них. Я хочу, чтоб Андрей был прав: «Величайший разум есть, и некая сила руководит нашей жизнью, как на этом, так и на том свете».

Не помню кто сказал, но слова замечательные: «Когда умирают люди, и земля принимает грешные их тела, остальные продолжают вершить свои будничные дела. Они завтракают, ссорятся, обнимаются, целуются, моются в бане, идут в магазины за покупками. Кажется, мир такой же, как и прежде. Но не так. В короткий миг особой той тишины небо рухнет. Земля рухнет. Только этого не видно. Вернее, не

каждый это видит».

Как-то разговаривая со своим внуком Пашенькой, я сказал ему:

– Вот вырастешь большим, закончишь институт, жаль, меня уже не будет в живых, но все равно я буду видеть тебя и все, что ты делаешь.

– Как это? – удивился внук.

– А моя душа улетит на небо и поселится в тело птицы, и оттуда я буду наблюдать за тобой, желая тебе только добра, – придумал я.

Паша недоверчиво смотрел на меня.

– Правда, правда, – утверждал я. Мне очень этого хотелось.

Я хочу, чтобы душа Андрея была среди нас, родных и друзей.

Пусть читатель простит мне за небольшое отступление. Продолжаю разговор с Андреем:

– В театре ничего не бывает «накатано», – утверждал Андрей. – Не верь актерам, которые говорят, что здесь надо играть сосредоточенно, а здесь можно расслабиться. Это слова несостоятельных артистов. В театре все идет на живую нитку. Что-то не получается, но ты сжимаешь челюсти и идешь дальше. Есть такие моменты, когда что-то расписывается, например, сценическая драка, но сыграть по договору нельзя. Мне очень нравилось работать с Товстоноговым. Он рассказывал что-то, а дальше ты уже сам. Терпеть не могу ре-

жиссеров, которые натаскивают, заставляют играть так, как они видят.

Совсем недавно актерам казались беспроектными бульварные пьесы, которые заполнили сцену с подачи антреприз. Теперь люди хотят вернуться к нормальному течению жизни на сцене. Уверен, им хочется сострадать и плакать, искренне смеяться и уходить от примитивного даже не юмора, а смешения людей. Подзабытые вещи – Толстой, Достоевский, Горький – еще будут востребованы. Не говоря уже о Чехове. А бульварные пьесы – это наносное. Это все унесет ветром, волной, приливом и отливом.

Антреприза расставляет сети. В них попадают те, кто себя хочет показать и деньги потратить. Потому что после спектакля похвастаться – «был на Ахеджаковой и заплатил за это пять тысяч рублей» – современный показатель, что ты в порядке. Я не веду речь о самой Лии Ахеджаковой, она блестящая актриса. Но я уверен: на антрепризу театральный зритель, воспитанный своим городом и своим театром, не пойдет.

Заметь, в антрепризах играют одни и те же актеры. Это каста, которая зарабатывает деньги. Я их не осуждаю. Каждый зарабатывает по-своему. Я, например, веду передачи на канале «Культура». Кто-то снимается в кино, кто-то дублирует. За это нельзя попрекать! Но дело в том, что есть актеры, которые хотят участвовать в антрепризе, не играя в театре. Но числиться в театральной труппе они хотят. Антре-

приза – заразное дело. Во времена развитого социализма это называлось чесом: поехать в провинцию и сгрести деньги по дворцам культуры. Это как елки. Но елки хоть имеют под собой благородную основу.

– Ты спрашиваешь, что чувствует актер, играя на сцене. Актер находится в особом состоянии: он входит в образ совершенно другого человека, не важно, положительный или отрицательный, он перестает быть самим собой на какое-то время. Актеры могут ощущать после спектакля внутреннюю опустошенность.

Тончайший русский мыслитель Федор Степун писал об актерстве не как о специфической профессии, а именно как о мастерстве перевоплощения, жажде «переселения» своей души в другие души. Актер – совершенно особое существо, принципиально полифоническое. «Субъективный смысл его творчества для него потому всегда один и тот же: расширение жизнью на сцене тесной сцены своей жизни, реализация на театрально упроченной территории мечты своего многодушия и исцеления своей души от разрывающих ее противоречий».

И еще: «Радость артистической души – богатство ее многодушия, страдание артистической души – невоплотимость этого богатства в творческом жесте жизни».

Многодушие, игровая природа человека, карнавал человеческих «Я», человеческих отношений. Мы такие. Нас волнует стихия нашего многообразия, наших страстей, смеше-

ния в нас дурного и хорошего, переплетение праведности и греха. А воплощают все это, выступают в качестве конкретного носителя этого вселенского карнавала – актеры, скоморохи, юродивые. Вот почему так любимы актеры. Они такие, как все, они несут в себе все наше, знакомое, родное, исконное. И в тоже время совсем не такие, романтические, идеальные. Они – как греческие Боги на Олимпе – так же любят, так же веселятся. Но – Боги. Потому что выходит настоящий актер на сцену, и все в нас и вокруг нас меняется... Актер на сцене – это жизнь наших грехов, только рельефных, выпуклых, вытщенных «на свет Божий», представленных.

Актерское искусство по природе своей – «представление». Актер представляет, кажется, создает иллюзии, зримые подобия, образы чувств, состояний, ситуаций. Он правдоподобен. Он работает на зал. И в жизни актер тот, кто в любых ситуациях прежде всего представляет, позирует, поглядывает «в сторону». Что там у него внутри – никого не касается. Он и сам может толком этого не знать. Его «переживание» – в представлении. «Человек играющий», он и в жизни может «заиграться», перестать понимать, а где, собственно, начинается и заканчивается он подлинный, настоящий? Что в нем истинно, а что иллюзорно? Актер обманывает себя и других.

Жажда актера играть, пребывать в чужих душах, быть «подражателем». К слову сказать, одно из обвинений, адресованных Платоном искусству, состоит именно в этом: жаж-

душий подражать художник не разбирает, где добро, а где зло, он – раб соблазна, готов следовать достойному и недостойному, его несет неуправляемая стихия. Все существо актера от этой земной неуправляемой стихии, водоворота лиц, масок, ситуаций. Подлинный актер – существо принципиально не учитываемое, существо внезапных вспышек и самозабвения, доходящего не только до самопредательства. Да и человек ли это вообще? Он есть – и его нет. Его мука, его ноша, его обреченность в том, чтобы «играть» – быть кем-то, представлять кого-то. Без этого он – пустое место, ни на кого не надетое платье! Недаром старушки крестятся, встречаясь с актером: это вполне точно и правильно! Нужно креститься, ибо актер до такой степени мало похож на человека, «на всех нас», что этого нельзя понять умом. Ему хочется играть роли, «он любит играть роли», без них он, как неживой. Но ведь тайна в том и заключается, что он действительно неживой «до роли Ивана Ивановича или Ивана Поликарповича», а как «надевает роль», оживает, становится кем-то! Так разве же это не колдовство, что человек «находит себя», только «войдя в другого»?

Как-то у Андрея в гостях я залюбовался видом на Исаакиевскую площадь, который открывался из окна его небольшой квартиры, и позавидовал вслух:

– Хорошо у Вас тут, блестит Исаакий, сверкает огням Астория, прекрасная статуя императора, еще немного, и она пойдет в галоп, покрытая рябью Мойка.

– Да, замечательно, но этого хотят лишить.

Он поведал о диком недавнем с ним случае. В подъезде своего дома, вечером, их с Катей встретили два здоровенных парня бандитского вида и посоветовали поскорее съехать добровольно из этой квартиры, а то плохо будет. При этом пытались и физическую силу применить, едва ноги унесли. Угроза нешуточная. Тоже метод. Такие принуждения срываются. В доме все меньше жильцов, но зато на крыше гордо реет вывеска новой конторы. Вот так попросту деловито-вороватая публика, которая ничего не видит здесь, кроме офисов, торговых центров и гостиниц, пытается прибрать к рукам центр города. Но на высоком чиновном уровне разве не та же в конечном счете ставится задача? Только, конечно, решать ее предполагается «приличными», что называется, способами. Так невесело мы тогда рассуждали. Что ж с тех пор изменилось?

Упрощенный регламент охранных зон принят. Хотя законом определены территории объектов культурного наследия, а также режимы использования земель в границах каждой из охранных зон и градостроительных регламентов. И вроде введены жесткие ограничения – запрещается изменение исторической планировки улиц и кварталов, а из всей территории исторического центра предполагается сохранение исторической застройки, все же допускаются некие отклонения «в пределах десяти процентов от отдельных параметров режимов». Почему десять, а не один, два или ноль. И для кого

предназначены эти десять процентов – тайна почище государственной.

В центральных районах города благоустраивают дворы. На телеканале «100» проблеме сохранения старого города был посвящен многочасовой телемарафон.

Весной городское правительство приняло специальное постановление, утвердившее перечень памятных исторических мест, кои запрещено закрывать или перепрофилировать. Перечень скромный – шестнадцать адресов. Но самое удивительное, что контроль над этой «Красной книгой» возложили не на руководство КГИОП или Комитет по культуре, а на чиновника, отвечающего за строительство.

При этом механизма, с помощью которого арендаторов можно законным образом обязать исполнять придуманные Смольным требования по сохранению «памяти места», как не было, так и нет.

Комментируя тогда принятое постановление, депутаты ЗакСа сразу пояснили:

– В случае с приватизированными объектами недвижимости сохранить их профиль вообще невозможно. С точки зрения нашего законодательства нельзя диктовать, что должно быть в том или ином здании. Создание «Красной книги» представляется скорее декларацией, чем реальным действием... Мест, облик которых должен сохраняться, очень много. Но сохранить их можно, если они будут иметь статус объектов культурного наследия, включенных в государ-

ственный список, тогда там можно сохранить интересы и, соответственно, функции.

Теперь, чтобы перейти наконец от декларации к конкретным мерам, парламентарии предлагают внести поправку в проект Правил землепользования и застройки. Она призвана защитить не только отдельные культовые места, но и весь Невский как главную улицу Петербурга.

Поправка предполагает выделить отдельную территориальную зону – «Зона Невского проспекта» (в пределах территории кварталов, примыкающих к Невскому проспекту с обеих сторон, на протяжении от Дворцовой площади до площади Восстания и на глубину не менее одного земельного участка) «с целью создания уникальной среды главной улицы Санкт-Петербурга – культурной столицы России».

– Необходимость этой меры вызвана тем, что в последнее время наблюдается процесс потери Невским проспектом роли главной улицы. Это проявляется в том, что многие объекты торговли и обслуживания, всегда традиционно располагавшиеся здесь и формировавшие его лицо, постепенно исчезают и уступают место другим, в том числе таким, которые могли бы располагаться в любом другом месте города, нивелируя тем самым особенность Невского проспекта. Среди новых объектов обслуживания на Невском проспекте есть и такие, которые теперь не рассчитаны на массового потребителя: это дорогие бутики, где ждут единичного покупателя, а для другой публики эти объекты превратились в закры-

тые, омертвленные зоны. Таким образом, происходит нежелательное изменение специфики среды Невского проспекта.

Градостроительный регламент данной зоны должен делать упор не на застройки (ибо процесс застройки территории этой зоны следует рассматривать, как завершённый), а именно на землепользовании.

Приоритет отдать организациям культуры и предприятиям обслуживания, имеющим культурно-просветительский уклон (книжные, антикварные магазины и т. п.).

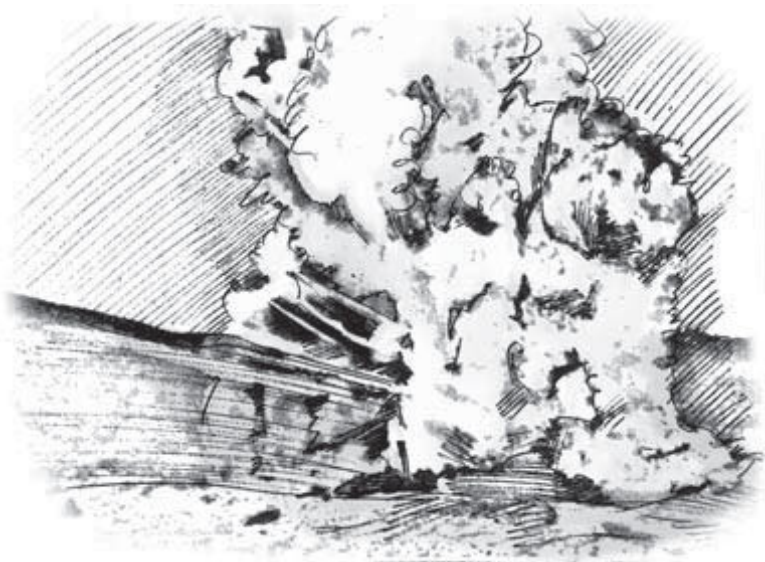
Правительство города одновременно должно обеспечить конкретные меры, направленные на привлечение в зону Невского проспекта коммерческих организаций соответствующего профиля и стимулировать собственников этих помещений. Депутаты ЗАГСа даже рекомендуют правительству города предпринять меры «по сохранению и накоплению хроноустойчивых культурных раритетов Невского проспекта». Среди них – включение в перечень охраняемых объектов культурного наследия сохранившихся на Невском исторических объектов, внесших положительный вклад в формирование его имиджа. И обязательное восстановление в прежнем виде (или в виде, достаточном для обозначения соответствующей мемориальной ценности и преемственности) тех из них, что внесли вклад исключительный – таких как: кондитерская Вольфа и Беранже, «Лавка художника», «Сайгон» или магазин «Старая книга» в доме Котомина. Но пока это только слова, желания, когда они станут законом, может

быть после того, как уничтожат Невский. Не буду о плохом.

Да, кое-что произошло и происходит. Я всегда буду помнить, что петербургский актер Андрей Толубеев был у истоков этого. Его выступление на тех общественных слушаниях частично процитировали многие издания, сообщения попали в интернет. И после он не раз публично отстаивал эту свою позицию в защиту старого Петербурга. Правда, атаки строителей-разрушителей на город тоже не прекращаются. Но что делать? Сдавать этим оккупантам Петербург?

Я примерно знаю, что и как ответил бы на это Андрей, но приводить его возможный ответ не стану.

Эпилог

Задумываясь о жизни, нашей человеческой жизни на Земле, я представляю ее, как поход. Поход по минному полю, при этом, где эти мины спрятал Дьявол – кроме него никто не знает. Это поле – весь земной шар. И каждую секунду под чьими-то ногами взрывается мина. Пока мы маленькие, наши родители прикрывают нас и первыми уходят в вечность. И вот уже мы впереди, мое поколение, и среди нас все чаще

и чаще рвутся ненавистные заряды, унося в мир иной близких и друзей. Нет, чудес не бывает, каждого из нас поджидает смерть. Нет, нет, я не фаталист, но по-другому не бывает, было бы прекрасно, если бы я ошибался. Для того, чтобы человеку было легче это пережить, и придуман загробный мир, с раем и адом. Но все равно это другой мир, нашему нет равных.

Мир вокруг нас удивительно красив и многогранен. Какое счастье видеть, ощущать окружающее. Не спорю, есть или нет Загробный мир, но я две руки поднимаю за наш белый свет. Мне он дороже. Я всегда благодарю своих родителей за подарок, что принесли меня и выпустили в дорогу, где я вижу яркое солнце, облака, несущиеся по небу, ветер, плывущий волной по зеленеющему полю, деревню детства, что стояла на берегу обрыва, отражаясь в воде полноводной реки, бело-розовый цвет яблонь, весенний запах просыпающейся от зимней спячки земли, синее-синее небо с огромным клином перелетных птиц, а радуга, словно удивительная подвечная арка, первый весенний дождь, от радости вызывающий и гром, и молнию, чувство радости жить.

Андрей наступил на мину, но он артист, и чуть-чуть обхитрил смерть. Совсем недавно услышал его голос, будучи дома. Господи, откуда он, стал искать, оказывается, в кухне работал телевизор, и с телеэкрана обращался Андрей.

Конечно, это сладкий обман сказочной техники, благодаря которой с некоторых пор мы можем видеться с ушедшим

навсегда человеком, как с живым. Конечно, это всего лишь давнее-предавнее кино, где Андрей в гриме и говорит написанные тексты, но, поскольку, как всегда, вовсе не актерствует, делает все так, что нет тут никакой видимой игры, мне кажется, что еще немного и он, извинившись перед экраным собеседником, обернется ко мне и скажет, как у нас бывало: «Константиныч, ты погоди маленько, я сейчас...». Что осталось мне от него... Память сохранила улыбку, жестикуюляцию, рукопожатие...

Память... Все обращается в прах и уходит в небытие прошлого. Вспоминаются минуты, которых не вернешь. Мгновения, которые убежали, словно миллионы потоков в течении реки времени. Время идет неумолимо. И кажется, что оно насмехается над нами. И мы не в силах устоять перед величием его, но пока живем, знаем, где прошлое, настоящее и будущее. Когда же переступим черту, то берега времени будут нашим домом.

Я не удивляюсь талантливости Андрея Толубеева. Бог дал ему дар. Врач, актер, писатель. Могу сказать – великолепный писатель!

Несколько вечеров читал последнюю книгу Андрея. Она поразила меня своей простотой рассказа, и вместе с тем глубиной раскрытия характеров. Только талантливый человек мог написать так.

Удивителен роман «В поисках Стрельчика»! Читаю и слышу привычный с хрипотцой баритонистый его спокойный голос, в котором никогда не звучало сколько-нибудь пафосных интонаций, даже если речь шла об очень близких ему понятиях: «Почему из всей блестящей плеяды мастеров БДТ я выбрал именно его? Пожалуй, потому, что он наиболее полно и зримо воплощал в себе понятие «артист». Он был мне дорог и восхищал меня больше, чем другие, не ме-

нее талантливые. Когда он умер, трудно было примириться с мыслью, что этот человек, такой роскошный, звучный, осязаемый превратился в фантом, призрак, миф. Захотелось вернуть ему земное измерение, воскресить хотя бы мысленно, хотя бы словесно, и не роли, им сыгранные – о них уже немало написано, их еще можно увидеть на экране – а именно его самого. Найти того, кто исчез. Ощутить его присутствие. Понять, каким он был. Закрепить его след в пространстве и времени. Я знал его – и не знал. Его жизнь проходила совсем рядом – он был моим старшим коллегой в Большом драматическом, – но мало соприкасалась с моей. Мы редко пересекались на сцене, в кино, на телевидении, в концертах, мы почти не общались вне сцены – я имею в виду общение отдельное, не суетное. По сути он был для меня Загадкой».

Это Андрей в авторском предисловии представляет сверхзадачу своей литературной работы. Он справился с этим. Для меня Владислав Игнатьевич Стржельчик открылся по-новому. Зная и любя сыгранные им роли, я узнал его, как человека удивительно простого, но при этом недостижимого. Сейчас я написал об Андрее, и мне хочется, чтоб читатель увидел его не на сцене, исполняющем очередную роль, а в жизни.

Мне было всегда с ним интересно, что не удивительно: я же его зритель, читатель его талантливых книг – давно его заметил на сцене, в кино, на телеэкране. И быть нам вместе распорядилась судьба. Какую же роль этот блистатель-

ный товстоноговский актер избрал для себя в жизни? При первых наших встречах я убедился – никакую. Многие, даже очень далекие от актерской профессии люди, стараются казаться значительнее, добрее, или наоборот жестче, злее, умнее, или, на всякий случай, глупее – по обстоятельствам. И это неплохо у некоторых получается. А он никогда не играл, говорил, что думал, делал, что считал нужным. И на сцене не играл – жил своей ролью. Искренность – тоже дар, тоже талант. Она и помогает актеру, как я представляю, вжиться в роль, то есть представить жизнь сценического героя, как свою. Это и определяет актерскую удачу. Да и литературную, как книга о Стржельчике. Книга удалась еще и потому, что хорошо знавшие прямо у Андрея театральные сотоварищи ему доверяли. Уверены были: не подведет, напишет правду, и не уходили от ответов, честно отвечали на дотошные его расспросы не только о Стржельчике, но и о себе, о театре.

Говорят, у этой книги будто бы в начале был авторский шуточный подзаголовок: «На фоне Владика снимается семейство». Во всяком случае, так и вышло. Семейство БДТ, включая не только актеров, но и гримеров, осветителей, других помощников артистов, отвечая на вопросы Андрея, поведало о главном герое, каким его зрители не знали. О том, как красавец, любимец публики, особенно прекрасной ее половины, умел радоваться жизни, и как тяжело с ней ему выпало расставаться. А попутно складывается портрет редкой по набору выдающихся талантов труппы одного из лучших

в стране театров со всеми его неприметными извне бедами, взлетами и чудачествами человеческих отношений, которые неотделимы от сценической истории БДТ в лучшую свою пору.

Сегодня ясно, что театр, в котором служил Андрей, был создан на протяжении многолетней деятельности и является одним из фаворитов отечественных театров. Динамика мысли, сценическая правда соединяются с яркостью театральной формы и создают завораживающую притягательность его спектаклей. Каждый спектакль – это событие в культурной жизни всей страны.

Мы, живущие сегодня, не перестаем поражаться тому, что человеческое слово и человеческий жест все чаще обладают выразительной силой, в сравнении с которой вся великолепная техническая цивилизация, преобразовавшая наш мир, кажется бессмысленным нагромождением чего-то удручающе скучного. Стоит только с нужной интонацией произнести слова, постучаться в дверь условным стуком – и возникает нечто, с чем по части реальности не в силах тягаться никакой, пусть самый совершенный технический прогресс. Но для кого это нечто и как оно существует? Разумеется, оно возникает не без помощи нас – смотрящих. Именно благодаря нам происходит то, что должно произойти; но поразительно другое: современный человек, на которого непрерывно изливается целый поток зрительных впечатлений и который с трудом спасается от обрушившейся на него звуковой

лавины, все еще способен что-то делать сам. Он способен возвысить себя, и тем самым дать осуществиться той высоте духа, которая венчает собой мгновение праздника. Театр стал более духовным. В нем живет непосредственность, которая так редко выпадает на нашу долю в нашем сверх меры специализированном, искаженном мире.

Успехи современной техники затронули сферу жизни театра действительно очень глубоко, так, что само выживание театра в изменившемся мире отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся. Кино и радио породили новые формы удовлетворения природной потребности человека в зрелищах и музыке, с другой стороны, современный спорт создает праздничную и в то же время не связанную с искусством форму массового зрелища. Во всем, вплоть до поэзии, мы можем проследить новый, характерный для нашей эпохи принцип художественного построения, который можно обозначить, как монтаж. Монтаж – соединение готовых элементов в некое целое. Тот, кто имеет дело с монтажом, конечно, вносит свой вклад в творческий процесс, ибо должен предвидеть, как будет функционировать целое, а если речь идет о поэтическом или театральном монтаже, – каким будет эффект, вызываемый этим целым. И все же «монтажер» принадлежит миру современной индустрии, и его деятельность, пожалуй, ближе к работе инженера, чем к творчеству.

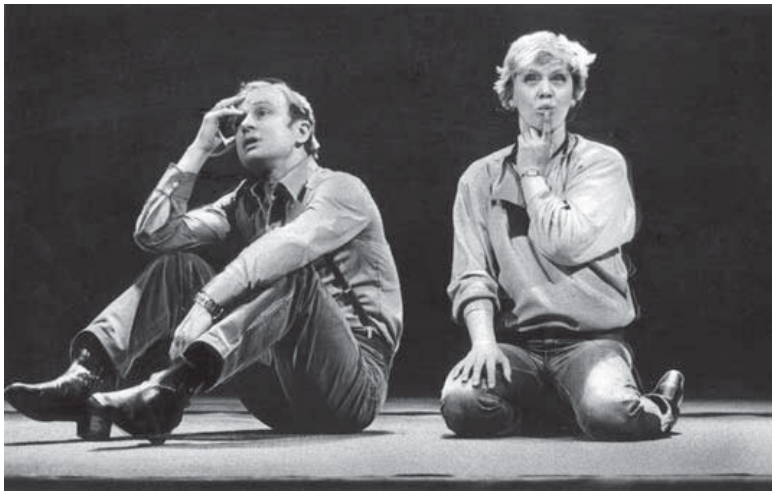
Пытаясь говорить о БДТ, меня все время затягивает: ве-

ду рассуждения о театре, о его воздействии на меня, о роли театра в мире технического планирования и в жизни общества. Для того, чтобы прекратить все мои размышления о функции театра в постоянно изменяющемся обществе, я могу твердо согласиться со словами классика... «Из всех дошедших до нас светских институтов театр – единственно могучий и реальный институт, который связывает наше праздничное настроение, любовь к зрелищам, смеху, прикосновению, напряжению, возбуждению, потрясению непосредственно с праздничным импульсом, издревле присущим человеческому роду».

Театр – это актеры. И один из этой удивительной плеяды, ярчайшая звезда – Андрей Толубеев.

Но все-таки о книге, поразившей меня. Она стала мне доброй спутницей, советницей, и всегда рядом на рабочем столе. Она поразила меня, зацепила за живое и, думаю, пока я живу, не отпустит. Что такое роман-интервью? Раньше таких жанровых определений я не встречал. Но образец вот он – странное, казалось бы, несовместимое смешение литературы и журналистики, а в результате двенадцатилетней репортерской работы Андрея получился действительно роман, отвечающий положенным канонам «развернутого повествования о жизни и «развитии личности главного героя в заданных жизнью своеобразных обстоятельствах». В книге написано то, что прочувствовано самим, узнано и испытано. Только знающий человек мог написать: «Товстоногов всегда

просил: «легче»! Ну, Господи, как это тяжело! Только ходивший по сцене человек понимает это. Как легко становилось, когда ты слышал это его четкое «да». И как невыносимо муторно было его резкое или усталое «нет», тяжелое «нет»...». «...О Стржельчике. Первое, самое банальное заключалось в том, что ему безумно нравилось быть актером. Я эту радость в жизни не получаю, например, когда узнают. А он был актером во всем...». Где еще прочтешь об этом, узнаешь такие подробности! А они в этой книге на каждой странице. Я уже говорил о театральном мире: об интригах, зависти и других бедах, видимо, у Андрея этого было меньше всего, и потому его коллеги так доверительно могли рассказать о своем ремесле, о личных представлениях, каким был тот или другой мастер на сцене и за ее пределами. Большинство глав этого романа так и называются: «Из беседы с Людмилой Шуваловой» «... с Олегом Басилашвили...», «... с Татьяной Дорониной...», «... с Алисой Фрейндлих...», «... с Михаилом Боярским...». И так двадцать имен. Большинство имен звучных. Их знают многие в России. Но есть имена, я назвал бы их камерными. Они известны узкому кругу, но без их работы многое потерял бы театр. Спектакли бы не имели того воздействия на нас.

Один из них Владимир Куварин – заведующий постановочной частью театра. Я хорошо знал этого удивительного человека, мы с ним быстро нашли общий язык, от него многое зависело при строительстве студийного корпуса во дворе театра, стоило ему пожаловаться Лаврову, с которым у него были прекрасные отношения, неприятностей не миновать. Иногда, когда было совсем невмоготу, и мы перекрывали дорогу в склад с декорациями, звонил мне и вежливо просил: разреши проехать, Михаил Константиныч.

Беседа Андрея с ним не явилась для меня открытием. Просто многое, чего я не знал, открылось для меня и осталось со мной.

«... – А какое самое тяжелое воспоминание вашей жизни?»

– Ох... С сорок пятого года я работаю в театре. И я рад, что работаю в театре. Конечно, бывало разное. Бывали сложные времена, бывали легкие за эти полстолетия. Но сказать о том, что было что-то очень тяжелое... Мне было тяжело, когда я перешел на должность завпоста из макетчиков. Совсем другая должность. В макетчиках я был сам себе хозяин: когда хочу, тогда и работаю – хоть ночью, хоть днем. А здесь совсем другое дело. Было тяжело, но физически скорее. Самая большая тяжесть – смерть родителей, это было самое тяжелое в жизни. А трудности и сложности в работе – так ведь без них не проживешь, верно?

– Даже ранение не вспоминается, как тяжелый случай?

– А что ранение? Пришлепнуло – больно не было. Страшно тоже не было. Повалился в госпитале.

– Вообще похоже, для вашего поколения слово «надо» – оно решающее. Так?

– Обстоятельства были такие, обстоятельства. Ведь война. Ну надо! Другого не возникало. Не могу сказать, чтобы во время войны и после мучился чем-то, какими-то проблемами, чтобы приходилось что-то решать, жизненный выбор делать.

– Вы никогда не оказывались в ситуации выбора?

– Какой выбор? Один раз выбрал в сорок пятом году, пришел в театр работать – вот и весь выбор. Чего еще выбирать?

Наверное, магнитофонная запись как-то редактировалась. Но живая бытовая речь с профессиональными словечками и оборотами осталась. Вообще эта книга не только читается, как завлекательный роман, но еще и «смотрится», легко представляется, как спектакль, в котором автор одновременно режиссер и комментатор главной темы своего творения: кто такие эти люди, что являют нам чудо театра. О себе, при этом, почти не говорит. Только «каждый пишет, как он слышит». Потому в книге явно присутствует и второй главный герой – ее автор.

Еще не зная, что это его последняя роль, он заканчивает авторское вступление печальным воспоминанием: «29 ап-

реля 2007-го мы прощались с Кириллом Юрьевичем Лавровым... Он пришел в БДТ намного позже Стржельчика, но прожил в нем почти столько же...» А через год – в апреле 2008-го театр провожал Андрея Толубеева. Как-то слишком быстро – миг все произошло. Мне показалось, что вместе с ним ушла часть меня. Да, так оно и случилось на самом деле. Мир каждого из нас – это же наши родные, близкие, друзья – все те люди, которые, как нам кажется, неотделимы от нашей жизни, будут в ней всегда. Но они неожиданно уходят, и мир сразу съеживается. Конечно, мы не устаем при этом повторять, что покинувшие нас и этот мир навсегда остаются живы в нашей памяти, пока мы их бережем от забвения. Только рядом повторяется и другое: «...все пройдет, все забудется». Что тоже не лишено смысла, отражающего закономерность происходящего.

Я помню, в детстве никогда не думал, что моя мама вдруг умрет. В голову такое не могло прийти. Но это случилось. Такого горя я не переживал больше никогда. Маминой доброты, в которой вырос, хватило на всю жизнь. По-моему, все в конечном счете забывается, но ничто не пропадает даром. Это хорошо чувствовал Андрей. Потому не случайно у всех своих собеседников в книжке о Стржельчике он спрашивает о первых ярких впечатлениях детства. Как психолог он знал, что отталкиваясь от них, можно судить и о том, как складывался характер человека, объяснять его профессиональное и обычное в быту поведение. Знал, что нас всех с малолетства

создают, прежде всего, обстоятельства нашей жизни, и в то же время мы сами – больше некому – создаем эти обстоятельства, участвуем в этом всем. А не только великие артисты, ученые, политики, прочие выдающиеся граждане. Хотя они, конечно, в первую очередь.

Мы очень часто говорили с ним о воспитании молодежи и наших детей и внуков.

Нагрузка на детскую психику волновала и волнует меня так же, как и Андрея. Видя, что происходит с моими внуками сейчас в школе, я возмущен, встревожен: «Люди, остановитесь, что вы делаете, вспомните себя. Если бы вас так нагружали тогда в вашем детстве, что было бы с вами сейчас». А может, я это говорю из жалости к своим кровинушкам. Мы много спорили по этому поводу, вспоминая свое воспитание, жизненный опыт, прочитанное. Однажды Андрей рассказал следующее.

– Если тебя попросить рассказать случай из раннего детства, ты с удивлением обнаружишь, что почти ничего не помнишь, если только это событие не было из ряда вон выходящим. Даже если ты и оживишь в памяти какой-то случай, когда тебе было два-три года, скорее всего ты запомнил его не из собственного опыта, а из рассказов мамы и других взрослых. Однако тот факт, что человек не помнит всего, что с ним случилось в раннем детстве, не означает полного забвения. Любое впечатление и любой опыт, полученный в возрасте до трех лет, становится частью основания сформиро-

вавшейся личности. Говорят, что под гипнозом любой человек, если ему внушить, что ему только год от роду, начнет говорить и вести себя, как годовалый ребенок. А это означает, что любые впечатления детства навсегда сохраняются в сознании. Когда человека доводят до критического состояния, он вдруг начинает представлять себе сцены их детства. В своей книге, которую я случайно прочитал, политический деятель Кукуэй Манака описал, что воспоминания о детстве неожиданно нахлынули на него в госпитале во время, когда он был на грани жизни и смерти. Он вспомнил, как мать водила его в храм, вспомнил монаха, стоявшего у ворот, его лицо, одежду, манеру говорить – все это до мельчайших подробностей. Потом он рассказал об этом «видении» своей матери, и выяснилось, что это действительно происходило, когда ему было два года. В этой же книжке господин Моритсу Минато, президент исследовательского центра Никко, родился в Китае, где провел свое раннее детство. После того, как семья переехала в Японию, он никогда больше не говорил по-китайски и считал, что начисто забыл его. Много лет спустя он приехал в Китай в деловую поездку. Попытался что-то сказать, и вдруг китайские слова так и посыпались. Язык был абсолютно естественный, и говорил он настолько свободно, что удивило и его самого, и китайских коллег. Это еще раз показывает, как прочно опыт раннего детства отпечатывается в мозгу. Если не заложить с самого начала прочный фундамент, то бесполезно пытаться построить здание:

даже если оно будет красиво снаружи, оно все равно развалится на куски от сильного ветра или землетрясения.

Раннее развитие – это примерно и есть такой фундамент. Его нужно делать крепким с самого начала, потому что невозможно начать строить фундамент, когда здание уже готово.

– Константиныч, вспомни себя школьником. Именно представь себя в этом возрасте, а не теперешним, умудренным, всезнающим, понимающим. Представил? Теперь понимаешь, как сейчас наши дети и внуки рано взрослеют, какую

колоссальную нагрузку испытывают? Порой, спеша на занятия, готовясь к зачетам, получая оценки, они не замечают голубого неба над головой или зеленой весенней травки. Устают от больших нагрузок, от этого опускаются руки, но перебарывают себя и выполняют уроки, задания. Учителя, мы, близкие, давим на них – надо, надо – а еще музыка, спорт...

Вспомни первое сентября – День знаний! Мы приходили с радостью в школу. И рады были не тому, что будем учить очередные стихотворные строки, формулы, законы, а тому, что увидим своих друзей, расскажем о летних впечатлениях. Так уж сложилось, что школа и детство – это единое целое. Получается, что школа делает из нас людей и влияет на наше будущее. Из стен школы мы вышли уже состоявшимися личностями, со своими жизненными принципами, взглядами. Складывается впечатление, что выпускник школы – человек с большим жизненным опытом. Но это только иллюзия. За маской взрослости скрывается детская сущность. Там дают тот объем знаний, который должны выучить. Нам говорят: «Так надо!» Кому надо? Из-за такой сложной школьной программы нет времени просто отдохнуть. Кто составляет такие программы? Кто спросил школьников: «А вам это надо?» Все решают «дяденьки», которые сидят в Министерстве, составляя учебные планы; директор с завучем, ломая голову над тем, что в этот план еще «впихнуть». А результаты, причем хорошие, должны дать школьники – наши дети.

Всю жизнь можно условно разделить на определенные

этапы: рождение, младенчество, детство, юность... И взрослые никогда не задумываются, что детству отводится всего каких-то пять лет, то есть с одного года до шести лет. Почему же зрелость длится двадцать пять лет, детство всего пять?

В жизни все должно быть вовремя. Очень рано детей загружают. Подождите! Дайте им побыть детьми. Когда выйдут из стен школы, тогда будут серьезно задумываться об учебе, тогда будут взрослеть. А сейчас дайте детства. Неужели не видно, что они потерялись в огромном объеме информации, который, как говорят взрослые, необходим. Уходя на каникулы, они думают о том, как успеть прочитать ту литературу, которая, по-моему, не предназначена для детского ума. Пусть гуляют, наслаждаются жизнью. Это ужасное слово «надо» не должно стоять рядом со словом «детство». О детской сущности не задумываются, создавая усложненные школьные программы.

Окончив школу, мы вспоминаем вечера, походы, классные часы, потому что там мы общались, смеялись, играли... Вспомним, как положили кнопку на стул однокласснику, как принесли мышь и отпустили гулять ее по классу. Будем вспоминать те моменты, когда мы были свободны от каких-то дел. Школа была, есть и будет. Учеба нужна всем детям без исключения. А что, если программа наших школ будет другой? Если будут давать чуть-чуть больше свободного времени? Может, тогда у всех детей появится желание учиться, поглощать знания с радостью. Школа станет местом, где

проходит счастливое, интересное, полное ярких впечатлений детство. У всех будет свободное время для самореализации. Кто знает, может, пополнятся ряды поэтов, художников, музыкантов и других творческих личностей. Ведь ребенок «творит» в детстве. Он «выплескивает» на бумагу свои эмоции, чувства. Впечатления детства остаются на всю жизнь. У каждого художника, музыканта есть хотя бы одно произведение, посвященное детству. Многие известные поэты начали свой творческий путь с раннего возраста. Они опирались на свои первые впечатления. Ребенок никогда не слухавит, поэтому стихотворения, рассказы получались правдивыми и чистыми. Нужно давать время на развитие способностей. Дети уникальны по-своему. Вот эту уникальность и нужно раскрывать в школе. А еще говорят, что дети в нашем веке должны знать все. Но они ведь не гении нового времени, а просто дети, которых делают взрослыми слишком рано.

Последние годы Андрея особенно тревожила историческая судьба Петербурга. Он всегда подчеркивал, что особый дух Петербурга – это его люди, их историческая память. Андрей выступал по этому поводу много раз, поддерживая своим авторитетом тех, кто до сих пор не устает защищать старый город от варварского к нему отношения. Приводил доводы и специально для всемогущего в родном Отечестве чиновного люда, стараясь воздействовать на их профессиональное честолюбие, говорил о том, что у всякого государства есть «мышцы», своя кость, но есть еще, должна быть,

и душа. А старый Петербург у нас – часть этой души, о которой, как о Боге, забывать нельзя. Предпринимательскую публику увещевал тем, что кажущаяся сиюминутная выгода от перелицованных под гостиницы памятников архитектуры в центре города, от шикарных торговых центров на месте исторических зданий Невского проспекта – ничто по сравнению с ущербом, который принесут эти новостройки туристической привлекательности города, на которой можно заработать гораздо больше, сохранив при этом как раз и его для души в первозданной целостности. Точно так учитывал особенности каждой аудитории, искал для всех наиболее близкую аргументацию. Действовало все, конечно, с очень переменным успехом. Время такое. Но, если бы не он, не остальные его единомышленники, какой бы «Нью-Петербург» мы лицезрели бы сейчас?

Сегодня, приходя на заседания Общественного Совета города, я невольно ищу глазами Андрея. Он никогда не стоял один, его окружали люди. В его советах, добрых советах, нуждались многие. Добро бессмертно, хоть порой зло мешает нам жить. Людям всегда нужны советы, как хлеб, как вода. Да, я согласен, что в нынешнее время стало неактуальным дискутировать о таких вечных понятиях, как добро и зло. Пусть эта перемена и не отразилась с внешней стороны на жизни человека. Может, потому что зло слишком близко, рядом с нами со всеми, и с каждым в отдельности, потому и говорить об этом нечего. Наверное, доля истины в этом есть.

На самом же деле, истина, которую мы делаем вид, будто пытаемся найти, не где-то, а в наших сердцах и в нашем понимании этих слов, слов «добро» и «зло».

Вот потому человеку всегда нужны советы. Советы человека, которому веришь и которого любишь. Андрей был именно таким.

Мне, как в детстве, хочется чуда. Увидеть Андрея живого и невредимого, улыбающегося своей неповторимой улыбкой. Хочется услышать его отвечающего на мой вопрос:

– Андрей, где ты был так долго?

– Чуть-чуть приболел, Константиныч.

Совсем недавно, возвращаясь домой от Фонарного переулка, пошел пешком вдоль Мойки. Лед с поверхности реки исчез, черная вода с силой ударяла в гранитные берега. Я остановился у Синего моста, на том самом месте, где заканчивались наши совместные прогулки с Андреем. По-моему, ничего не изменилось: Мариинский дворец, скульптура Николая Первого, «Астория», Исаакий. Шум от машин, спешащие люди. Я долго смотрел на окна квартиры Андрея. Теплый свет струился из них.